LIFE FOR GOD

Беседы с земледельцами

Чарльз Сперджен

СБОРНИКИ ПРОПОВЕДЕЙ

Полный русский перевод

1889

2026

LIFE FOR GOD

ХРИСТИАНСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Книги на русском и английском, аудиозаписи, духовные беседы и мастерская проповедника.

Веб-сайт

lifeforgod.church

Нажмите на адрес или отсканируйте QR-код камерой телефона.

Читать эту книгу онлайн

Об издании

Полный сборник из 19 бесед. Исторический английский текст издания Funk & Wagnalls 1889 года и новый русский перевод.

Русский перевод подготовлен священником Сергеем Кауди для Life for God.

Основа — Talks to Farmers (Нью-Йорк: Funk & Wagnalls, 1889), электронная транскрипция Project Gutenberg № 42518. Все 19 бесед сохранены в первоначальном порядке, включая начальные библейские тексты и стихотворные строки. Выявленные ошибки транскрипции сверены с историческим изданием Funk & Wagnalls 1882 года; исправления отмечены в редакционных примечаниях. Ссылки на Писание сохраняют английскую нумерацию оригинала. Русский перевод передаёт богословские суждения, исторические примеры и полемику автора без сокращений.

Исторический английский текст находится в общественном достоянии в США. Новый русский перевод и подготовка данного издания — Life for God, 2026. Современные сторонние русские переводы не использованы.

Богословские суждения и исторические примеры принадлежат автору. Редакционные примечания обозначены отдельно. Номера абзацев введены для ссылок и сопоставления языков.

Читать на сайте Life for God →

Источники

Charles H. Spurgeon · Talks to Farmers · Project Gutenberg no. 42518

Charles H. Spurgeon · Talks to Farmers · Funk & Wagnalls, 1882 · Library of Congress scan

Содержание

Об издании 2
Источники 2
Содержание 3
Поле ленивца 4
Сломанная ограда 27
Мороз и оттепель 43
Пшеничное зерно, умирающее, чтобы принести плод 61
Пахарь 76
Пахота на скале 93
Притча о сеятеле 108
Главная пшеница 123
Весна в сердце 137
Работники на ниве 154
Что могут и чего не могут работники на ниве 169
Овцы перед стригущими их 185
На сенокосе 200
Радость жатвы 214
Собирание духовных колосьев 229
Трапеза на жатве 244
Нагруженная повозка 261
Молотьба 278
Пшеница в житнице 293
Примечания 306

Поле ленивца

1 «Проходил я мимо поля ленивого и мимо виноградника скудоумного человека; и вот, всё это заросло терном, поверхность его покрылась крапивою, и каменная ограда его обрушилась. И посмотрел я, и обратил сердце моё, и посмотрел и получил урок». — Притч. 24:30–32.

2 Несомненно, Соломон порой бывал рад отложить царские одежды, уйти от придворных церемоний и неузнанным побродить по стране. Однажды во время такой прогулки он заглянул через разрушенную ограду небольшого имения, принадлежавшего одному из земледельцев его страны. Имение состояло из участка пахотной земли и виноградника. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять: хозяин его — ленивец, запустивший своё хозяйство, потому что сорняки разрослись в великом множестве и покрыли всю землю. Из этого Соломон извлёк урок. Люди обычно научаются мудрости, если уже обладают мудростью. Глаз художника видит красоту пейзажа, потому что красота есть в его душе. «Кто имеет, тому дано будет», и он будет иметь в изобилии, ибо соберёт жатву даже с поля, заросшего терном и крапивой. Люди очень различаются тем, как пользуются своим внутренним зрением. У меня есть книга под названием «Жатва спокойного взора», и это хорошая книга: такую жатву можно собрать и на земле ленивца, и в хорошо устроенном хозяйстве. В детстве мы учили небольшое стихотворение «С глазами и без глаз», и в нём было много правды, потому что некоторые имеют глаза, но не видят — а это почти то же самое, что вовсе не иметь глаз; у других же глаза зорки и повсюду подмечают уроки. Одни смотрят только на поверхность, другие видят

не только наружную оболочку, но и живое зерно истины, скрытое во всём внешнем.

[3] *Мы можем найти поучение повсюду.* Для духовного ума и крапива полезна, и сорняки несут своё учение. Разве тернии и волчцы не призваны быть учителями грешных людей? Разве земля не произращает их именно затем, чтобы показать нам, что сделал грех и какие плоды вырастут, когда мы посеем семя мятежа против Бога? «Проходил я мимо поля ленивого и мимо виноградника скудоумного человека, — говорит Соломон, — и посмотрел я, и обратил сердце моё, и посмотрел и получил урок». Что бы вы ни увидели, постарайтесь хорошенько это обдумать, и тогда увиденное не будет напрасным. Вы найдёте книги и проповеди повсюду: на суше и на море, на земле и в небесах; вы будете учиться у всякого живого зверя, птицы, рыбы и насекомого, у всякого полезного и бесполезного растения, которое произрастает из земли.

[4] *Редкие по своей ценности уроки мы можем извлекать и из того, что нам не нравится.* Я уверен, что Соломон ничуть не восхищался терном и крапивой, покрывавшими виноградник, и всё же нашёл в них поучение. Многих крапива жалит, но немногих учит. Одни люди получают от колючек раны, а вот человек, который стал благодаря им лучше. Мудрость умеет собирать виноград с терновника и смоквы с крапивы; она извлекает добро из трав, самих по себе вредных и дурных. Поэтому не досадуйте на тернии, а извлекайте из них пользу. Не начинайте сами жалить себя крапивой: крепко возьмите её в руки, а затем употребите на пользу своей душе. Испытания и беды, тревоги и смятения, мелкие огорчения и небольшие разочарования — всё может помочь вам,

если вы захотите. Как Соломон, смотрите и вдумывайтесь: взирайте и получайте урок.

5 Что касается нас, то теперь мы, во-первых, рассмотрим *описание ленивца, данное Соломоном*: это «скудоумный человек»; во-вторых, обратим внимание на *его описание земли ленивца*: «всё это заросло терном, поверхность его покрылась крапивою». Рассмотрев эти два предмета, мы в заключение *постараемся извлечь урок, который может дать нам этот заброшенный участок*.

6 Прежде всего подумайте о том, как Соломон описывает ленивого человека. Соломон был человеком, которому никто из нас не стал бы возражать, ибо он знал столько же, сколько все мы, вместе взятые; а кроме того, когда он писал Книгу Притчей, он находился под божественным вдохновением. Соломон говорит: ленивец — «скудоумный человек». Сам ленивец так не думает: он суёт руки в карманы, и по его важному виду вы могли бы решить, что весь Английский банк находится в его распоряжении. Видно, что в собственных глазах он весьма мудр, ибо держится так, чтобы внушить вам представление о своих превосходных способностях. Откуда взялась его мудрость, сказать трудно. Он никогда не утруждал себя размышлением, однако я не решусь сказать, что он скачком приходит к выводам: он вообще никогда не прыгает, а ложится и перекатывается к выводу. И всё же он знает всё и обо всём уже вынес окончательное суждение: размышление для него слишком тяжёлый труд, учения он никогда не мог вынести, зато очень рад тому, что умён от природы. Знать больше, чем он знает, ему незачем: ведь он уже знает достаточно, хотя на самом деле не знает ничего. Притча ему не льстит, но я уверен, что Соломон был прав, назвав его «скудоумным

человеком». По меркам утончённых манер нашего времени Соломон был довольно груб: ведь у этого господина были поле и виноградник, а, как говорит Бедный Ричард, «когда у меня есть лошадь и корова, каждый желает мне доброго утра». Как может быть скудоумным человек, у которого есть поле и виноградник? Разве не принято мерить разум человека количеством его наличных денег? Во всяком случае, если вы преуспели в приобретении богатства, вас скоро начнут осыпать лестью за ваши достижения. Таков обычай мира, но не обычай Писания. Есть у человека поле и виноградник или нет, говорит Соломон, если он ленивец — он глупец; или, если угодно назвать его несколько пространнее, человек, лишённый разумения. Он не только ничего не понимает, но у него и самого разумения, которым можно понимать, нет. Если он ленивец, голова у него пуста. Его могут называть джентльменом, он может быть землевладельцем, иметь виноградник и поле, но от своего имущества он нисколько не становится лучше; напротив, он тем хуже, что лишён разумения и потому не умеет пользоваться тем, чем владеет.

7 Я рад, что Соломон так прямо говорит мне: ленивый человек лишён разумения, — ибо это полезное знание. Я встречал людей, полагавших, что они в совершенстве понимают учения о благодати: они могли точно изложить избрание святых, Божие предопределение, непреложность божественного определения, необходимость действия Духа и все славные учения о благодати, из которых возводится здание нашей веры; но эти господа заключили из таких учений, что им самим ничего делать не надо, и потому стали ленивцами. Их вероисповедание — ничего-не-делание. Они даже других не станут побуждать трудиться для Господа, потому что,

говорят они, «Бог Сам совершит Своё дело. Спасение целиком по благодати!» Эти ленивцы представляют себе дело так: человек должен ждать и ничего не делать; сидеть неподвижно, позволяя траве вырасти ему по щиколотку, и надеяться на небесную помощь. Поднять себя с места означало бы вмешаться в вечный замысел — а это он считает совершенно недопустимым. Мне случалось видеть, как такой человек хмурился, качал своей старой головой и говорил жестокие слова против ревностных людей, старавшихся приобретать души для Христа. Мне случалось видеть, как он поносил молодых людей и, подобно огромному паровому тарану, топил их, называя неправомыслящими и невежественными. Как нам пережить порицания этого догматика? Как спастись от этого всезнающего и придирчивого ленивца? Соломон спешит на помощь и одним словом гасит важность этого господина, объявляя, что он лишён разумения. Как же так: ведь он — мерило правоверия и судит всех! Но Соломон прилагает к нему другое мерило и говорит, что он лишён разумения. Учение он, может быть, и знает, но не понимает его; иначе он знал бы, что учения о благодати побуждают нас искать благодати, о которой эти учения говорят; и что, видя Бога за работой, мы узнаём: Он действует в нас не для того, чтобы усыпить нас, но производит в нас и хотение, и действие по Своему благоволению. Предопределяя Себе народ, Бог предназначает его к добрым делам, чтобы этот народ возвещал Его хвалу. Поэтому если вы или я из каких-либо учений, какими бы истинными они ни были, заключаем, что вправе оставаться праздными и равнодушными к Божиему делу, — мы лишены разумения; мы поступаем как глупцы, злоупотребляем Евангелием, превращаем в яд то, что предназначалось в пищу. Ленивец, будь то

леность в делах или в заботе о своей душе, — человек, лишённый разумения.

8 Как правило, мы можем судить о разумении человека по его полезной деятельности — именно это мудрец совершенно ясно нам говорит. Иные называют себя «образованными», однако ничего не возделывают. Современная мысль, насколько мне довелось видеть её действительную работу, — это бутылка дыма, из которой не выходит ничего прочного; и всё же мы знаем людей, умеющих различать и подразделять, спорить и обсуждать, утончать и опровергать, а тем временем в борозде растёт болиголов и ржавеет плуг. Друг мой, если твои знания, твоя культура, твоё образование не приводят тебя к деятельному служению Богу в твои дни и среди твоего поколения, ты не научился тому, что Соломон называет мудростью, и не похож на Благословенного, Который был воплощённой мудростью и о Котором мы читаем, что Он «ходил, благотворя». Ленивый человек не похож на нашего Спасителя, сказавшего: «Отец Мой доныне делает, и Я делаю». Истинная мудрость деятельна: хвастливая образованность напускает туман и строит теории. Мудрость пашет своё поле, мудрость пропалывает свой виноградник, мудрость заботится о посевах, мудрость старается всему найти наилучшее применение; а тот, кто этого не делает, сколько бы он ни знал о том, другом или третьем, — человек, лишённый разумения.

9 Почему он лишён разумения? Не потому ли, что *у него есть возможности, которыми он не пользуется*? Его день настал, его день проходит, а он позволяет часам утекать без всякой пользы. Не стану слишком строго теснить кого-либо из вас, но попрошу каждого быть как можно строже к самому себе и спросить себя: пользуюсь

ли я ускользающими минутами? У этого человека был виноградник, но он его не возделывал; было поле, но он его не пахал. Пользуетесь ли вы, братья, всеми своими возможностями? Я знаю, у каждого из нас есть какие-то силы для служения Богу; пользуемся ли мы ими? Если мы Его дети, то Он никого из нас не поставил туда, где мы неизбежно были бы бесполезны. Где-нибудь мы можем светить тем светом, который Он нам дал, даже если это всего лишь свечка ценой в фартинг. Светим ли мы так? Сеем ли при всех водах? Утром ли сеем семя, вечером ли по-прежнему простираем руку? Если нет, то нас обличает всеобъемлющий приговор Соломона, называющего ленивца «скудоумным человеком».

10 Имея возможности, он ими не пользовался; далее, *будучи обязан исполнять определённые обязанности, он их не исполнял*. Когда Бог установил, чтобы каждый израильтянин имел участок земли, — при том замечательном устройстве, которое делало каждого израильтянина землевладельцем, — Он хотел, чтобы каждый владел своим наделом не для того, чтобы оставлять его пустовать, а чтобы возделывать. Когда Бог поместил Адама в Эдемском саду, это было сделано не затем, чтобы он гулял по полянам и созерцал самопроизвольную пышность ещё не падшей земли, но чтобы возделывал и хранил сад; ту же цель Бог имел в виду, когда выделял каждому иудею его надел: Он хотел, чтобы святая земля достигла наивысшего плодородия благодаря труду её владельцев. Таким образом, обладание полем и виноградником возлагало на ленивца обязанности, которых тот никогда не исполнял, — потому он и был лишён разумения. Каково твоё положение, дорогой друг? Ты отец? Хозяин? Слуга? Служитель церкви? Учитель? Что ж, именно в этих областях тебе

даны твои поля и виноградники; но если ты не пользуешься своим положением правильно, то окажешься лишённым разумения, ибо пренебрегаешь целью своего существования. Ты упускаешь высокое призвание, которое поставил перед тобой твой Создатель.

11 Ленивый земледелец был неразумен в этих двух отношениях, а также и в третьем: *у него были способности, которыми он не пользовался*. Он мог бы пахать поле и возделывать виноградник, если бы захотел. Он не был больным, вынужденным лежать в постели; он был лежебокой, лежавшим по собственному выбору.

12 В служении Богу от вас не требуется то, что совершенно превышает ваши силы: с нас ожидается сообразно тому, что мы имеем, а не тому, чего не имеем. От получившего два таланта не требуется прибыль с пяти, но ожидается прибыль с двух. Соломонов ленивец был слишком праздным, чтобы приняться за задачи, вполне ему посильные. У многих дремлют способности, о которых они почти и не подозревают; у ещё большего числа людей есть дарования, которые они употребляют для самих себя, а не для Того, Кто их создал. Дорогие друзья, если Бог дал нам какую-нибудь силу делать добро, прошу вас, будем его делать, ибо этот мир зол и изнемогает. В такой тьме нельзя заслонять даже огонёк светлячка. В мире, столь полном лжи и заблуждения, нельзя удерживать ни одного слога божественной истины. Как бы слабы ни были наши голоса, возвысим их ради истины и праведности. Не будем лишёнными разумения людьми, у которых есть возможности, ими не используемые, обязанности, ими не исполняемые, и способности, ими не применяемые.

13 Что до ленивца в делах души, то он и впрямь лишён разумения, ибо *легкомысленно обращается с тем, что*

требует его самого серьёзного внимания. Человек, неужели ты никогда не возделывал своего сердца? Неужели лемех ни разу не разбивал глыбы твоей души? Неужели семя Слова никогда не было посеяно в тебе? Или оно не пустило корня? Неужели ты никогда не поливал молодые ростки желания? Неужели никогда не старался вырвать сорняки греха, растущие в твоём сердце? Неужели ты всё ещё клочок пустующего выгона или дикой пустоши? Бедная душа! Ты умеешь приводить в порядок тело и проводишь немало минут у зеркала; а о душе своей не заботишься? Сколько времени ты тратишь на украшение своей бедной плоти, которая всего лишь пища для червей — или стала бы ею через минуту, если бы Бог отнял твоё дыхание! И всё это время твоя душа непричёсана, неумыта, неодета — бедное, заброшенное создание. О, так быть не должно. Ты заботишься о худшей части, а лучшую оставляешь погибать от небрежения. Вот верх безумия! Кто ленив к винограднику своего сердца, тот лишён разумения. Если уж мне суждено быть праздным, пусть это будет видно на моём поле и в моём саду, но не в моей душе.

[14] Или ты христианин? Ты действительно спасён и при этом нерадив в деле Господнем? Тогда, кем бы ты ни был, я не могу не сказать: у тебя слишком мало разумения; ибо, конечно же, когда человек сам спасён и понимает опасность, угрожающую душам других, он должен ревностно стараться выхватывать головни из огня. Ленивец-христианин! Разве бывает такое существо? *Христианин*, работающий вполсилы? Христианин, вовсе не трудящийся для своего Господа, — как мне говорить о нём? *Время* не медлит, смерть не медлит, АД не медлит; сатана не ленится, все силы тьмы деятельны: как же мы с вами можем быть вялыми, если Господин поставил нас в

Своём винограднике? Несомненно, мы должны быть лишены разумения, если, спасённые бесконечной любовью Бога, не тратим своих сил и не отдаём самих себя на служение Ему. Вечный порядок вещей требует, чтобы спасённый человек был человеком ревностным.

15 Христианин, ленивый в служении своему Господину, *не представляет себе, что он теряет*: ведь самое драгоценное в вере заключается в святом посвящении себя Богу. У некоторых веры ровно столько, чтобы оставался сомнительным вопрос, есть ли она у них вообще. Благочестия у них хватает лишь на то, чтобы чувствовать себя неловко в своём нечестии. Они умыли такую часть лица, что на остальной только заметнее стала грязь. «Я рада, — сказала одна служанка, — что моя госпожа причащается, иначе я бы и не знала, что у неё вообще есть вера». Вы улыбаетесь — и неудивительно. Смешно, когда люди не имеют в своей лавке товара, но рекламируют своё дело во всех газетах; выставляют напоказ религиозность, но совершенно не имеют Духа Божия. Хотелось бы, чтобы некоторые исповедующие веру люди отдали Христу должное и сказали: «Нет, я *не* Его ученик; не думайте о Нём так плохо, чтобы воображать, будто я могу быть одним из них». Мы должны *отражать* Христа, но, боюсь, многие лишь *бросают на Него тень*. Видя множество ленивых слуг, мы склонны думать, что их хозяин, должно быть, и сам весьма праздный человек, иначе он никогда не стал бы их терпеть. Кто держит у себя ленивцев и довольствуется их черепашьим шагом, тот и сам не может быть очень деятельным. О, не дадим миру думать, что Христос равнодушен к человеческому горю, что Христос утратил ревность, что Христос утратил силу; однако я боюсь, что люди станут так говорить или думать, если увидят: те, кто объявляет себя работниками

в винограднике Христа, ничуть не лучше простых ленивцев. Итак, ленивец — человек, лишённый разумения: он теряет честь и радость, которые обрёл бы в служении своему Господину; он бесчестит дело, которое, по собственным словам, чтит, и собирает тернии себе на предсмертное изголовье. Будем считать это установленным: ленивец — будь он служитель церкви, диакон или рядовой христианин — человек, лишённый разумения.

16 Теперь, во-вторых, посмотрим на землю ленивца: «Проходил я мимо поля ленивого и мимо виноградника скудоумного человека; и вот, всё это заросло терном, поверхность его покрылась крапивою». Заметьте прежде всего: *земля непременно что-нибудь производит*. Почва, достаточно хорошая для поля и виноградника, должна приносить и будет приносить какие-нибудь плоды; так и мы с вами — в своих сердцах и в той области, которую Бог отвёл нам, — непременно что-нибудь произведём. Мы не можем прожить в этом мире совершенно пустым местом: пока мы живы, мы неизбежно будем делать либо добро, либо зло. Если вы праздны в деле Христа, то деятельны в деле дьявола. Ленивец, предаваясь сну, делал для разведения терна и крапивы больше, чем мог бы сделать любым другим способом. Как сад приносит либо цветы, либо сорняки, плоды либо чертополох, так и из нашего дома, нашего класса или нашей общины выйдет что-нибудь доброе или злое. Если мы, трудясь для Христа, не вырастим урожая доброй пшеницы, то вырастим плевелы, которые свяжут в снопы для последнего страшного сожжения.

17 Заметьте также: если душа не возделывается для Бога, *она принесёт свои естественные плоды*; а каковы

естественные плоды земли, предоставленной самой себе? Что это, как не тернии, крапива или какие-нибудь другие бесполезные сорняки? Каковы естественные плоды вашего сердца и моего? Что это, как не грех и бедствие? Каковы естественные плоды ваших детей, если вы оставите их без воспитания для Бога? Что это, как не нечестие и порок? Каковы естественные плоды этого огромного города, если мы оставим его улицы, переулки и закоулки без Евангелия? Что это, как не преступление и позор? Какая-нибудь жатва будет непременно, и её снопы составят естественные плоды почвы — грех, смерть и тление.

18 Если мы ленивы, *естественные плоды нашего сердца и нашей области деятельности окажутся крайне неудобными и неприятными для нас самих*. Никто не может спать на терниях или сделать себе подушку из крапивы. Нельзя обрести покой в праздности, которая оставляет дурное нетронутым и не стремится Духом Божиим искоренять зло. Пока вы спите, сатана будет сеять. Если вы удержите доброе семя, сатана щедро рассыплет злое; а из этого зла вырастут мука и сожаление на всю земную жизнь, а быть может, и на вечность. О человек, сад, вверенный твоему попечению, если ты расточишь время в дремоте, вознаградит тебя всем вредным и болезненным. «Терния и волчцы произрастит он тебе».

19 *Во многих случаях этих злых плодов окажется великое множество*: поле и виноградник дадут больше чертополоха и крапивы, чем участок, который никогда не расчищали и не возделывали. Если земля достаточно хороша для сада, она преподнесёт своему хозяину превосходный урожай сорняков, стоит ему только

сложить руки. Отборный участок, пригодный для виноградника красного вина, даст ленивцу такое изобилие крапивы, что тот протрёт глаза от удивления. Человек, который после обновления мог бы сделать больше всех для Бога, принесёт больше всех плодов для сатаны, если предоставить его самому себе. Именно та местность, которая более всего прославила бы Бога, будь там благодать Божия, обращающая её жителей, станет местом, откуда выйдут самые гнусные враги Евангелия. Будьте в этом уверены: лучшее станет худшим, если мы им пренебрежём. Чтобы произвести зло, достаточно одного небрежения. Если вы хотите узнать путь спасения, мне придётся потрудиться, чтобы объяснить его вам; но если хотите узнать путь к погибели, ответ прост: всё дело только в небрежении — «Как мы избежим, вознерадев о толиком спасении?» Если вы желаете принести жатву Богу, мне, быть может, придётся долго учить вас пахать, сеять и поливать; но если хотите, чтобы ваш ум покрылся сатанинским болиголовом, вам достаточно оставить борозды своей природы самим себе. Ленивец просит: «Немного поспать, немного подремать, немного, сложив руки, полежать», — и тернии с волчцами множатся без числа, готовя ему бесчисленные уколы.

[20] Разглядывая виноградник ленивого человека, заглянем также в сердце безбожного ленивца. Его не заботят покаяние и вера. Думать о душе, всерьёз заботиться о вечности — для него слишком тяжело. Ему хочется жить без хлопот и ещё немного полежать со сложенными руками. Что растёт в его уме и характере? У некоторых из этих духовных ленивцев видны пьянство, нечистота, корыстолюбие, гнев и гордость, всевозможные виды чертополоха и крапивы; там же, где благодаря сдерживающему влиянию благочестивого окружения эти

буйные сорняки не появляются, обнаруживаются другие виды греха. Сердце не может быть совершенно пустым: им будет владеть либо Христос, либо дьявол. Дорогой друг, если ты не встал решительно на сторону Бога, нейтральным ты быть не можешь. В этой войне каждый — либо за Бога, либо за Его врага. Ты не можешь остаться чистым листом бумаги. На тебе разборчивый почерк сатаны — разве ты не видишь клякс? Если Христос не написал поперёк страницы Своё сладостное имя, на ней видна собственноручная подпись сатаны. Ты можешь сказать: «Я не предаюсь явному греху; я нравственный человек», — и так далее. Ах, если бы ты только посмотрел, задумался и исследовал своё сердце, ты увидел бы, что в нём живут вражда против Бога и Его путей и ненависть к чистоте. Ты не любишь Божьего закона, не любишь Его Сына, не любишь Его Евангелия; сердцем ты отчуждён от Него, и в тебе есть всевозможные злые желания и суетные мысли; они будут процветать и множиться, пока ты остаёшься духовным ленивцем и оставляешь своё сердце невозделанным. О, да пробудит тебя Дух Божий; да побудит Он тебя к тревожному, серьёзному размышлению — тогда ты увидишь, что эти буйные заросли необходимо вырвать, что сердце твоё должно быть вспахано плугом обличения и засеяно добрым семенем Евангелия, пока жатва не вознаградит великого Земледельца.

21 Друг мой, если ты веруешь во Христа, я хочу заглянуть через ограду и в *твоё сердце*, если ты нерадивый христианин: боюсь, что и тебе грозят крапива и чертополох. Не слышал ли я недавно, как ты пел:

22 «Вот что я жажду узнать»?

[23] Этот вопрос будет возникать часто, ибо сомнение — семя, которое непременно прорастает в умах ленивых людей. Я не припомню, чтобы в дневнике господина Уэсли мне встретился вопрос о его собственном спасении. Он был так занят на жатве Господина, что ему и в голову не приходило не доверять своему Богу. У некоторых христиан мало веры потому, что они никогда не посеяли полученного ими горчичного зерна. Если вы не сеете своей веры, употребляя её в дело, как она может расти? Когда человек живёт верой во Христа Иисуса и его вера деятельно упражняется в служении Господу, она пускает корни, растёт вверх и крепнет, пока не заглушит его сомнений. У иных бывают прискорбно болезненные предчувствия; они недовольны, раздражительны, себялюбивы, ропотливы — и всё потому, что праздны. Вот сорняки, растущие в садах ленивцев. Мне доводилось видеть, как праздные люди становились столь брюзгливыми, что ничто не могло им угодить: самый ревностный христианин не мог поступить для них правильно, самые любящие христиане оказывались недостаточно нежными, самая деятельная церковь — недостаточно энергичной; они находили всевозможное зло там, где Сам Бог видел немало плодов Своего Духа. Эта склонность судить, эта сварливость, эти бесконечные жалобы — одна из тех крапив, которые неизбежно вырастают в человеческих садах, когда люди складывают руки в греховном безделье. Если ваше сердце не приносит плода Богу, оно непременно произведёт нечто злое само по себе, мучительное для вас и вредное для ближних. Часто тернии заглушают доброе семя; но как благословенно, когда доброе семя всходит так густо и быстро, что само заглушает тернии! Бог даёт некоторым христианам стать столь плодоносными во Христе, что их

добродетели и дела растут тесными рядами, и, когда сатана бросает туда плевелы, тем негде расти. Святой Дух Своей силой ослабляет зло в сердце, так что оно больше не господствует. Если ты ленив, друг мой, огляди поле своего сердца и заплачь при виде его.

24 Теперь позволите ли попросить вас заглянуть в *собственный дом*, в свою семью? Ужасно, когда человек не возделывает поле собственной семьи. Помню, в молодые годы один человек ходил со мной по деревням, когда я проповедовал. Я был рад его обществу, пока не узнал кое-каких обстоятельств; тогда я от него отделался, и, думаю, он пристал к кому-нибудь другому: ему непременно надо было каждый вечер недели где-нибудь бродить. У него было много детей; они выросли в нечестивых юношей и девушек, и причина заключалась в том, что отец, бывая то на одном собрании, то на другом, никогда не старался привести собственных детей к Спасителю. Что пользы от ревности на стороне, если дома — небрежение? Как печально сказать: «Моего собственного виноградника я не стерегла». Не слышали ли вы о человеке, который говорил, что не учит детей путям Божиим, считая их слишком маленькими, чтобы навязывать им предубеждения, и предпочитая предоставить им самим выбрать себе религию, когда они подрастут? Один из его мальчиков сломал руку и всё время, пока хирург вправлял её, ругался. «Ага, — сказал добрый врач, — я ведь предупреждал, что произойдёт. Вы боялись склонить вашего мальчика к добру заранее, а у дьявола таких сомнений не было: он склонил его в другую сторону, да ещё весьма основательно». Наш долг — заранее расположить своё поле в пользу хлеба, иначе оно скоро покроется чертополохом. Возделывайте детское сердце для добра, иначе оно само пойдёт дурным путём,

ибо по природе уже испорчено. О, если бы мы были достаточно мудры, чтобы думать об этом и не оставлять ни одного малого дитяти добычей губителя!

25 Как с семьями, так и со *школами*. Один господин, присоединившийся к нашей церкви некоторое время назад, много лет был атеистом. Беседуя с ним, я узнал, что он учился в одной из наших больших привилегированных школ, и именно этим он объяснял своё неверие. По его словам, по воскресеньям мальчиков загоняли на высокую галерею в дальнем конце церкви, где они почти не слышали слов священнослужителя, а просто сидели взаперти в месте, ужасно жарком летом и холодном зимой. По воскресеньям были молитвы, молитвы и ещё молитвы — но ничего, что хоть когда-нибудь коснулось бы его сердца; наконец молитвы ему так опротивели, что он поклялся: выйдя из школы, он покончит с религией. Печальный результат, но нередкий. Вы, учителя воскресных школ, можете сделать занятия настолько скучными для детей, что они возненавидят воскресенье. Вы можете растратить время в школе, не приводя мальчиков и девочек ко Христу, и тем самым причинить больше вреда, чем пользы. Я знал отцов-христиан, которые своей суровостью и недостатком нежности засевали семейное поле терниями и волчцами ненависти к вере вместо того, чтобы рассыпать доброе семя любви к ней. О, если бы нам жить среди своих детей так, чтобы они любили не только нас, но и нашего Отца Небесного! Пусть отцы и матери подают такой пример радостного благочестия, чтобы сыновья и дочери говорили: «Пойдём по стопам отца: он был счастливым и святым человеком. Последуем путям матери: она была сама кротость и доброта». Если благочестие не правит в вашем доме, то, проходя мимо него, мы увидим

беспорядок, непослушание, тщеславие в одежде, глупость и зачатки порока. Не дайте вашему дому стать полем ленивца, иначе в будущие годы вам придётся об этом горевать.

[26] Пусть каждый диакон, каждый руководитель группы, а также каждый служитель церкви старательно исследует состояние поля, которое он должен возделывать. Видите ли, братья и сёстры, если мы с вами поставлены над какой-либо частью дела нашего Господа и не проявляем в ней усердия, мы будем подобны бесплодным деревьям в саду, от которых один убыток, потому что они занимают место других деревьев, способных принести плод своим хозяевам. Мы будем истощать землю и причинять ущерб нашему Господу, если не станем действительно Ему служить. Подумаете ли вы об этом? Если бы в счетах Христа вас можно было записать просто нулём, это было бы очень печально; но, брат мой, так не получится: если ты не приносишь прибыли, ты причиняешь убыток. О, да будем мы благодатью Божией полезны нашему Господу и Учителю! Кто из нас может без некоторой печали оглянуться на дело своей жизни? Если что-нибудь было сделано правильно, мы целиком относим это к благодати Божией; но как много такого, над чем приходится плакать! Как много того, что мы хотели бы исправить! Не будем тратить время на бесплодные сожаления, но помолимся о Духе Божием, чтобы впредь не быть лишёнными разумения, а знать, что нам надлежит делать и откуда должна прийти сила для этого, — и затем всецело отдадимся самому делу.

[27] Ещё раз прошу вас взглянуть на великое поле *мира*. Видите, как оно заросло терном и крапивой? Если бы ангел мог обозреть весь человеческий род, сколько слёз

он пролил бы, будь ангелы способны плакать! Какой спутанный клубок сорняков представляет собой вся земля! Вон там поле алеет маком папизма, а по ту сторону ограды желтеет дикой горчицей магометанства. Огромные области задушены чертополохом неверия и идолопоклонства. Мир полон жестокости, угнетения, пьянства, мятежа, нечистоты, бедствий. Что видит луна! Что видит Божие солнце! Какие картины ужаса! В какой мере всё это следует приписать нерадивой церкви? Прошло почти тысяча девятьсот лет, а виноградник ленивца улучшился совсем немного! Земли Англии коснулась лопата, но я не могу сказать, что её уже тщательно пропололи или вспахали. По ту сторону океана другое, столь же облагодетельствованное поле хорошо знает пахаря, и всё же сорняки там буйно разрослись. Кое-где сделано немного доброй работы, но огромная масса мира по-прежнему остаётся никогда не паханной пустошью, пустырём, воющей пустыней. Что же делала церковь все эти годы? Через несколько столетий она перестала быть миссионерской церковью и с того часа почти перестала быть живой церковью. Всякий раз, когда церковь не трудится над освоением пустыни, она сама становится пустырём. В летописи истории вы не найдёте примера, чтобы какая-либо христианская община долго процветала после того, как начинала пренебрегать внешним миром. Я убеждён: если нас поставили в винограднике Господина, а мы не желаем удалять сорняки, то и лоза не будет процветать, и хлеб не даст прироста. Впрочем, вместо того чтобы спрашивать, что делала церковь эти тысячу девятьсот лет, спросим себя: что мы собираемся делать теперь? Неужели миссии церквей Великобритании всегда будут такими жалкими и слабыми, как сейчас? Неужели лучшие из наших молодых

христиан всегда будут оставаться дома? Мы продолжаем по сотому разу перепахивать домашнее поле, тогда как миллионы акров за рубежом оставлены терну и крапиве. Неужели так будет всегда? Да пошлёт нам Бог больше духовной жизни и пробудит нас от нашей вялости, иначе святой страж, сдавая свой отчёт, скажет: «Проходил я мимо поля ленивой церкви, и всё оно заросло терном и крапивой, а каменная ограда была разрушена, так что едва можно было различить, где церковь, а где мир; она же всё спала, спала и спала, и ничто не могло её разбудить».

[28] В заключение замечу: во всём этом должен быть какой-то урок. Я не умею преподать его так, как хотел бы, но сам желаю ему научиться. Выскажу его так, словно разговариваю с самим собой.

[29] Первый урок состоит в том, что *природа, предоставленная собственным силам, всегда будет производить тернии и крапиву, и ничего другого*. Душа моя, если бы не благодать, только это ты и произвела бы. Возлюбленные, производите ли вы что-нибудь другое? Значит, это производит в вас не природа, а благодать Божия. Эти уста, ныне так прекрасно воспевающие хвалу Богу, с удовольствием распевали бы пустую песенку, если бы благодать Божия их не освятила. Ваше сердце, ныне прилепившееся ко Христу, продолжало бы держаться своих идолов — вы знаете, каких именно, — если бы не божественная благодать. Но почему благодать посетила вас или меня — почему? Эхо отвечает: почему? Что мы можем ответить? «Ей, Отче! ибо таково было Твоё благоволение». Пусть память о совершённом благодатью побуждает нас являть плоды этой благодати в своей жизни. Итак, братья и сёстры, поскольку прежде почва

нашей природы была достаточно богата, чтобы произвести столько крапивы и чертополоха, — а сколько мы их произвели, знает один Бог, — помолимся теперь, чтобы наша жизнь принесла столько же доброго хлеба великому Земледельцу. Неужели вы будете служить Христу меньше, чем служили своим похотям? Неужели станете жертвовать ради Христа меньше, чем жертвовали ради грехов? Некоторые из вас отдавались всем сердцем служению лукавому — неужели Богу будете служить вполсердца? Неужели Святой Дух принесёт в вас меньше плода, чем вы приносили под властью злого духа?

[30] Дай Бог, чтобы мы не были оставлены на себе испытывать, что произведёт природа, предоставленная самой себе.

[31] Далее мы видим здесь, *как мало стоят естественные добрые намерения*: ведь этот человек, позволивший полю и винограднику зарасти, всё время собирался как-нибудь в один прекрасный день взяться за усердную работу. По справедливости надо признать: он и не думал спать ещё очень долго, потому что говорил: «Ещё немного поспать, немного подремать, немного, сложив руки, полежать». Только чуть-чуть вздремнуть, а потом он засучит рукава и покажет свою силу. Вероятно, худшие люди в мире — те, у кого самые лучшие намерения, но кто никогда их не исполняет. Так сатана убаюкивает многих. Они слышат ревностную проповедь, но не встают и не идут к своему Отцу; они доходят лишь до слов: «Да, да, дальняя страна — не место для меня; я здесь надолго не останусь. Позже я намерен вернуться домой». Они говорили это сорок лет назад, но ничего из этого не вышло. Ещё совсем юными они переживали серьёзные духовные впечатления, почти решились стать христианами, но и теперь ещё не стали.

Они дремали сорок лет! Поистине немалая доля сна! Они никогда не намеревались грезить так долго, и теперь тоже не собираются ещё долго лежать в постели. Ко Христу они не обратятся сейчас же, но твёрдо решили сделать это когда-нибудь. Когда ты собираешься это сделать, друг мой? «Прежде чем умру». Стало быть, намерен отложить до последнего часа или двух? Итак, лежа без сознания, одурманенный лекарствами, облегчающими боль, ты начнёшь думать о своей душе? Разумно ли это? Несомненно, ты лишён разумения. Быть может, ты умрёшь через час. Разве ты не слышал недавно об олдермене, умершем в своей карете? Едва ли он об этом помышлял. Что было бы с тобою, если бы смерть поразила и тебя во время спокойной поездки? Разве ты не слышал о людях, падающих замертво за работой? Что мешает тебе умереть с лопатой в руке? Я часто содрогаюсь, когда в течение недели мне сообщают, что человек, которого я видел в воскресенье, умер — перешёл из лавки к судилищу. Не так давно один человек вышел из дверей Табернакля и упал замертво на пороге. В доме Божием у нас бывали смерти, внезапные смерти; порой уносят неподготовленными людей, которые никогда не собирались умирать необращёнными, у которых с юности всегда было какое-то желание быть готовыми, — только им всё ещё хотелось чуть-чуть поспать. О слушатели мои, остерегайтесь маленьких отсрочек и коротких откладываний. Вы уже расточили достаточно времени; решитесь сейчас же, прежде чем часы пробьют снова. Да приведёт вас Бог Дух Святой к решению.

[32] «Неужели вы против того, чтобы я ещё немного поспал? — говорит ленивец. — Вы так рано меня разбудили. Я прошу лишь ещё чуть-чуть вздремнуть». — «Дорогой мой, утро уже далеко продвинулось». Он

отвечает: «Знаю, уже довольно поздно; но станет ненамного позднее, если я ещё разок задремлю». Вы будите его снова и говорите, что уже полдень. Он отвечает: «Сейчас самое жаркое время дня; пожалуй, даже если бы я встал, то лёг бы на диван немного отдохнуть от солнечного зноя». Вы стучите к нему в дверь почти вечером, и тогда он восклицает: «Теперь уже незачем вставать: день почти кончился». Вы напоминаете ему о заросшем поле и запущенном винограднике, и он отвечает: «Да, я знаю, надо вставать». Он встряхивается и говорит: «Не думаю, что сильно повредит, если я подожду, пока пробьют часы. Отдохну ещё минутку-другую». Он приклеился к постели, мёртв ещё при жизни, погребён в своей лености. Если бы он мог спать вечно, он бы спал; но не сможет, потому что день суда его разбудит. Написано: «И в аде, будучи в муках, он поднял глаза свои». Дай Бог вам, духовные ленивцы, пробудиться прежде этого; но вы не пробудитесь, если вовремя не встряхнётесь, ибо «теперь время благоприятное», и это может означать: теперь или никогда. «Завтра» встречается только в календаре глупцов; сегодня — время мудреца, избранная пора нашего благодатного Бога. О, да побудит вас Святой Дух воспользоваться нынешним часом, чтобы вы тотчас отдали себя Господу верой во Христа Иисуса, а затем из Его виноградника —

> [33] «Скорей искоренили
> Вредоносные сорняки, которые бесплодно отнимают
> Плодородие почвы у здоровых растений».

Сломанная ограда

[1] «Проходил я мимо поля ленивого и мимо виноградника скудоумного человека; и вот, всё это заросло терном, поверхность его покрылась крапивою, и *каменная ограда его обрушилась*. И посмотрел я, и обратил сердце моё, и посмотрел и получил урок». — Притч. 24:30–32.

[2] Этот ленивый человек не причинял вреда ближним: он не был ни вором, ни разбойником, ни любителем вмешиваться в чужие дела. Чужими заботами он себя не утруждал, ведь он даже собственными делами не занимался: это требовало слишком больших усилий. Он не предавался грубым порокам — на это у него не хватало сил. Он был из тех, кто любит жить без хлопот. Он всегда оставлял хорошее в покое, но, надо сказать, и дурное тоже оставлял в покое, что ясно доказывали крапива и чертополох в его саду. Зачем ему было себя беспокоить? Через сто лет всё равно будет безразлично; вот он и принимал всё, как оно шло. Он был неплохим человеком — так о нём некоторые говорили; и всё же, возможно, в конце концов обнаружится, что нет на свете человека хуже того, кто не добр: ведь в некотором отношении он даже недостаточно хорош, чтобы быть плохим; ему не хватает силы характера для служения ни Богу, ни Ваалу. Он просто служит себе, поклоняясь собственному покою и обожествляя собственное удобство. Однако он всегда намеревался исправиться. Помилуйте! Он вовсе не собирался спать ещё долго: только немного вздремнёт, а потом примется за работу и покажет вам, на что способен. В один прекрасный день он собирался взяться за дело всерьёз и наверстать упущенное время. Время начинать так никогда и не приходило, но всегда было на

подходе. Он всё намеревался покаяться, однако продолжал грешить. Намеревался уверовать, но умер неверующим. Намеревался стать христианином, но жил без Христа. Он колебался между двумя мнениями, потому что не хотел утруждать себя решением, — и так погиб от промедления.

3 Эта картина ленивца, его сада и поля, заросших крапивой и сорняками, изображает многих людей, исповедовавших себя христианами, но сделавшихся ленивыми в делах Божиих. Духовная жизнь в таком человеке увяла. Он отступил назад; из состояния здоровой духовной бодрости он опустился в состояние вялости и равнодушия к Божиему; и в то время как внутри его сердца всё пошло неладно, всевозможное зло вошло в него, разрослось и рассеяло свои семена, зло совершается и снаружи — в его повседневном поведении. Каменная ограда, защищавшая его нравственную жизнь, разрушена, и он открыт всякому злу. Об этом мы сейчас и поразмыслим. «Каменная ограда его обрушилась».

4 Пойдём же прогуляемся с Соломоном, постоим рядом с ним, подумаем и извлечём урок, *разглядывая эту разрушенную ограду*. Осмотрев её, *рассмотрим последствия разрушения стен*; а затем, наконец, постараемся *разбудить ленивца, чтобы его стену ещё можно было восстановить*. Если этим ленивцем окажется кто-нибудь из нас, да пробудит нас бесконечная милость Божия, прежде чем через разрушенную стену ворвётся стадо бродячих пороков.

5 I. Прежде всего посмотрим на эту разрушенную ограду.

6 Вы увидите, что первоначально ограда была очень хорошей, потому что это была каменная стена. Поля

часто окружают деревянным частоколом, который быстро гниёт, или живой изгородью, в которой легко образуются прорехи; но здесь была каменная стена. Такие стены очень распространены на Востоке, да и в некоторых наших графствах, где много камня, они обычны. С самого начала она представляла собой надёжную защиту и хорошо ограждала красивое маленькое имение, попавшее в такие дурные руки. У человека было поле для земледелия и другой участок — под виноградник или сад. Почва была плодородной, ведь она в изобилии производила тернии и крапиву, а где они процветают, там могут произрастать и лучшие растения; однако бездельник не заботился об имуществе, позволил стене обветшать, а во многих местах — совсем разрушиться.

7 Позвольте назвать некоторые каменные ограды, которым люди позволяют разрушаться, когда отступают от веры.

8 Во многих случаях *здравые принципы были усвоены в юности*, но затем забыты. Какое благословение — христианское воспитание! Родители и убеждением, и примером учили многих из нас тому, что чисто, честно и достославно. На примере их жизни мы видели, как следует жить. Они также раскрывали перед нами Слово Божие и учили правым путям в отношении и Бога, и людей. Они молились за нас и молились вместе с нами, пока всё Божие не окружало и не ограждало нас словно каменной стеной. Мы так никогда и не смогли избавиться от ранних впечатлений. Даже во времена наших блужданий, прежде чем мы познали Господа ко спасению, это оказывало на нас благотворное влияние: нас останавливало, когда мы хотели делать зло, и поддерживало, когда мы стремились ко Христу. Очень

печально, когда люди позволяют этим первым принципам расшатываться и выпадать, словно камням из ограды. Молодые люди сначала начинают легкомысленно отзываться о старомодных обычаях родителей. Вскоре они презирают уже не просто старомодность этих обычаев, а сами обычаи. Они ищут другой компании и в ней учатся одному только злу. Ищут удовольствий в местах, о которых родителям страшно даже подумать. Это ведёт к худшему, и если они не сводят седины отцов с печалью во гроб, то заслуги их в этом нет. Я знал молодых людей, которые действительно были христианами, но прискорбно отступили назад, поддавшись уговорам смягчить, скрыть или изменить те святые принципы, которым они учились ещё у материнских колен. Великое бедствие, когда люди, исповедующие своё обращение, теряют твёрдость, становятся неустойчивыми и увлекаются всяким ветром учения. Когда мы способны легкомысленно обращаться с серьёзными и торжественными истинами, освящёнными материнскими слезами и ревностной жизнью отца, это обнаруживает большой изъян ума и нездоровье сердца. «Я раб Твой, — сказал Давид, — и сын рабы Твоей»: он считал высокой честью и одновременно священной связью, соединявшей его с Богом, то, что он был сыном женщины, которую можно было назвать рабой Божией. Вы, получившие христианское воспитание, берегитесь относиться к нему легкомысленно. «Сын мой! храни заповедь отца твоего и не отвергай наставления матери твоей; навяжи их навсегда на сердце твоё, обвяжи ими шею твою».

9 Защита нравственной жизни заключается также в том, что человек *усвоил твёрдые учения*. Это прекрасная каменная ограда. Многие среди нас были научены Евангелию благодати Божией и хорошо его усвоили, так

что способны ревностно подвизаться за веру, однажды преданную святым. Счастливы те, чья вера основана на ясном знании вечных истин. Религия, состоящая из одних волнений и почти лишённая наставления, может послужить на короткое время; но для постоянных целей жизни необходимо знание тех великих учений, которые составляют основание евангельского строя. Я содрогаюсь, слыша, как человек один за другим оставляет жизненно важные принципы Евангелия и хвалится своей широтой. Я слышу от него: «Таковы мои взгляды, но и другие имеют право на свои взгляды». Это вполне уместное выражение применительно к простым «взглядам», но мы не вправе так говорить о самой *истине*, открытой Богом: она едина и неизменна, и все обязаны её принять. Не ваш взгляд на истину — он-то неясен, — а сама истина спасёт вас, если ваша вера её примет. Я охотно уступлю свою манеру излагать учение, но не само учение. Один может выразить его так, другой иначе; однако саму истину никогда нельзя отдавать. Дух «широкой школы» лишает нас всего похожего на уверенность. Мне хотелось бы спросить некоторых великих людей этого направления: верят ли они, что Писание учит чему-либо, за что человеку стоило бы умереть, и не были ли мученики великими глупцами, отдавая жизнь за простые мнения, которые могли оказаться и правильными, и ошибочными? Это направление «широкой церкви» разрушает каменные ограды; оно впустит дьявола со всей его шайкой и причинит церкви Божией бесконечный вред, если его не остановить. Расплывчатость убеждений сильно повреждает ум всякого человека.

10 Мы не фанатики, однако не стали бы хуже, если бы жили так, что люди называли бы нас фанатиками. На днях я встретил человека, которого обвиняли в нетерпимости,

и сказал: «Дай-ка руку, старина. Мне приятно порой встречать таких упрямых приверженцев веры: эти славные существа старой закалки становятся редкостью, а материал, из которого они сделаны, настолько хорош, что, будь его побольше, среди нас снова нашлось бы несколько настоящих людей и поменьше моллюсков». В последнее время мы видели мало людей с позвоночником: большинство принадлежало к разряду медуз. Я жил во времена, когда сказал бы: «Будьте широки и отбросьте всякую узость»; теперь же вынужден изменить тон и воскликнуть: «Будьте тверды в истине». Вера, однажды преданная святым, теперь тем привлекательнее для меня, что её называют узкой: я устал от широты, которая возникает из-за сломанных изгородей. Есть неподвижные точки истины и определённые несомненные положения вероисповедания; горе вам, если вы позволите этим каменным стенам рассыпаться. Боюсь, ленивцы образуют многочисленное войско и грядущим векам придётся оплакивать расхлябанность, которой рукоплескало это нерадивое поколение.

[11] Другая ограда, которой слишком часто пренебрегают, — это *выработанные благочестивые привычки*: ленивец позволяет разрушиться и этой стене. Назову некоторые ценные защиты жизни и характера. Одна из них — привычка к *тайной молитве*. Личная молитва должна совершаться регулярно, по крайней мере утром и вечером. Мы не можем обойтись без определённых часов для приближения к Богу. Смотреть в лицо человеку, прежде не увидев лица Божия, очень опасно; выходить в мир, не заперев сердце и не отдав ключ Богу, — значит оставить его открытым для всякого рода духовных бродяг. И вечером отправляться на покой так, как свиньи заваливаются в хлев, не поблагодарив Бога за милости

дня, — постыдно. Как верно то, что мы наслаждались вечерним очагом, так же верно должна быть благоговейно принесена вечерняя жертва: этим мы отдаём себя под крылья Хранителя человеков. Могут сказать: «Мы можем молиться во всякое время». Знаю, что можем; но боюсь, что те, кто не молится в установленные часы, вообще молятся редко. Молящиеся в положенное время скорее всего будут молиться и во всякое время. Духовная жизнь не любит железных предписаний; однако, поскольку жизнь всё равно принимает ту или иную форму, я хотел бы, чтобы вы заботились и о её внешнем укладе, и о внутренней силе. Никогда не допускайте больших проломов в стене своей привычной личной молитвы.

[12] Пойду дальше: я верю, что *семейная молитва* обладает великой охранительной силой, и очень скорблю, потому что знаю: ею пренебрегают многие христианские семьи. Когда-то римский католицизм ничего не мог сделать в Англии, потому что мог предложить лишь тень того, чем христиане уже обладали на деле. «Слышите, утром звенит колокол?» — «Для чего?» — «Чтобы идти в церковь молиться». — «Вот как, — отвечал пуританин, — мне незачем идти туда для молитвы. Я уже собрал детей, мы прочли отрывок из Писания, помолились и воспели хвалу Богу; у нас в доме есть церковь». Ах, вот колокол снова звонит вечером. Для чего? Это зовут к вечерне. Добрый человек отвечал, что ему незачем ради этого тащиться милю или две: его святая вечерня уже была прочитана и пропета за собственным столом, главным украшением которого служила большая Библия. Ему говорили, что без священника не может быть богослужения; он же отвечал, что всякий благочестивый человек должен быть священником в собственном доме. Так святые отвергали

предложения жреческого господства и хранили веру из поколения в поколение. Домашнее благочестие и кафедра, под властью Божией, — каменные стены протестантизма; моя молитва о том, чтобы они не были разрушены.

13 Ещё одна ограда, охраняющая благочестие, — *богослужения в будние вечера*. Я замечаю: когда люди оставляют вечерние собрания в будни, сила их религии испаряется. Я не говорю о тех, кого справедливо удерживают уход за больными, сельские работы и другие дела, обязанности домашней прислуги и тому подобное: из всякого правила есть исключения; я имею в виду тех, кто мог бы посещать собрания, если бы хотел. Когда люди говорят: «С меня довольно того, что меня утомляют воскресными проповедями; я не желаю ещё ходить на молитвенные собрания, беседы и прочее», — тогда ясно, что у них нет аппетита к Слову, а это, конечно, дурной признак. Если у вас возведён кусочек стены для защиты воскресенья, а промежуток в шесть раз длиннее оставлен без ограды, я уверен: сатанинский скот туда заберётся и причинит бесконечный вред.

14 Заботьтесь также о каменной стене *чтения Библии* и о том, чтобы часто говорить друг с другом о Божием. Общайтесь с благочестивыми людьми и пребывайте в общении с Богом — так, по благословению Божьего Духа, вы сохраните надёжную ограду против искушений, которые иначе проникнут на поля вашей души и пожрут все добрые плоды.

15 Многие нашли немалую защиту для поля повседневной жизни в каменной стене *открытого исповедания веры*. Я говорю с вами, истинно верующими, и знаю: вы часто находили большую защиту в том, что вас знают и

признают последователями Иисуса. Я никогда не сожалел — и никогда не пожалею — о том дне, когда пришёл к маленькой реке Ларк в Кембриджшире и был там погребён со Христом в крещении. Я поступил вопреки мнению всех своих друзей, которых уважал и ценил; но, поскольку сам прочёл греческий Новый Завет, почувствовал себя обязанным принять крещение погружением по исповедании своей веры и так и сделал. Этим поступком я сказал миру: «Я умер для тебя и погребён для тебя во Христе; отныне надеюсь жить обновлённой жизнью». В тот день, по благодати Божией, я последовал тактике полководца, намеревавшегося сражаться с врагом до победы и потому сжёгшего свои корабли, чтобы не осталось пути к отступлению. Я верю: торжественное исповедание Христа перед людьми подобно колючей изгороди, которая удерживает самого человека в должных пределах и не подпускает тех, кто надеется увлечь его в сторону. Разумеется, это только изгородь, и нет пользы огораживать поле сорняков; но когда растёт пшеница, изгородь очень важна. Вы, воображающие, будто можете принадлежать Господу и всё же оставаться открытыми, как общий выгон, глубоко заблуждаетесь: вы должны отличаться от мира и повиноваться голосу, говорящему: «Выйдите из среды их и отделитесь». Обетование спасения дано человеку, который сердцем верует, а устами исповедует. Скажите смело: «Пусть другие поступают как хотят; а я и дом мой будем служить Господу». Этим поступком вы выходите на царскую дорогу и отдаёте себя под защиту Господа странников, и Он позаботится о вас. Часто там, где иначе вы могли бы заколебаться, вы скажете: «На мне обеты Господу; как могу я отступить?» Поэтому прошу вас: возведите каменную стену и поддерживайте её; если в

каком-либо углу она повалилась, поставьте её вновь, и пусть по вашему поведению и вашим речам будет видно, что вы последователь Иисуса и не стыдитесь того, чтобы это было известно.

16 Держитесь своих религиозных принципов мужественно и не отступайте ради выгоды или общественного положения. Не позволяйте богатству разрушить вашу стену: я знал людей, сделавших в ней большую брешь, чтобы могла проехать их карета и чтобы впускать богатых светских знакомых ради их общества. Кто оставляет свои принципы, угождая людям, тот в конце концов утратит уважение; верный же получит честь, приходящую от Бога. Заботливо храните эту ограду стойкой преданности вере, и вы найдёте в ней великое благословение.

17 Назову ещё одну каменную стену — *твёрдость характера*. Наша святая вера учит человека быть решительным в деле Христа и бесповоротно избавляться от злых привычек. «Если глаз твой соблазняет тебя» — надень повязку? Нет: «вырви его». «Если рука твоя соблазняет тебя» — подвесь её на перевязь? Нет: «отсеки её и брось от себя». Истинная религия весьма основательна в своих советах. Она говорит нам: «Не прикасайтесь к нечистому». Но многие настолько ленивы на Божиих путях, что не имеют собственного решения: дурные товарищи искушают их, а они не умеют сказать «нет». Им нужна каменная стена, сложенная из отказов. Вот её камни: «нет, *нет*, нет». Осмельтесь отличаться от других. Решитесь держаться близко ко Христу. Твёрдо постановите не допускать в своей жизни ничего — каким бы выгодным или приятным оно ни было, — что бесчестило бы имя Иисуса. Будьте непреклонно верны, упрямо святы, неколебимо честны, безоглядно добры,

неизменно прямодушны. Если благодать Божия поставит вокруг вас такую ограду, даже сатана почувствует, что ему не проникнуть внутрь, и станет жаловаться Богу: «Не Ты ли кругом оградил его?»

[18] Я достаточно долго заставлял вас смотреть через стену; позвольте теперь пригласить вас внутрь, и несколько минут поразмыслим о последствиях разрушенной ограды.

[19] Скажем кратко: во-первых, *граница исчезла*. Те линии отделения, которые поддерживались благими принципами, усвоенными человеком, религиозными привычками, смелым исповеданием и твёрдой решимостью, исчезли, и теперь вопрос стоит так: «Он христианин или нет?» Ограда разрушена настолько, что он не знает, где владение его Господа, а где остаётся открытый общий выгон; собственно, он и о себе не знает: включён ли он в Царское владение или оставлен простым пустырём в поместье мира. Так бывает оттого, что ограды не поддерживают. Если бы этот человек жил близко к Богу, если бы ходил в непорочности, если бы Дух Божий обильно пребывал на нём во всём святом житии и служении Богу, он знал бы, где проходит граница, и видел бы, лежит ли его земля в приходе Всех Святых, или в области, именуемой Ничейной землёй, или в округе, где хозяин поместья — сатана. На днях я слышал об одной дорогой старой святой: когда она была близка к смерти, сатана напал на неё; и она, погрозив врагу пальцем со своей обычной кротостью, обратила его в бегство словами: «Избрана! Избрана! Избрана!» Она знала, что избрана, и помнила текст: «Да запретит тебе Господь, избравший Иерусалим!» Когда стена стоит неповреждённой вокруг всего поля, мы можем

противостоять дьяволу, велев ему оставить собственность Господа в покое. «Прочь! Ищи в другом месте. Я принадлежу Христу, не тебе». Чтобы поступать так, надо хорошо починить ограды, чтобы граница была ясной и вы могли сказать: «Нарушители, берегитесь!» Не уступайте врагу ни пяди, но делайте стену тем выше, чем настойчивее он пытается проникнуть внутрь. О, да не найдёт этот противник ни одной бреши, через которую можно войти!

20 Далее: когда стена пала, *защита исчезла*. Когда ограда человеческого сердца разрушена, все его мысли собьются с пути и станут бродить по горам суеты. Мысли, как овцы, нуждаются в заботливом загоне, иначе они мигом разбредутся. «Вымыслы человеческие ненавижу», — сказал Давид; но у ленивых людей их непременно будет множество, ибо невозможно уберечь свои мысли от суеты, если не заделать каждую брешь и не запереть каждые ворота. Святые мысли, утешительные размышления, благоговейные стремления и благодатное общение уйдут и исчезнут, если мы по лености позволим каменной стене прийти в негодность.

21 И это ещё не всё: как доброе выходит, так злое входит. Когда стены нет, каждый прохожий видит как бы приглашение войти. Вы поставили перед ним открытую дверь — и он входит. Есть плоды? Конечно, он их срывает. Ходит здесь, словно в общественном месте, и повсюду суёт нос. Есть ли в вашем сердце какой-нибудь сокровенный уголок, который вы хотите оставить для Иисуса? Сатана или мир войдёт туда; и чему вы удивляетесь? Всякая проходящая коза, бродячий вол или заблудившийся осёл наведывается к посевам и портит больше, чем съедает; кто же станет винить животное,

когда проломы так широки? Всякие злые похоти, желания и воображения терзают неограждённую душу. Бесполезно вам говорить: «Не введи нас во искушение». Бог услышит вашу молитву и не введёт вас туда, но вы сами вводите себя в него, вы подстрекаете дьявола искушать вас. Если вы оставляете себя открытыми злым влияниям, Дух Божий будет опечален и может предоставить вам пожинать плоды своей глупости. Как ты думаешь, друг? Не лучше ли сейчас же заняться своими оградами?

[22] А затем есть ещё одно зло: *уйдёт сама земля*. «Нет, — скажете вы, — как это может быть?» Если в Англии каменная стена вокруг хозяйства разрушится, человек от этого не лишится земли; но во многих частях Палестины земля вся поднимается и опускается по склонам холмов, каждый клочок устроен террасой и поддерживается стенами. Когда стены падают, почва сползает терраса за террасой, а вместе с ней падают виноградные лозы и деревья; потом приходит дождь и смывает почву, и остаются лишь голые утёсы, на которых с голоду умер бы даже жаворонок. Точно так же человек может настолько пренебречь собой и Божиим, сделаться столь беспечным и равнодушным к учению и святой жизни, что его способность делать добро исчезнет, а ум, сердце и энергия словно покинут его. Пророк сказал: «Ефрем стал как глупый голубь, без сердца»; существуют целые стаи таких глупых голубей. Кто легкомысленно обращается с верой, тот играет собственной душой и вскоре до того измельчает, что серьёзное размышление станет ему противно и он окажется неспособен приносить настоящую пользу. Заклинаю вас, дорогие друзья, быть строго верными себе и своему Богу. Стойте на своих принципах в этот злой и нечестивый день. Теперь, когда всё, кажется, превращается в болото, тину и грязь, а

религиозная мысль будто незаметно скользит и сползает, стекая потоком слизи в Мёртвое море Неверия, — возведите прочные стены вокруг своей жизни, вокруг своей веры, вокруг своего характера. Стойте твёрдо и, всё преодолев, продолжайте стоять. Да сделает вас Бог Дух Святой укоренёнными и утверждёнными, созидаемыми и укреплёнными, стойкими и непоколебимыми, никогда «не оставляющими упования вашего, которому предстоит великое воздаяние».

[23] Наконец, я хочу, если смогу, разбудить ленивца. Хотелось бы бросить горсть гравия ему в окно. Пора вставать: солнце уже выпило всю росу. Он просит «ещё немного поспать». Дорогой мой, если ты поспишь ещё немного, ты уже совсем не проснёшься, пока не поднимешь глаза в ином мире. Проснись сейчас же. Выскочи из постели, пока она тебя не задушила. Проснись! Неужели не видишь, где находишься? Ты оставлял всё как есть, пока сердце твоё не покрылось грехами, словно сорняками. Ты пренебрегал Богом и Христом, пока не стал мирским, грешным, беспечным, равнодушным, нечестивым. Я имею в виду некоторых из вас, некогда носивших святое имя. Вы стали похожи на людей мира и почти так же далеки от того, какими должны быть, как другие, вообще не исповедующие веры. Посмотрите на себя и увидьте, к чему привело пренебрежение оградами. Затем взгляните на некоторых своих собратьев-христиан и заметьте, как они усердны. Посмотрите на многих из них, бедных и неграмотных: они всё же делают для Господа Иисуса гораздо больше вас. Несмотря на свои таланты и возможности, вы — бесполезный слуга, позволяющий всему идти прахом. Не пора ли вам встряхнуться? Посмотрите также на других, которые, подобно вам, уснули, намереваясь скоро

проснуться. Что с ними стало? Увы тем, кто впал в грубый грех, запятнал свою жизнь и был удалён из церкви Божией; а ведь они зашли лишь немного дальше вас. Состояние вашего сердца почти то же, что и у них; если вы подвергнетесь таким же искушениям, то, вероятно, потерпите такое же кораблекрушение. О, будьте внимательны, дремлющие, ибо праздный исповедник веры готов на что угодно. Сердце ленивого исповедника — трут для дьявольского огнива; неужели и ваше сердце так приглашает искры искушения?

24 Вспомните, наконец, о пришествии Господа Иисуса Христа. Неужели Он придёт и найдёт вас спящими? Вспомните о суде. Что вы скажете в своё оправдание за утраченные возможности, растраченное время и таланты, завёрнутые в платок, когда придёт Господь?

25 Что же до тебя, мой необращённый друг, то если ты будешь проходить по этому миру в грёзах, не зная никакого беспокойства и вовсе никогда не заглядывая в состояние своего сердца, ты, вне всякого сомнения, окажешься погибшим человеком. У ленивого не может быть надежды: ведь если праведники, стремящиеся служить своему Господу, «едва спасаются», то где окажутся те, кто продолжает спать вопреки Божиим призывам? Спасение целиком и исключительно по благодати, как вы хорошо знаете; но благодать никогда не действует в человеческом уме в сторону дремоты и равнодушия: она направляет к энергии, деятельности, пылкости, неотступности, самоотверженности. Да дарует нам Бог вселение Своего Святого Духа, чтобы всё было приведено в порядок, грехи вырублены с корнем в сердце и весь человек освящающей благодатью защищён от разорителей, которые прячутся поблизости, надеясь

проникнуть там, где стена низка. О Господи, вспомни о нас по милости Твоей, огради нас Твоей силой и сохрани от лености, которая открыла бы нас злу, ради Иисуса. Аминь.

Мороз и оттепель

[1] «Даёт снег, как волну; сыплет иней, как пепел; бросает град Свой кусками; перед морозом Его кто устоит? Пошлёт слово Своё, и всё растает; подует ветром Своим, и потекут воды». — Пс. 147:16–18.

[2] Выглянув однажды утром в окно, мы увидели землю, облачённую в белую мантию: за несколько коротких часов её покрыл довольно глубокий снег. Через несколько часов мы выглянули снова и увидели поля такими же зелёными, как прежде, а пашни — такими же голыми, словно не упала ни одна снежинка. Нередко за обильным снегопадом следует быстрая оттепель.

[3] Эти любопытные перемены Бог совершает не только с целью, касающейся внешнего мира, но и с некоторым замыслом о духовной области. Бог всегда учит. Всяким Своим действием Он наставляет собственных детей и открывает им дорогу к внутренним тайнам. Счастливы те, кто находит в делах руки Господней пищу не только для своего ума, но и для рождённого свыше духа.

[4] Я попрошу вас обратить внимание, во-первых, *на действия природы, о которых говорится в нашем тексте*; во-вторых, *на те действия благодати, для которых они служат наиболее подходящими образами*.

[5] I. Рассмотрим сперва действия природы. Мы не сочтём несколько минут потраченными напрасно, если обратим ваше внимание на руку Божию в морозе и оттепели, даже лишь в отношении природы.

[6] 1. Заметьте *непосредственность* Господнего действия. Читая эти слова, я радуюсь тому, как близко присутствует

в мире наш Бог. Не написано: «Законы природы производят снег», — но: «Он *даёт снег*», словно каждая снежинка приходит прямо с Его ладони. Нам не сказано, что определённые природные закономерности превращают влагу в иней; нет: как Моисей взял пепел из печи и рассеял его над Египтом, так о Господе сказано: «Он *сыплет иней, как пепел*». Не сказано, будто Вечный запустил мир в движение и от действия его механизма образуется лёд. О нет: каждая льдинка, падающая в граде, — от Бога; «Он *бросает град Свой кусками*». Как пращник посылает из пращи каждый отдельный камень, так божественная сила определяет путь каждой градины. Заметьте: лёд назван *Его* льдом, а в следующем предложении говорится о *Его* морозе. Эти слова придают природе необыкновенное величие. Когда мы смотрим на каждую градину как на Божий град, а на каждый осколок льда как на Его лёд, какими драгоценными становятся эти водяные алмазы! Когда мы чувствуем, как холод щиплет наши члены и проникает сквозь всякую одежду, нас утешает память о том, что это *Его* холод. Когда наступает оттепель, посмотрите, как говорит о ней текст: «*Пошлёт слово Своё*». Он не оставляет дело неким силам природы, но, как царь, «*пошлёт слово Своё, и всё растает; подует* ветром *Своим*». У Него особое право собственности на всякий ветер: приходит ли он с севера, чтобы заморозить, или с юга, чтобы растопить, — это *Его* ветер. Смотрите, как в Божием храме всё говорит о Его славе. Учитесь видеть Господа во всех картинах видимой вселенной, ибо поистине Он совершает всё.

[7] Эту мысль о непосредственности божественного действия следует перенести и на Промысл. Великим утешением станет для вас умение видеть руку Божию в своих потерях и невзгодах; ведь тогда вы, конечно, не

станете роптать против непосредственного действия вашего Бога. Это придаст необычайную сладость повседневным милостям и сделает жизненные утешения ещё утешительнее, потому что они приходят из руки Отца. Если стол ваш скуден, его будет довольно для вашего довольного сердца, когда вы знаете, что Отец накрыл его для вас с мудростью и любовью. Это благословит ваш хлеб и вашу воду; это сделает голые стены бедно обставленной комнаты такими же сияющими, как дворец, и превратит жёсткую постель в пуховое ложе: всё делает мой Отец. Мы видим Его улыбку любви даже там, где другие видят лишь чёрную руку Смерти, поражающую самых дорогих нам людей. Мы видим руку Отца, когда мор кладёт наш скот мёртвым на равнине. Мы видим Бога, действующего милосердно, когда сами лежим на одре болезни. Это всегда действие и дело нашего Отца. Не будем уходить от этой мысли; напротив, расширим своё понимание этой истины и будем помнить: она относится и к малому, и к великому. Пусть поразят вас строки истинного поэта:

> [8] «Если мор проходит по земле, вы говорите: это сделал Господь, —
> Разве не Он сделал и то, что тля ползёт по розовому бутону?
> Если лавина срывается с альпийской вершины, вы трепещете перед волей Промысла, —
> Разве эта воля не столь же причастна к тому, как сухие листья падают с тополя?»

[9] Пусть ваши сердца обо всём поют: Иегова-Шамма — Господь там.

[10] 2. Далее прошу вас с благодарностью заметить *лёгкость* божественного действия. Эти стихи читаются

так, словно создание мороза и снега — простейшее дело в мире. Человек опускает руку в тюк шерсти и выбрасывает шерсть наружу; с такой же лёгкостью Бог даёт снег: «Даёт снег, как волну». Человек берёт горсть пепла и подбрасывает её в воздух, так что пепел падает вокруг: «Сыплет иней, как пепел». Иней и снег — чудеса природы: те, кто наблюдал необыкновенную красоту ледяных кристаллов, приходили в восторг; однако Господь создаёт их легко. «Бросает град Свой кусками» — так же легко, как в зимние дни мы бросаем за окно хлебные крошки малиновкам. Когда реки замерзают наглухо и земля закована в железные цепи, как совершается затем всеобщее таяние? Не разжиганием бесчисленных костров и не посылкой электрических разрядов от огромных батарей сквозь земные недра — нет: «Пошлёт слово Своё, и всё растает; подует ветром Своим, и потекут воды». Всё совершается словом и дуновением. Если бы нам с вами предстояло сделать что-нибудь великое, сколько было бы пыхтения и одышки, напряжения и усилий; даже великие инженеры, творящие чудеса при помощи машин, производят при этом много шума и суеты. Не так действует Всемогущий. Наш земной шар совершает оборот за двадцать четыре часа и всё же шумит меньше, чем жужжащий волчок; а вон те тяжеловесные миры, катящиеся в пространстве, проходят свой путь безмолвно. Войдя на фабрику, я слышу оглушительный грохот; если встану возле деревенской мельницы, приводимой в движение водой, падающей на колесо, там непрестанный стук или немолчный гул; но великие Божии колёса вращаются без шума и трения: божественный механизм работает плавно. Эта лёгкость видна и в Промысле, и в природе. Ваш Небесный Отец так же способен избавить вас, как растопить снег; Он избавит вас столь же простым

способом, если вы положитесь на Него. Он открывает руку Свою и удовлетворяет нужду всякого живого существа так же легко, как действует в природе. Заметьте лёгкость Божиего действия: Он лишь открывает Свою руку.

11 3. Далее заметьте *разнообразие* божественных действий в природе. Когда Господь действует, употребляя мороз как орудие, Он создаёт снег — дивное произведение, в котором каждый кристалл является чудом искусства; но снегом Он не довольствуется: из той же воды создаёт другую форму красоты, которую мы называем инеем, а затем третье сияющее, искрящееся вещество — сверкающий лёд; и всё это одним действием холода. Какое изумительное разнообразие способен различить обученный глаз в различных видах замёрзшей воды! Тот же Бог, Который холодом превратил воду в твёрдое тело, вскоре растапливает её теплом; но даже в оттепели нет однообразия: то радостные потоки вырываются из плена с такой стремительностью, что реки вздуваются и наводнения покрывают равнину; то медленно, скудными струйками, капли вновь обретают свободу. То же разнообразие видно в каждой области природы. Так и в Промысле у Господа есть тысяча видов морозных испытаний, которыми Он испытывает Свой народ, и десять тысяч лучей милости, которыми радует и утешает его. Если пожелает, Он может поразить вас испытанием снега, испытанием инея или испытанием льда; а затем Своим словом ослабить узы бедствия — и сделать это бесчисленными способами. Люди связаны двумя или тремя способами осуществления своей воли; Бог же бесконечен разумением и действует, как желает, путями, которых не может угадать смертный ум.

12 4. Я попрошу вас также рассмотреть *быстроту* Божиих дел в природе. Во дни Артаксеркса считалось чудом, что письма отправляли с гонцами на быстрых верблюдах. В нашей стране мы думали, что наступил век чудес, когда от скорости раскалялись оси наших вагонов; теперь же, когда действует телеграф, мы простираем руки в бесконечность. Но что наша быстрота в сравнении с быстротой Божиих действий? Хорошо сказано в тексте: «Посылает повеление Своё на землю; быстро течёт слово Его». Прозвучало слово: «Откройте хранилища снега», — и снежинки спустились бесчисленными сонмами; затем было сказано: «Да закроются», — и больше не показалось ни одного снежного пёрышка. Потом Владыка произнёс: «Пусть подует южный ветер и снег растает», — и вот он исчез по гласу Его слова. Верующий, ты не можешь знать, как скоро Бог придёт тебе на помощь. «Воссел на херувимов и полетел, — говорит Давид, — и понёсся на крыльях ветра». Он придёт свыше, чтобы спасти Своего возлюбленного. Он расторгнет небеса и сойдёт; с такой быстротой сойдёт Он, что не станет задерживаться, раздвигая небесные завесы, но в Своей поспешности разорвёт их и заставит горы растаять у Его ног, чтобы избавить взывающих к Нему в час бедствия. Тот могущественный Бог, Который столь быстро может растопить лёд, может обрести те же орлиные крылья и поспешить к твоему избавлению. Восстань, Боже, и да получат Твои дети помощь, и притом весьма скоро!

13 5. Ещё одна мысль: подумайте о *благости* Бога во всех действиях природы и Промысла. Подумайте об этой благости через то, чего Он не делает. «Перед морозом Его кто устоит?» В суровую зиму нельзя не думать о бедных: лишь жестокое сердце может забыть их, видя глубокий снег. Но предположим, что снег продолжал бы идти! Что

мешало бы этому? Тот же Бог, Который посылает нам снег на один день, мог бы, если бы пожелал, делать то же пятьдесят дней. Почему нет? И когда мороз так жестоко щиплет нас, почему бы ему не продолжаться месяц за месяцем? Мы можем только благодарить благость, которая не посылает «Его мороз» в такой мере, чтобы дух наш угас. Путешественники к Северному полюсу трепещут, размышляя над вопросом: «Перед морозом Его кто устоит?» Ибо в холоде есть некая мера всемогущества, когда Бог изволит отпустить его на волю. Поблагодарим Бога за сдерживающую милость, которой Он удерживает холод.

14 Милость присутствует в снеге не только через то, что удержано, но и через то, что дано. Какой выразительный образ: «Даёт снег *как волну*»! Говорят, снег согревает землю; он защищает маленькие растения, только начавшие выглядывать из почвы и иначе способные погибнуть от мороза; словно пуховой одеждой, снег укрывает их от крайней суровости холода. Поэтому Уоттс поёт в своём переложении сто сорок седьмого псалма:

> 15 «Как шерсть, Он шлёт Свои снежинки
> И ими защищает всходы хлеба».

16 Древние полагали, что снег согревает сердце почвы и придаёт ей плодородие, и потому славили за него Бога. Несомненно, много милости и в морозе: мор мог бы распространяться гораздо дольше, если бы мороз не говорил ему: «Доселе дойдёшь и не перейдёшь». Вредоносные насекомые размножались бы до тех пор, пока не пожрали бы драгоценных плодов земли, если бы морозные ночи не уничтожали миллионы их, сметая этих вредителей с земли. Хотя человек может считать, что терпит от холода убыток, в конечном счёте он получает

большую выгоду от установления Промысла, которым назначена зима. Причудливое высказывание одного старого писателя — «снег есть шерсть, мороз — огонь, лёд — хлеб, дождь — питьё» — истинно, хотя звучит как парадокс. Нет сомнения, что мороз, разрыхляя почву, способствует плодородию, и так лёд становится хлебом. Таким образом, те силы, которые на время лишают наших работников средств к существованию, становятся средствами, которыми Бог питает всё живое. Итак, замечайте Божию благость в снеге и морозе столь же ясно, как в оттепели, которая убирает зимнее творение.

17 Христианин, помни благость Божию в морозе бедствий. Будь уверен: когда Бог изволит послать жгучие ветры скорби, Он присутствует в них, и Он всегда есть любовь — столько же любви в печали, сколько в том, как Он веет на тебя мягким южным ветром радости. Во всяком деле Его руки узри Божию милость! Хвали Его: Он творит лето и зиму — пусть твоя песнь обойдёт весь год! Хвали Его: Он даёт день и посылает ночь — благодари Его во всякий час! Не оставляй своего упования: ему предстоит великое воздаяние. Как Давид вплёл снег, дождь и бурный ветер в песнь, так и ты соедини свои испытания, скорби, трудности и бедствия в сладкий псалом хвалы и непрестанно говори:

> 18 «С радостным сердцем
> Прославим Господа, ибо Он благ».

19 Довольно о действиях природы. Это очень заманчивый предмет, но меня зовут другие поля.

20 II. Теперь я хотел бы со всей серьёзностью и торжественностью говорить с вами о тех действиях

благодати, внешними образами которых служат мороз и оттепель.

21 В жизни Божьего народа бывает время, когда Бог приходит, чтобы воздействовать на него *морозом закона*. Закон для души — что пронизывающий северный ветер. Вера видит в нём любовь, но плотское око чувств её не различает. Это холодное, страшное дуновение, в котором нет утешения. Подставиться под всю силу закона Божьего означало бы быть поражённым морозом вечной погибели; даже недолго ощущать эту силу — значит почувствовать, как стынет мозг в костях и всё существо цепенеет от ужаса. «Перед морозом Его кто устоит?» Когда закон с громом выходит из своих хранилищ, кто может устоять перед ним? Действие закона на душу сковывает реки человеческих услад. Никто не может радоваться, когда совесть терзает его ужасом. Когда закон Божий проносится через душу, музыка и пляски теряют свою радость, чаша забывает свою способность веселить, а чары земли разрушаются. Реки удовольствий застывают в ледяном унынии. Почки надежды внезапно гибнут от мороза, и душа не находит утешения. Некогда ей было достаточно богатеть, но теперь на всём золоте и серебре лежат ржавчина и порча. Всякая многообещающая надежда побита морозом, и дух скован зимою отчаяния. Этот холод даёт грешнику почувствовать, как изорвана его одежда. В летнюю погоду он мог горделиво расхаживать, считая своё тряпьё истинно царственным одеянием; но теперь студёный мороз находит каждую прореху, и в руках страшного закона грешник дрожит, как листья осины. Северный ветер суда пронизывает человека насквозь. Прежде он не знал, что находится внутри него; теперь же видит, что всё его нутро исполнено тления и

гнили. Таковы некоторые из ужасов зимнего дыхания закона.

22 Этот мороз закона и его ужасов сам по себе ведёт лишь к ожесточению. Ничто так не раскалывает камень и не обрушивает утёс, как мороз, за которым следует оттепель; но один мороз делает землю подобной железной глыбе, о которую ломается лемех, пытающийся в неё проникнуть. Грешник под действием Божьего закона, если к нему не приходит Евангелие, ожесточается от отчаяния и восклицает: «Надежды нет, и потому я пойду вслед моих похотей. Если после этой жизни мне не будет неба, я устрою себе небо на земле; и если меня ожидает ад, то по крайней мере здесь я наслажусь теми сладостями, какие может дать грех». Вина здесь не на законе, а на испорченном сердце, которое от него ожесточается; и всё же действие закона таково.

23 Когда Господь совершит Своё дело морозом закона, Он посылает *оттепель Евангелия*. Когда южный ветер веет из земли обетованной, принося драгоценные напоминания об отеческом сострадании Бога и Его нежной милости, сердце тотчас начинает смягчаться, и сознание прощения, купленного кровью, вскоре растапливает его. Глаза наполняются слезами, сердце тает от нежности, реки радости свободно текут, и почки надежды раскрываются в радостном воздухе. Небесная весна шепчет цветам, спавшим в холодной земле; они слышат её голос и поднимают головки, ибо «дождь миновал, перестал; цветы показались на земле; время пения настало, и голос горлицы слышен в стране нашей». Бог посылает Своё слово, говоря: «Время борьбы твоей исполнилось, и грех твой прощён»; и когда это благословенное, ободряющее слово с силой приходит в

душу, а сладкое дыхание Святого Духа действует на сердце, словно тёплый южный ветер, тогда текут воды, и душа наполняется святой радостью, светом и свободой.

[24] «Зима под властью закона миновала,
Морозы бежали, приходит весна;
Мы слышим святую горлицу,
Возвещающую новый, радостный год».

[25] Показав вам, что морозу и оттепели в природе соответствуют закон и Евангелие в действии благодати, я хотел бы высказать о благодати те же мысли, которые уже изложил о природе.

[26] 1. Мы начали с непосредственности Божьих действий в природе. Теперь, возлюбленные друзья, обратите внимание на *непосредственность Божьих действий в благодати*. Когда сердце поистине затронуто законом Божьим, когда грех предстаёт крайне греховным, когда плотские надежды насмерть заморожены законом, когда душа приведена к сознанию своего бесплодия, полной мёртвости и погибели, — это перст Божий. Не говорите о проповеднике. Хорошо, что он проповедовал ревностно: Бог употребил его как орудие, но всё совершает Бог. Когда приходит оттепель благодати, прошу вас, различайте непосредственную руку Божью в каждом луче утешения, который радует встревоженную совесть, ибо один Господь перевязывает сокрушённых сердцем и исцеляет все их раны. Мы слишком склонны останавливаться на орудиях. По неразумию люди ожидают от таинств сокрушения или исцеления сердца, но все таинства говорят: «Это не в нас». Некоторые из вас взирают на проповедь Слова и выше неё не смотрят; но все истинные проповедники скажут вам: «Это не в нас». Красноречие и ревность даже в высшей степени не могут

ни сокрушить, ни исцелить сердце. Это дело Божье. Да, и не косвенное Божье действие в том смысле, в каком философ допускает присутствие Бога в законах природы, но личное и непосредственное действие Бога. Он Сам простирает Свою руку, когда совесть смиряется, и Его собственная десница даёт совести облегчение и очищает её.

27 Я желаю, чтобы эта мысль оставалась в вашем уме, иначе вы не будете ни прославлять Бога, ни держаться здравого учения. Все отступления от здравого учения в вопросе обращения происходят от забвения того, что от начала до конца это дело Божье; что самое слабое желание Христа — такое же дело Божье, как дар Его возлюбленного Сына; и что на всём протяжении нашей духовной истории, от альфы до омеги, Святой Дух производит в нас и хотение, и действие по Своему благоволению. Как вы ясно увидели перст Божий в том, что Он бросает лёд и посылает оттепель, так, прошу вас, признавайте дело рук Божьих и в том, что Он даёт вам сознание греха и приводит вас к ногам Спасителя. Вместе от всего сердца прославляйте Бога, творящего чудеса и совершающего всё по изволению Своей воли.

> 28 «То, что мы искали лица Твоего,
> Было всецело делом Твоей благодати;
> Твоя милость требует всей хвалы и всю её получит.
> Ни один грешник не может
> Предварить Тебя:
> Твоя благодать предваряет нас, она всемогуща и свободна».

29 2. Второй нашей мыслью о природе была *лёгкость, с которой действовал Господь*. Не было ни усилия, ни смятения. Перенесите это на действие благодати. Как

легко Богу вызвать в душе действие закона! Вот упрямый грешник: *вы* не можете коснуться его сердца, и даже провидение не пробудило его. Он мёртв — совершенно мёртв по преступлениям и грехам. Но если славный Господь милостиво пошлёт ветер Своего Духа, тот растопит его. Отъявленный грешник, изрыгающий брань, чьи уста почернели от богохульства, ещё будет славить Бога, благословлять Его имя и жить к Его чести, если только Господь взглянет на него и обнажит мышцу Своей непреодолимой благодати. Не ограничивайте Святого Израилева. Савл-гонитель стал любящим Павлом; почему же не спастись и тому человеку, о котором вы почти отчаялись? В характере вашего мужа может быть многое, что делает его положение трудным, но для Бога нет безнадёжных случаев. Ваш сын, возможно, согрешил и против неба, и против вас, но Бог может спасти самого ожесточённого человека. Самый лютый мороз упорного греха должен уступить оттепели благодати. Даже огромные айсберги преступления должны растаять в Гольфстриме безграничной любви.

30 Бедный грешник, я не могу оставить эту мысль, не сказав тебе слова. Возможно, Господин послал тебе мороз, и ты думаешь, что он никогда не кончится. Позволь мне побудить тебя надеяться, а ещё больше — молиться о посещениях благодати. Стихи мисс Стил как раз отвечают твоему скорбному, но не лишённому надежды состоянию.

> 31 «Суровая зима бросает ледяные цепи,
> Сковывая ими всю природу;
> Как унылы, как безотрадны равнины,
> Недавно увенчанные весёлой зеленью!
> Солнце отнимает животворные лучи,

И свет с теплом уходят;
Поникшая, безжизненная природа кажется
Образом моего сердца —
Моего сердца, где царствует зима души,
Облечённая тёмным покровом ночи,
Скованного холодными цепями бездействия.
Как оно пустынно и печально!
Вернись, о блаженное солнце, и принеси
Свой луч, оживляющий душу;
Эта зима души станет весною,
Этот мрак — радостным днём».

32 Богу легко избавить тебя. Он говорит: «Я изгладил беззакония твои, как туман». Недавно вечером я стоял и смотрел на чёрную тучу, покрывавшую всё небо, и думал, что непременно пойдёт дождь; я вошёл в дом, а когда вышел снова, всё небо было голубым: ветер унёс тучу. Так может случиться и с твоей душой. Для Господа легко удалить грех кающихся грешников. Все препятствия, стоявшие на пути нашего прощения, Иисус устранил, когда умер на древе; и если ты веруешь в Него, то узнаешь, что Он вверг твои грехи в морскую глубину. Если можешь веровать, всё возможно верующему.

33 3. Следующей мыслью о деле Господа в природе было его *разнообразие*. Мороз создаёт своего рода троичность в единстве: снег, иней, лёд; и когда приходит оттепель, пути её многообразны. Так бывает и с действием Бога в сердце. Обличение приходит не ко всем одинаково. Некоторое обличение нисходит, словно снег с неба: вы не слышите, как падают снежинки, — так мягко они ложатся одна на другую. Бывает обличение, которое приходит тихо; мы ощущаем его, но едва можем сказать, когда

начали его ощущать. Истинное действие покаяния может быть самым мягким. С другой стороны, Господь бросает Свой лёд кусками: градины стучат в окно, и вам кажется, что они непременно пробьют себе дорогу в комнату. Так ко многим людям приходит обличение, обрушиваясь на них и напоминая град. Здесь есть разнообразие. Мороз, производящий беззвучный снег, так же действителен, как мороз, порождающий страшный град. Зачем вам желать градин ужаса? Будьте благодарны, что Бог посетил вас, но не указывайте Ему, каким образом действовать.

34 Что касается евангельской оттепели, то, лишь бы Иисус простил вас, не ставьте условий относительно того, каким образом должна действовать Его благодать. Оттепель охватывает всё и действует постепенно, но начало её не всегда заметно. Цепи зимы ослабевают мало-помалу: лёд и снег на поверхности тают, а затем тепло проникает во всю массу, пока не уступит каждая ледяная глыба. Но хотя оттепель всеобща и видна по своим последствиям, вы не можете видеть могучую силу, которая всё это совершает. Так и вы не должны ожидать, что сможете увидеть Духа Божьего. Вы обнаружите, что Он постепенно действует на всего человека: просвещает разум, освобождает волю, избавляет сердце от страха, внушает надежду, пробуждает весь дух, постепенно и всеобъемлюще воздействует на душу и производит явные плоды утешения, надежды и мира; но видеть Духа Божьего вы можете не более, чем южный ветер. Действие Его силы надо ощутить; и когда вы его ощущаете, не удивляйтесь, если оно в чём-то отличается от того, что пережили другие. Всё же между снегом, инеем и льдом существует поразительное сходство; так есть замечательное единство и в опыте всех детей Божьих, но

при этом внутренние действия Божественной благодати весьма разнообразны.

35 4. Затем мы должны обратить внимание на *быстроту* Божьих действий: «Быстро течёт слово Его». Немного дней понадобилось, чтобы исчез последний снег. Подрядчику потребовалось бы много дней, чтобы вывезти его, но Бог посылает Своё слово, и снег со льдом сразу исчезают. Так и с душою: Господь часто действует быстро, когда ободряет сердце. Возможно, вы долго находились под действием Его леденящего закона, но нет причины оставаться под ним ещё хотя бы час. Если Дух даст вам способность довериться совершенному делу Христа, вы можете выйти из этого дома, радуясь тому, что каждый грех прощён. Бедная душа, не думай, что путь из страшного рва состоит в том, чтобы шаг за шагом карабкаться наверх. О нет: Иисус может поставить твои ноги на скалу прежде, чем стрелка часов обойдёт циферблат. В одно мгновение Он может перевести тебя из смерти в жизнь, из осуждения в оправдание. «Ныне же будешь со Мною в раю» — было сказано умирающему разбойнику, чёрному и осквернённому грехом. Только веруй в искупительную жертву Иисуса Христа, и будешь спасён.

36 5. Последней нашей мыслью о действии Бога была *Его благость* во всём этом. Какое благословение, что Бог не подверг нас действию закона в большей мере, чем это случилось! «Перед морозом Его кто устоит?» О возлюбленные, когда Бог отнимает у человека естественное утешение и даёт ему ощутить в душе Божественный гнев, это ужасно. Говорят о человеке, преследуемом призраком; но никакой призрак не может быть страшнее воспоминания о прежних грехах. Детская

сказка о мореходе, на спине которого сидел горный старик и всё сильнее давил на него, с избытком сбывается в истории встревоженной совести. Если хотя бы один грех вскочит человеку на спину, он проломит под грешником всякую опору, на какую тот только сможет подняться; под его тяжестью грешник будет опускаться всё ниже и ниже, пока не погрузится в самые глубины ада. Нет места, где можно вынести тяжесть греха, пока вы не встанете на Скалу веков; и даже там радость состоит в том, что его несёте не *вы*, а Иисус понёс всё за вас. Дух совершенно изнемог бы перед законом, если бы тот получил полную власть. Благодарение Богу: «Он удерживает бурное дыхание Своё в день восточного ветра». И вместе с тем как благодарны мы можем быть за то, что вообще ощутили в душе мороз закона! Зима обличения умерщвляет безумие самоправедности. Мы были бы в тысячу раз более гордыми, неразумными и мирскими, чем теперь, если бы не резкий мороз, которым Господь побил ростки плоти.

37 Но как достаточно возблагодарить Его за оттепель Его милости? Какую великую перемену совершило в нас Его милосердие, едва его лучи коснулись нашей души! Жёсткость исчезла, холод ушёл, тепло и любовь изобиловали, а потоки жизни устремились по своим руслам. Господь посетил нас, и мы восстали из могилы отчаяния, как семена восходят из земли. Как луковица крокуса поднимает свою золотую чашечку, чтобы она наполнилась солнечным светом, так наша новорождённая вера раскрылась навстречу славе Господней. Как первоцвет выглядывает из дёрна, чтобы увидеть солнце, так наша надежда устремилась к обетованию и нашла свою радость в Господе. Благодарение Богу, что для многих из нас весна созрела в лето, а зима ушла, чтобы

уже не возвратиться. Мы славим за это Господа во все дни нашей жизни и будем славить Его, когда времени уже не будет, в той солнечной стране —

38 «Где пребывает вечная весна
И цветы никогда не увядают.
Лишь тонкий, как нить, поток отделяет
Ту небесную страну от нашей».

39 Веруйте в Господа, вы, дрожащие от мороза закона, и оттепель любви скоро принесёт вам тёплые дни радости и мира. Да будет так. Аминь.

Пшеничное зерно, умирающее, чтобы принести плод

1 «Иисус же сказал им в ответ: пришёл час прославиться Сыну Человеческому. Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши в землю, не умрёт, то останется одно; а если умрёт, то принесёт много плода. Любящий душу свою погубит её; а ненавидящий душу свою в мире сем сохранит её в жизнь вечную». — Иоанна 12:23–25.

2 Некоторые эллины пожелали увидеть Иисуса. Это были язычники, и примечательно, что именно в это время они стали искать встречи с нашим Господом. Полагаю, слова «нам хочется видеть Иисуса» не означали лишь желания посмотреть на Него: это они могли сделать и на городской улице. Они хотели «видеть» Его в том смысле, в каком мы говорим о встрече с человеком, с которым желаем побеседовать. Они хотели, чтобы их представили Ему, и желали услышать от Него несколько слов наставления.

3 Эти эллины были передовым отрядом того великого множества из всех племён, народов и языков, которого никто не может перечесть и которому ещё предстояло прийти ко Христу. Естественно, при виде их Спаситель должен был испытать радость, но Он мало говорил об этом, потому что в ту минуту Его мысли были поглощены великой жертвой и её последствиями. И всё же Он настолько отметил приход к Нему этих язычников, что это придало особый оттенок словам, записанным здесь Его слугой Иоанном.

4 Я замечаю, что здесь Спаситель *являет Свою общность со всем человечеством* и называет Себя «Сыном Человеческим». Он делал это и прежде, но теперь с новым

намерением. Он говорит: «Пришёл час прославиться Сыну Человеческому». Здесь Он говорит о Себе не как о «Сыне Давидовом», а как о «Сыне Человеческом». Он уже не выдвигает на первый план иудейскую сторону Своего служения, хотя как проповедник был послан только к погибшим овцам дома Израилева; но как умирающий Спаситель Он говорит о Себе как об одном из человеческого рода — не Сыне Авраамовом или Давидовом, а «Сыне Человеческом», равно брате язычнику и иудею. Никогда не будем забывать об этой общности Господа Иисуса со всем человечеством. В Нём все племена земли соединяются воедино, ибо Он не стыдится носить нашу общую человеческую природу. Чёрный и белый, князь и нищий, мудрец и дикарь — все видят в Его жилах ту единую кровь, благодаря которой все люди составляют одну семью. Как Сын Человеческий Иисус — близкий родственник каждому живущему человеку. [1]

5 И теперь, когда пришли эллины, Господь наш *говорит и о приближении Своей славы*. «Пришёл час, — говорит Он, — прославиться Сыну Человеческому». Он не говорит: «Быть распятым Сыну Человеческому», хотя и это было верно и распятие должно было предшествовать прославлению. Но вид этих первых плодов из язычников побуждает Его остановиться на Своей славе. Хотя Он помнит о смерти, Он говорит скорее о славе, которая произрастёт из Его великой жертвы. Помните, братья: Христос прославляется в душах, которые спасает. Как врач приобретает честь благодаря исцелённым им людям, так и Врач душ обретает славу в приходящих к Нему. Когда эти благочестивые эллины пришли со словами: «Господа, нам хочется видеть Иисуса», — хотя одно желание увидеть Его подобно лишь зелёному ростку, —

Он обрадовался ему как залогу жатвы и увидел в нём зарю славы Своего креста.

[6] Думаю также, что приход этих эллинов в некоторой мере *побудил Спасителя воспользоваться образом погребённого зерна*. Нам известно, что пшеница занимала заметное место в греческих мистериях, но это маловажно. Существеннее то, что тогда наш Спаситель проходил через то, что должно было разорвать иудейскую оболочку, в которую, если позволено так выразиться, была заключена Его человеческая жизнь. Вот что я имею в виду: прежде Господь наш говорил, что послан только к погибшим овцам дома Израилева, а когда сирофиникиянка умоляла Его о своей дочери, Он напомнил ей об ограниченных пределах Своего поручения как пророка среди людей. Посылая семьдесят учеников, Он повелел им не входить в самарянские города, а искать только дом Израилев. Теперь же это благословенное пшеничное зерно разрывает свой внешний покров. Ещё прежде, чем его положат в землю умереть, Божественное пшеничное зерно начинает являть Свою живую силу, и истинный Христос открывается. Христос Божий, несомненно будучи Сыном Давидовым, по Отцу был не иудеем и не язычником, но просто человеком; и великое сострадание Его сердца простиралось на всё человечество. Он считал Своими братьями всех избранных Им, без различия пола, народа или эпохи всемирной истории, в которую им предстояло жить. И при виде этих эллинов истинный Христос выступил вперёд и явил Себя миру так, как прежде не являл. Отсюда, быть может, и особый образ, который нам теперь предстоит объяснить.

[7] В нашем тексте, дорогие друзья, есть две вещи, о которых я кратко скажу, насколько поможет мне Дух. Во-первых, здесь дано *глубокое вероучение*, а во-вторых — *практический нравственный принцип*.

[8] Во-первых, здесь дано глубокое вероучение.

[9] Своим вдумчивым ученикам Спаситель предложил ряд положений, которые можно было бы назвать вероучительными парадоксами.

[10] Первое: *хотя Он был славен, Ему ещё предстояло прославиться*. «Пришёл час прославиться Сыну Человеческому». Иисус всегда был славен. Уже то было славой, что человеческая личность Сына Человеческого была лично соединена с Божеством. Господь наш Иисус обладал великой славой и всё время Своего пребывания на земле — в совершенстве Своего нравственного характера. Благодатная цель Его прихода сюда была Его истинной славой; снисхождение до того, чтобы стать Спасителем людей, было великим прославлением Его любящего характера. То, как Он совершал Свой труд, как посвятил Себя Отцу и всегда пребывал в том, что принадлежит Отцу, как отвергал сатану с его обольщениями и не позволил подкупить Себя всеми царствами мира, — всё это было Его славой. Я не ошибся бы, сказав, что в Своей нравственной природе Христос никогда не был более славен, чем тогда, когда на протяжении земной жизни оставался безвестным, презираемым и отверженным, но при этом верным Слугой Божиим и пламенно любящим сынов человеческих. Апостол говорит: «Слово стало плотию и обитало с нами, полное благодати и истины; и мы видели славу Его, славу, как Единородного от Отца». Он имеет в виду не только преображение, когда особенно ярко проблеснула

Божественная слава, но и пребывание нашего Господа среди людей в обычных обстоятельствах жизни. Святые, духовные умы созерцали славу Его жизни, славу благодати и истины, какой прежде не видели ни в одном из сынов человеческих. Но хотя Он уже был во всех отношениях славен, Иисусу ещё предстояло прославиться. К Его личной чести должно было прибавиться нечто большее. Помните же: как бы ясно вы ни представляли своего Господа, есть ещё слава, которой предстоит прибавиться ко всему, что вы способны увидеть даже со Словом Божиим в руках. Как бы славен ни был живущий Сын Человеческий, ещё большая слава должна была прийти к Нему через смерть, воскресение и вхождение за завесу. Он был славным Христом, и всё же Ему предстояло прославиться.

11 Второй парадокс таков: *слава должна была прийти к Нему через позор*. Он говорит: «Пришёл час прославиться Сыну Человеческому», — и затем говорит о Своей смерти. Величайшая полнота славы нашего Господа рождается из того, что Он уничижил Себя и стал послушным до смерти, и смерти крестной. Его высшая честь состоит в том, что Он отказался от всякой чести. Крест придаёт новый блеск Его венцу; Его вечная жизнь тем более достойна почитания, что Он однажды умер для греха. Эти благословенные ланиты никогда не были бы столь прекрасны в глазах Его избранных, если бы некогда их не оплевали. Эти дорогие очи никогда не обладали бы столь всепокоряющим взором, если бы однажды не померкли в предсмертных муках за грешников. Его руки подобны золотым кольцам, оправленным бериллом, но ярчайшее их украшение — следы жестоких гвоздей. Как Сыну Божию слава принадлежала Ему по природе; но как Сын Человеческий Он обязан Своим нынешним сиянием

кресту и тому бесчестию, которое окружало его, когда Он вознёс наши грехи Своим телом. Мы никогда не должны этого забывать. Если когда-нибудь нам захочется заслонить распятого Спасителя грядущим Царём, нас должна обличить мысль, что этим мы отнимаем у Господа Его высшую честь. Всякий раз, когда слышите, как люди пренебрежительно говорят об искуплении, немедленно вставайте на его защиту, ибо из него происходит главная слава вашего Господа и Учителя. Говорят: «Пусть сойдёт с креста, и уверуем в Него». Если бы Он сделал это, во что осталось бы веровать? На кресте, от креста и через крест Иисус восходит на Свой престол; и Сын Человеческий ныне имеет особую честь на небесах, потому что был заклан и Своей кровью искупил нас Богу.

[12] Следующий парадокс: *Иисус должен оказаться один, иначе Он останется один*. Вслушайтесь в текст, который я читаю: «Если пшеничное зерно, падши в землю, не умрёт», — оказавшись таким образом в одиночестве, — «то останется одно». Сын Человеческий должен быть один во гробе, иначе Он будет один на небесах. Он должен упасть в землю, как пшеничное зерно, и пребывать там в одиночестве смерти, иначе останется один. Этот парадокс объяснить нетрудно. Господь наш Иисус Христос как Сын Человеческий не мог бы спасти нас, если бы не топтал точило один; если бы под оливами Гефсимании не боролся, повергшись на землю, и словно не погружался в землю до самой смерти; если бы Он не был там один и если бы на кресте не возопил: «Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?» — ощущая Себя совершенно покинутым и одиноким, подобно погребённому пшеничному зерну. Если бы Он действительно не умер, Он как человек навеки остался бы один: не без вечного Отца и Божественного Духа, не без

сонма ангелов, но рядом с Ним не было бы другого человека. Господь наш Иисус не может вынести одиночества. Голова без членов тела — страшное зрелище, какой бы короной её ни венчали. Разве вы не знаете, что Церковь есть Его тело, полнота Наполняющего всё во всём? Без Своего народа Иисус был бы пастырем без овец; а быть пастырем без стада, несомненно, не слишком почётное занятие.

13 Он был бы мужем без жены; но Он так любит Свою невесту, что именно ради этого оставил Отца и стал одной плотью с избранной Им. Он прилепился к ней и умер за неё; а если бы не сделал этого, был бы женихом без невесты. Такого не могло быть. Его сердце не из тех, которые способны наслаждаться эгоистическим счастьем, ни с кем не разделённым. Если вы читали Песнь песней Соломона, где открывается сердце Жениха, то видели, что Он желает общества Своей возлюбленной, Своей голубицы, Своей чистой. Радость Его была с сынами человеческими. Симеон Столпник на вершине столпа — не Иисус Христос; у отшельника в пещере могут быть добрые намерения, но оправдания своему уединению он не найдёт в Том, Чей крест, по его словам, почитает. Иисус был другом людей: Он не избегал их, а искал погибших. О Нём верно сказали: «Он принимает грешников и ест с ними». Он привлекает всех к Себе, и ради этого был вознесён от земли. Но этот великий, привлекающий к Себе Человек остался бы один на небесах, если бы не был один в Гефсимании, один перед Пилатом, один под насмешками воинов и один на кресте. Если бы это драгоценное пшеничное зерно не сошло в страшное одиночество смерти, оно осталось бы одно; но поскольку Он умер, то «приносит много плода».

14 Это приводит нас к четвёртому парадоксу: *Христос должен умереть, чтобы дать жизнь*. «Если пшеничное зерно, падши в землю, не умрёт, то останется одно; а если умрёт, то принесёт много плода». Иисус должен умереть, чтобы дать жизнь другим. Не думающие люди смешивают смерть с несуществованием, а жизнь с существованием — вещи весьма, весьма различные. «Душа согрешающая, та умрёт»: она никогда не прекратит существовать, но умрёт, будучи отлучена от Бога, Который есть её жизнь. Многие люди существуют, однако не имеют истинной жизни и не увидят жизни, но «гнев Божий пребывает на них». Пшеничное зерно, положенное в землю, умирает; хотим ли мы сказать, что оно перестаёт существовать? Отнюдь. Что такое смерть? Это распад чего-либо живого на первоначальные составные части. У нас это разлучение тела с душой; у пшеничного зерна — разъединение элементов, составлявших зерно. Наш Божественный Господь, положенный в землю, не увидел тления, но Его душа на время разлучилась с телом, и таким образом Он умер. Если бы Он не умер буквально и действительно, Он не мог бы дать жизнь никому из нас.

15 Возлюбленные друзья, это показывает нам, в чём жизненная суть христианства: *смерть Христа есть жизнь Его учения*. Смотрите: если бы главным была проповедь Христа или жизненная сила заключалась в Его примере, Он мог бы приносить плод и умножать число христиан Своей проповедью и примером. Но Он заявляет, что, если не умрёт, не принесёт плода. Скажут ли мне, что это потому, что смерть завершила бы Его пример и поставила печать на Его проповеди? Я признаю, что так оно и было. Но я могу представить, что если бы Господь наш продолжал жить, постоянно странствуя по миру, проповедуя и живя, как прежде; если бы совершал

прежние чудеса и являл ту таинственную притягательную силу, которая всегда была с Ним, то мог бы приобрести поразительное число учеников. Если бы духовную жизнь можно было даровать через Его учение и жизнь без искупления, почему Спаситель не продлил Свою жизнь на земле? Но дело в том, что никто из нас не может ничего узнать о духовной жизни иначе как через искупление. У нас нет пути к познанию Бога, кроме драгоценной крови Иисуса Христа, через которую мы имеем доступ к Отцу. Если, как некоторые говорят, нравственную сторону христианства следует ставить гораздо выше его особых вероучительных положений, то зачем вообще Иисус умер? Нравственное учение можно было бы лучше раскрыть долгой святой жизнью. Если бы Он захотел, Он мог бы жить доныне, всё ещё проповедовать и подавать пример сынам человеческим. Но Он уверяет нас, что только смертью мог принести плод. Как, даже всей этой святой жизнью — нет? Нет. Даже этим несравненным учением — нет? Нет. Ни один из нас не мог бы спастись от вечной смерти, если бы жертва Иисуса не совершила умилостивления. Ни один из нас не мог бы ожить духовно, если бы Сам Христос не умер и не воскрес из мёртвых.

16 Братья, вся духовная жизнь, какая есть в мире, — плод смерти Христа. Мы живём в таком устроении, которое прообразно раскрывает нам эту истину. Впервые жизнь пришла в мир через сотворение; та жизнь была утрачена в саду. С тех пор отец нашего рода — Ной, и через Ноя жизнь пришла к нам посредством прообразных смерти, погребения и воскресения. Ной вошёл в ковчег, был заключён в нём и таким образом погребён. В ковчеге Ной прошёл среди мёртвых, сам окутанный дождём и заключённый в ковчеге, а затем вышел в новый мир, словно воскреснув, когда воды убыли. Таков и ныне путь

жизни. Мы умерли со Христом, погребены со Христом, воскресли со Христом; и нет в этом мире истинной духовной жизни, кроме пришедшей к нам через смерть, погребение и воскресение со Христом. Знаете ли вы что-либо об этом, дорогие друзья? Если нет, вы не знаете жизни Божией. Теорию вы знаете, но знаете ли на опыте её силу в собственном духе? Всякий раз, когда слышим нападки на учение об искуплении, станем на его защиту. Скажем миру: хотя мы ценим жизнь Христа даже выше, чем они, мы знаем, что спасает людей не Его пример, а Его смерть за нас. Если бы благословенный Христос прожил здесь все эти девятнадцать столетий без греха, преподавая все Свои чудесные заповеди со Своим возвышенным и простым красноречием, Он всё же не произвёл бы ни одной частицы духовной жизни среди всех сынов человеческих. Без смерти Он не приносит плода. Если ты желаешь жизни, дорогой слушатель, то, будучи невозрождённым, не получишь её, стараясь подражать примеру Христа. Некоторую пользу ты можешь так приобрести, но духовной жизни и вечного спасения этим путём не обретёшь никогда. Ты должен уверовать в Иисуса, умершего за тебя. Ты должен понять, что кровь Иисуса Христа, возлюбленного Сына Божия, очищает нас от всякого греха. Усвоив эту истину, ты будешь с пользой изучать Его жизнь; но если не признаешь, что пшеничное зерно брошено в землю и предано смерти, ты никогда не обретёшь от него плода в собственной душе и не увидишь плода в душах других.

[17] Ещё один благословенный урок глубокого богословия можно извлечь из нашего текста: *поскольку Иисус Христос действительно пал в землю и умер, мы вправе ожидать от этого многого*. «Если умрёт, то принесёт много плода». У некоторых Христос мал, и малого они

ожидают от Него. Я встречал добрых людей, которые, кажется, полагают, будто Иисус Христос умер за здравых в вере прихожан часовни «Сигор» и, пожалуй, ещё за немногих, ходящих в «Авен-Езер» соседнего городка. Они надеются, что однажды немногие избранные — поистине малое общество, которое взаимными ссорами они всеми силами стараются сделать ещё меньше, — прославят Бога за спасение совсем небольшого остатка. Я не стану осуждать этих дорогих братьев, но очень желаю, чтобы сердца их расширились. Мы ещё не знаем всего плода, который произойдёт от Господа нашего Иисуса. Разве не может прийти день, когда миллионы жителей Лондона единодушно поклонятся Богу? Я ожидаю дня, когда земля наполнится познанием славы Божией, как воды наполняют море, когда цари падут перед Сыном Божиим и все народы назовут Его блаженным. «Слишком многого вы ожидаете, — скажет кто-то, — миссии продвигаются очень медленно». Я всё это знаю, но миссии — не семя: всё ожидаемое нами должно произойти из того пшеничного зерна, которое пало в землю и умерло; ему надлежит принести много плода. Когда я думаю о благословенной личности моего Учителя как совершенного Сына Божия и Сына Человеческого; когда думаю о бесконечной славе, которую Он оставил, и о невыразимых муках, которые претерпел, — я спрашиваю: могут ли ангелы исчислить ценность принесённой Им жертвы? Один Бог знает ту любовь Божию, которая явилась в смерти Его Сына. Неужели вы думаете, что всё это замышление, труд и жертва бесконечной любви завершатся ничтожным результатом? Это было бы не подобно Богу. Муки Сына Божия не принесут скудного блага. Результат будет соразмерен средствам, а следствие будет соответствовать причине. Господь будет

царствовать во веки веков. Аллилуйя! Да, как стоны креста должны были поразить ангелов, так плоды креста изумят серафимов и заставят их дивиться преизбытку славы, возникшей из позорной смерти их Господа. О возлюбленные, от нашего Иисуса ещё произойдут великие дела. Мужайтесь, упавшие духом! Будьте отважны, воины креста! Победа ждёт ваше знамя. Ожидайте терпеливо, трудитесь с надеждой, страдайте с радостью: ибо Царство принадлежит Господу, и Он — Владыка над народами.

18 Так я говорил о глубоком богословии.

19 Закончу несколькими словами практического наставления. Усвойте теперь: то, что истинно о Христе, в некоторой мере истинно и о каждом чаде Божием. «Если пшеничное зерно, падши в землю, не умрёт, то останется одно; а если умрёт, то принесёт много плода». Это приложимо к нам в той мере, на которую указывает следующий стих: «Любящий душу свою погубит её; а ненавидящий душу свою в мире сем сохранит её в жизнь вечную».

20 Во-первых, *чтобы жить, мы должны умереть*. Ни для вас, ни для меня, ни для какого человека нет духовной жизни иначе как через смерть, ведущую в неё. Есть ли у вас собственная, искусно сплетённая праведность? Она должна умереть. Есть ли у вас какая-нибудь вера в себя? Она должна умереть. Вы должны носить в себе смертный приговор, и тогда войдёте в жизнь. Прежде чем познать животворящее действие Духа Божия, необходимо испытать Его иссушающую силу: «Засыхает трава, увядает цвет, когда дунет на него дуновение Господа». Вы должны быть поражены мечом Духа, прежде чем сможете ожить от дыхания Духа.

21 Далее, *чтобы сохранить всё, мы должны всё отдать*. «Любящий душу свою погубит её». Брат, ты никогда не обретёшь духовной жизни, надежды, радости, мира, неба, если не отдашь всё в руки Божии. Ты будешь иметь всё во Христе, когда согласишься не иметь ничего своего. Ты должен сложить оружие мятежа, снять пышные перья своей гордости, отдать в Божию руку всё, что ты есть и что имеешь; и если ты не лишишься всего добровольно, то потеряешь всё на деле, — более того, уже потерял. Полная отдача всего Богу — единственный способ всё сохранить. Некоторые из народа Божия убеждаются в этом буквально. Я знал мать, которая удерживала своего ребёнка от Бога, и ребёнок умер. Богатые люди поклонялись своему богатству; и поскольку они принадлежали Богу, Он разбивал их идолов вдребезги. Ты должен потерять всё своё, если хочешь его сохранить, и отказаться от самого драгоценного, если хочешь, чтобы оно было сохранено для тебя.

22 Далее, *чтобы найти себя, мы должны потерять себя*. «Ненавидящий душу свою сохранит её в жизнь вечную». Вы должны совершенно отказаться от жизни для себя, и тогда сами будете жить. Живущий для себя не живёт: он теряет самую суть, наслаждение и венец существования. Но если вы живёте для других и для Бога, то найдёте жизнь самой жизни. «Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это всё приложится вам». Нет лучшего способа обрести себя в личной радости, чем потерять себя в радости других.

23 И ещё: если вы *желаете стать средством жизни для других, вам самим в своей мере надлежит умереть*. «О, — скажете вы, — неужели дело действительно дойдёт до смерти?» Возможно, и нет; но если дойдёт, вы должны

быть готовы. Кто принёс нынешнему веку наибольшее благословение? Я скажу вам. По моему убеждению, свободой нашего евангельского исповедания мы обязаны главным образом бедным мужчинам и женщинам, умершим на костре за веру. Называйте их лоллардами, анабаптистами или как угодно: умершие за это святое дело дали ему жизнь. Так поступали люди всех сословий, от епископов до бедных мальчиков. Многие из них не могли проповедовать с кафедры, но с костров они произнесли более величественные проповеди, чем все реформаторы могли прогреметь со своих трибун. Они пали в землю и умерли, и «много плода» пребывает доныне. Самоотверженная смерть святых была жизнью и возрастанием Церкви. Если мы желаем достигнуть великой цели, утвердить великую истину и создать великое орудие добра, это возможно только через отдачу самих себя, да, самой своей жизни одной всепоглощающей цели. Иначе нам не преуспеть. Нельзя отдать другим, не отняв столько же у себя. Тот, кто служит Богу и находит этот труд лёгким, найдёт тяжёлым окончательный отчёт. Проповедь, которая ничего не стоила, ничего и не стоит; если она не вышла из сердца, она не войдёт в сердце. Примите как правило: если мы хотим принести большую пользу, нам придётся изнашиваться, вплоть до изнеможения. Смерть предшествует росту. Спасающий других не может спасти себя. Потому мы не должны сожалеть о жизнях умирающих под губительным климатом Африки, если они умирают за Христа; не должны роптать и тогда, когда здесь и там лучших Божиих слуг сражает истощение мозга. Таков закон Божественного земледелия: через смерть приходит умножение.

[24] А ты, дорогой друг, не должен говорить: «О, я больше не могу преподавать в воскресной школе: всю неделю я так много работаю, что я… я… я…» Закончить за тебя предложение? Всю неделю ты так много работаешь для себя, что не можешь один день в неделю поработать для Бога. Так? «Нет, не совсем, но я так измотан». Совершенно верно, но подумай о своём Господе. Он знал, что значит утомиться ради тебя, и всё же не уставал делать добро. Ты никогда не дойдёшь до кровавого пота, как Он. Ну же, дорогой друг: неужели ты останешься пшеничным зерном, одиноко положенным на полку? Неужели будешь подобен пшенице в руке мумии — бесплодной и забытой, — или пожелаешь расти? Я слышу твой ответ: «Посейте меня где-нибудь». Постараюсь это сделать. Позволь бросить тебя на поле воскресной школы, на участок, где дают читать евангельские листки, или на делянку уличной проповеди. «Но если я приложу большие усилия, это наполовину убьёт меня». Да; а если убьёт совсем, тогда ты подтвердишь наш текст: «Если умрёт, то принесёт много плода». В последнее время людей, погубивших себя служением нашему Господу, не так много, чтобы нас тревожила опасность огромной жертвы жизней. Ныне мало причин сдерживать фанатизм, но гораздо больше оснований обличать своекорыстие. О братья мои, поднимемся к такой посвящённости, которая более достойна нашего Господа и Его славного дела; и отныне будем жаждать стать погребённой, сокрытой, умирающей, но плодоносящей пшеницей во славу Господа нашего. Так я лишь скользнул взглядом по тексту; быть может, в другой день нам будет даровано погрузиться в его глубины.

Пахарь

[1] «Всегда ли земледелец пашет для посева?» — Исаии 28:24.

[2] Если поля не возделывать, они не дадут нам ничего, кроме терния и чертополоха. В этом мы можем увидеть самих себя. Если великий Земледелец не возделает нас Своей благодатью, мы не произведём ничего доброго, зато произведём всякое зло. Если однажды я услышу, что открыта страна, где пшеница растёт без труда земледельца, тогда, быть может, я понадеюсь найти человека нашего рода, который принесёт плод святости без благодати Божией. До сих пор всякая земля, на которую ступала человеческая нога, нуждалась в труде и заботе; точно так же все люди нуждаются в благодатном возделывании. Иисус говорит всем нам: «Должно вам родиться свыше». Если Бог Святой Дух не вспашет сердце плугом закона и не засеет его семенем Евангелия, никто из нас не произведёт ни единого колоса святости, даже если мы дети благочестивых родителей и окружающие считают нас людьми безупречной нравственности.

[3] Да, и плуг нужен не только для того, чтобы произвести доброе, но и для того, чтобы уничтожить злое. Есть болезни, которые с течением веков сами истощаются и больше не появляются среди людей; могут быть и такие виды порока, которые в изменившихся обстоятельствах распространены не столь широко, как прежде. Но человеческая природа всегда останется той же, а потому на человеческих полях всегда будет обильно произрастать сорная трава греха, и ничто не сможет сдержать её, кроме духовного земледелия, совершаемого Духом Божиим. Нельзя уничтожить сорняки увещаниями, как

нельзя вырвать корни греха из души одним нравственным убеждением: необходимо воздействовать на них чем-то более острым и действенным. Бог должен Сам приложить правую руку к плугу, иначе болиголов греха никогда не уступит места пшенице святости. В невозрождённом человечестве добро никогда не возникает само собой, а зло никогда не бывает подрезано, пока через него не пройдёт лемех всемогущей благодати.

4 Наш текст направляет мысли в эту сторону и даёт нам практическое руководство, задавая простой вопрос: «Всегда ли земледелец пашет для посева?» *На этот вопрос можно ответить утвердительно*: «Да, в надлежащую пору он весь день пашет для посева»; а во-вторых, *на вопрос этого текста правильнее ответить отрицательно*: «Нет, земледелец не каждый день пашет для посева: у него есть и другие работы, сообразно времени года».

5 I. Во-первых, на вопрос нашего текста можно ответить утвердительно: «Да, земледелец весь день пашет для посева».

6 Когда наступает пора пахоты, он продолжает её, пока работа не будет закончена. Если для обработки полей нужен один день, два дня или двадцать дней, он трудится, пока позволяет погода. Настойчивость пахаря поучительна и преподаёт нам двойной урок. Когда Господь приходит вспахать человеческое сердце, Он пашет весь день — и в этом Его терпение; во-вторых, так же и слугам Господним следует весь день трудиться над сердцами людей — и в этом наша настойчивость.

7 «Весь ли день пашет земледелец?» *Так и Бог пашет человеческое сердце, и в этом Его терпение.* У

некоторых из нас упряжка вышла в поле очень рано утром: первые наши воспоминания связаны с совестью и с бороздами боли, которые она проводила в нашем юном уме. Ещё маленькими детьми мы просыпались ночью с чувством греха; отцовское наставление и материнские молитвы оставляли в нас глубокие и болезненные впечатления. Хотя тогда мы не отдавали сердца Богу, они были сильно потрясены, и всякое равнодушие к вере стало невозможным. Когда мы были школьниками, прочитанная глава Слова Божия, смерть товарища по играм, обращение на библейском занятии или серьёзная проповедь так действовали на нас, что неделями мы не находили покоя. Внутренние побуждения Духа Божия заставляли нас думать о высшем и лучшем. Хотя мы угашали Духа, хотя подавляли обличение, всё же носили на себе следы лемеха: в душе были проведены борозды, и некоторые мерзкие сорняки зла вырваны с корнем, хотя семя благодати ещё не было посеяно в наших сердцах. Некоторые оставались в таком состоянии много лет — вспаханные, но не засеянные. Но, благословен Бог, с другими из нас было иначе: ещё до конца отрочества доброе семя Евангелия упало в наше сердце. Увы, многие не уступают благодати так скоро, и над ними пахарь трудится весь день, чтобы посеять. Я видел юношу, приехавшего в Лондон, поддавшегося его искушениям, впитывавшего его отравленные сладости, попиравшего свою совесть, — и всё же несчастного среди всего этого, боязливого, беспокойного, встревоженного, как почва под плугом. Во скольких случаях такая работа продолжалась годами, и всё напрасно! Ах, я знал и человека, уже достигшего зрелости, но всё ещё не принявшего доброго семени, чья твёрдая сердечная почва так и не была основательно разрыхлена. Он продолжал свои дела без

Бога; день за днём вставал и вновь ложился, имея не больше веры, чем его лошади. И всё это время в ушах у него звучали предупреждения о грядущем суде и упрёки совести, так что покоя он не имел. После сильной проповеди он не мог наслаждаться едой или спать, потому что спрашивал себя: «Что же я буду делать в конце?» Пахарь пахал весь день, пока не удлинились вечерние тени и день не угас. Какое же милосердие — когда борозды наконец готовы и доброе семя брошено в них, чтобы быть принятым, взращённым и умноженным во сто крат!

8 Горько вспоминать, что мы видели, как эта пахота продолжалась до тех пор, пока солнце не коснулось горизонта и не начала падать ночная роса. Даже тогда долготерпеливый Бог продолжал Свой труд: пахал, пахал, пахал, пахал, пока тьма не положила всему конец. Нет ли среди тех, к кому я обращаюсь, престарелых людей, чей срок скоро истечёт? С любовью умоляю их задуматься о своём положении. Как! Шестьдесят лет — и всё ещё не спасён? Сорок лет Бог терпел нрав Израиля в пустыне, а тебя терпит уже шестьдесят. Семьдесят лет — и всё ещё не возрождён! Ах, друг мой, как мало времени останется тебе послужить Спасителю, прежде чем уйдёшь на небо. Но попадёшь ли ты туда вообще? Разве не становится страшно вероятным, что ты умрёшь в своих грехах и погибнешь навеки? Как счастливы приведённые ко Христу в юности! Но всё же помните:

> 9 «Пока ещё горит светильник,
> Может вернуться самый падший грешник».

10 Поздно, очень поздно, но не слишком поздно. Пахарь пашет весь день, и Господь ждёт, чтобы помиловать вас. Я видел обращение многих престарелых людей и потому

хочу ободрить других стариков уверовать в Иисуса. Однажды я прочёл проповедь, в которой служитель утверждал, что редко знал обращённых старше сорока лет, если они всю жизнь слушали Евангелие. Безусловно, необходимо серьёзно предостерегать виновных в промедлении, но выдумывать факты нельзя. Что бы ни думал или даже ни наблюдал тот служитель, мои собственные наблюдения приводят меня к убеждению, что в любом возрасте к Богу обращается примерно одинаковое число людей, если учесть, что молодых гораздо больше, чем старых. Ужасно оставаться неверующим все эти годы, однако благодать Божия не останавливается на определённом возрасте: пришедшие в виноградник в одиннадцатом часу получат свой динарий, и благодать прославится в старых так же, как в молодых. Иди же, старый друг: Иисус Христос приглашает тебя прийти к Нему даже теперь, хотя ты так долго противился. Ты был печально трудным участком земли, и пахарь пахал весь день; но если наконец пласты перевёрнуты и сердце лежит бороздами, надежда на тебя ещё есть.

11 «Весь ли день пашет земледелец?» Отвечаю: да, как бы долог ни был день, Бог по милосердию всё ещё пашет; Он долготерпелив и исполнен нежности, милости и благодати. Не отвергайте такого терпения, но покоритесь Господу, Который обращался с вами с такой кроткой любовью.

12 Однако наш текст показывает не только терпение со стороны Бога, но и учит *настойчивости с нашей стороны*. «Весь ли день пашет земледелец?» Да, весь; так следует ли мне, ищущему Христа, унывать оттого, что я не сразу нахожу Его? Обетование гласит: «Всякий просящий

получает, и ищущий находит, и стучащему отворят». Возможно, есть причины, по которым дверь не открывается после первого стука. Что же тогда? «Весь ли день пашет земледелец?» Тогда и я буду стучать весь день. Может быть, с первого поиска я не найду; что же тогда? «Весь ли день пашет земледелец?» Тогда и я буду искать весь день. Может случиться, что, попросив впервые, я не получу; что же тогда? «Весь ли день пашет земледелец?» Тогда и я буду просить весь день. Друзья, если вы начали искать Господа, краткий путь таков: «Веруй в Господа Иисуса Христа, и спасёшься». Сделайте это сразу. Во имя Бога, сделайте это сразу — и сразу спасены. Да приведёт вас Дух Божий к вере в Иисуса, и вы тотчас в Царстве Христовом. Но если, ища Господа, вы по какой-либо причине не знаете этого или не видите пути, никогда не прекращайте искать; придите к подножию креста, ухватитесь за него и взывайте: «Если погибну, то погибну здесь. Господи, я прихожу к Тебе в Иисусе Христе за милостью; и если Тебе не угодно сразу взглянуть на меня и простить мои грехи, я буду взывать к Тебе, пока Ты этого не сделаешь». Когда Святой Дух Божий приводит человека к совершенно искренней молитве, не принимающей отказа, тот недалёк от мира. Беспечное равнодушие и нерешительность перед Богом держат людей в рабстве. Они обретают мир, когда сердца пробуждаются к твёрдой решимости искать, пока не найдут. Мне отрадно видеть, как люди исследуют Писание, пока не узнают путь спасения, и слушают Евангелие, пока души не оживут им. Если они решились провести плуг через сомнения, страхи и трудности, пока не достигнут спасения, то по благодати Божией вскоре достигнут его.

13 То же верно и тогда, когда мы ищем спасения других. «Весь ли день пашет земледелец?» Да, когда настала пора пахоты. Тогда и я буду трудиться, трудиться и трудиться. Буду молиться и проповедовать или молиться и учить, как бы долог ни был день, назначенный мне Богом, ибо:

> 14 «Всё дело жизни здесь моей —
> Сеять драгоценное семя Благой вести».

15 Брат-сотрудник, ты немного устал? Не беда: воспрянь и продолжай пахать из любви к Иисусу и умирающим людям. В нашем рабочем дне лишь назначенное число часов; пока они длятся, исполним своё дело. Пахота — тяжёлый труд, но без неё не будет жатвы; потому приложим все силы и не станем ослабевать, пока не исполним волю Господа и Его Святым Духом не произведём обличения в человеческих душах. Некоторые почвы очень плотны, слипаются в комья, и труд над ними надрывает сердце; другие подобны необработанной пустоши, полной корней и спутанного терновника. Для них нужен паровой плуг, и мы должны молить Господа сделать нас таким плугом: ведь мы не можем оставить их невозделанными, а потому должны приложить больше сил, чтобы работа была выполнена.

16 Некоторое время назад я услышал о служителе, который пришёл навестить бедного умирающего человека, но его не впустили. Он пришёл на следующее утро, и под каким-то пустым предлогом ему снова не дали увидеть больного. На другое утро он пришёл ещё раз, но ему опять отказали. Он продолжал приходить, и двадцать раз — напрасно; однако на двадцать первый его допустили к страдальцу, и по благодати Божией он спас душу от смерти. «Почему вы говорите своему ребёнку одно и то же двадцать раз?» — спросили однажды мать.

«Потому, — ответила она, — что девятнадцати раз, как я вижу, недостаточно». Итак, когда нужно вспахать душу, может оказаться, что и сотен борозд мало. Что тогда? Да просто пашите весь день, пока дело не будет сделано. Кто бы вы ни были — служители, миссионеры, учителя или отдельные христиане, приобретающие души, — никогда не изнемогайте, ибо труд ваш благороден, а награда бесконечна. Благодать Божия видна уже в том, что нам позволено участвовать в таком святом служении; она величественно является, поддерживая нас в нём, и особенно ярко обнаружится, дав нам устоять, пока мы не сможем сказать: «Я совершил дело, которое Ты поручил мне исполнить».

17 Мы ценим то, что стоило нам труда и служения; и тем выше будем ценить спасённых, когда Господь дарует их нашим усилиям. Хорошо нам научиться цене наших снопов, выходя на посев с плачем. Когда думаете о пахаре, пашущем весь день, пусть это побуждает вас неотступно продолжать усердные труды ради приобретения душ. Стремитесь:

> 18 «Воплями, мольбами, слезами спасать
> И из огненной волны их исторгать».

19 Пахарь пашет весь день ради небольшого количества овса или ячменя, — неужели вы не станете пахать весь день ради душ, которые, спасённые, будут вечно жить, поклоняясь благодати Божией, или, неспасённые, будут вечно пребывать во внешней тьме и скорби? О, ради ужасов грядущего гнева и славы, которой предстоит открыться, препояшьте чресла и пашите весь день.

20 Я прошу всех членов наших церквей держать руки на евангельском плуге, а взгляд — прямо перед собой. «Весь

ли день пашет земледелец?» Пусть и христиане делают то же. Начните у самой изгороди и пройдите прямо до дальнего края поля. Пашите как можно ближе ко рву и оставляйте непаханые полосы на концах как можно уже. Пусть в окрестных трущобах живут падшие женщины, воры и пьяницы — не пренебрегайте ни одним из них: если оставить полосу земли сорнякам, они вскоре распространятся и среди пшеницы. Когда вы один раз дойдёте до самого конца поля, что делать дальше? Просто повернуться и идти к месту, откуда начали. А когда пройдёте туда и обратно, что затем? Снова туда и обратно. А потом? Опять туда и обратно. Вы обошли этот район с евангельскими листками — обойдите снова, пятьдесят два раза в год; умножайте свои борозды. Мы должны научиться неустанно делать добро. Ваш вечный удел — творить добро во веки веков, и хорошо подготовиться к этому здесь. Поэтому продолжайте пахать, продолжайте пахать и ожидайте результатов как награды за постоянную настойчивость. Пахоту не совершают наскоком: пахарь пашет весь день. Порыв и блеск хороши в иных делах, но не в пахоте; здесь работа должна быть ровной, настойчивой, постоянной. Некоторые быстро её бросают: она протирает им перчатки, натирает мозоли на нежных руках, утомляет кости и заставляет есть хлеб в поте лица больше, чем им хотелось бы. Те же, кого Господь исполняет Своей благодатью, будут пахать год за годом, и истинно говорю вам: они получат свою награду. «Весь ли день пашет земледелец?» Тогда и мы будем делать то же, уверенные, что однажды каждый холм и каждая долина будут возделаны и засеяны, каждая пустыня и пустошь принесут жатву нашему Господу, ангелы-жнецы сойдут, и

радостные крики завершённой жатвы наполнят землю и небо.

21 II. Но теперь скажем несколько короче: на вопрос текста можно ответить отрицательно. «Всегда ли земледелец пашет для посева?» Нет, он пашет не всегда. Вспахав, он разбивает комья, сеет, жнёт и молотит. В рассматриваемой главе вы увидите упоминания и других земледельческих работ. Помимо пахоты у земледельца есть много иных дел. В его работе есть продвижение; это учит нас, что так же поступает Бог и так же должны поступать мы.

22 Во-первых, *в том, что делает Бог, есть продвижение*. «Всегда ли земледелец пашет?» Нет, он переходит к другим делам. Возможно, некоторых из вас Господь вспахивал болезненными средствами. Вы ощущаете ужасы закона, горечь греха, святость Бога, немощь плоти и тень грядущего гнева. Будет ли это длиться вечно? Будет ли продолжаться, пока дух не изнеможет и душа не угаснет? Послушайте: «Всегда ли земледелец пашет?» Нет, он готовится к чему-то другому — он пашет, чтобы посеять. Так Господь поступает с вами; потому мужайтесь: ранам и умерщвлению придёт конец, и для вас приготовлено лучшее. Вы бедны и нищи, ищете воды, а её нет, и язык ваш сохнет от жажды; но Господь услышит и избавит вас. Он не вечно будет состязаться и не всегда гневаться. Он снова обратится и умилосердится над нами. Он не всегда будет проводить борозды Своим вразумлением: Он придёт, бросит драгоценное зерно утешения, польёт его небесной росой и улыбнётся ему солнечным светом Своей благодати. И вскоре появится в вас сперва зелень, затем колос, потом полное зерно в колосе, и в своё время вы возрадуетесь радостью жатвы. О

жестоко уязвлённые в месте драконов, я слышу ваш вопль: неужели Бог всегда посылает ужас и обличение греха? Послушайте: «Если захотите и послушаетесь, то будете вкушать блага земли». А каков призыв Божий к желающим и послушным, если не этот: «Веруй в Господа Иисуса Христа, и спасёшься»? Ты спасёшься теперь, обретёшь мир теперь, если покончишь с собой и со всякой надеждой на спасение собственными добрыми делами и обратишься к Тому, Кто заплатил за тебя выкуп на древе. Господь кроток, нежен и исполнен сострадания; Он не всегда обличает и не вечно хранит гнев. Многие ваши сомнения и страхи происходят от неверия, от сатаны или от плоти и вовсе не от Бога. Не вините Его за то, чего Он не посылает и чего не желает вам терпеть. Помышления Его — о вашем мире, а не о вашей скорби; ибо так Он говорит: «Утешайте, утешайте народ Мой, говорит Бог ваш; говорите к сердцу Иерусалима и возвещайте ему, что время борьбы его исполнилось, что вина его прощена». «Я изглажу беззакония твои, как туман, и грехи твои, как облако; обратись ко Мне, ибо Я искупил тебя». Он поражал, но улыбнётся; Он ранил, но исцелит; Он умерщвлял, но оживит. Потому тотчас обратитесь к Нему и примите утешение из Его рук. Пахарь не пашет вечно, иначе ему нечего было бы жать; и Бог не всегда сокрушает сердце — Он приближается также, чтобы исцелить его.

[23] Итак, вы видите, что великий Земледелец переходит от болезненных средств к дальнейшему делу; и я хочу, чтобы вы заметили: Он приступает к *плодотворному труду* в сердцах Своего народа. Он уберёт борозды, вы их не увидите, потому что хлеб покроет их красотой. Как роженица больше не помнит скорби от радости, что человек родился в мир, так и вы, находящиеся под

жезлом закона, не будете больше помнить мучений обличения: Бог засеет вас благодатью и сделает вашу душу, даже вашу бедную бесплодную душу, приносящей плод к Его хвале и славе. «О, — скажет кто-то, — как бы мне хотелось, чтобы это сбылось для меня!» Сбудется. «Всегда ли земледелец пашет для посева?» Вы ожидаете вскоре увидеть вспаханные поля, одетые всходящим хлебом; так же можете ожидать увидеть кающиеся сердца, обрадованные прощением. Потому мужайтесь.

[24] Вы перейдёте также к *радостному переживанию*. Посмотрите на этого пахаря: он насвистывает за работой; у него мало земного добра, но всё же он весел. Он предвкушает день, когда будет сидеть наверху большого воза и вместе со всеми радостно кричать в честь завершённой жатвы; потому он пашет с надеждой, ожидая урожая. И Бог, дорогая душа, ещё будет радоваться и ликовать о тебе, когда ты уверуешь в Иисуса Христа, и ты сама тоже преисполнишься радости. Не унывай: лучшая доля ещё впереди; стремись к ней. Евангельская скорбь ведёт к евангельской надежде, вере и радости, а радости нет конца. Бог не будет вразумлять наказанием весь день, но поведёт тебя от силы в силу, от славы в славу, пока ты не уподобишься Ему. Таково продвижение в Божием труде среди людей: от болезненных средств — к плодотворному делу и радостному переживанию.

[25] Но что, если пахота так никогда и не приведёт к посеву? Что, если совесть будет тревожить вас, а вы продолжите всему противиться? Тогда Бог сделает ещё один шаг, но это будет решение убрать плуг и повелеть облакам не проливать дождя на эту землю, и конец её — сожжение. О человек, нет ничего ужаснее, чем оставить

твою душу без возделывания, когда Сам Бог отступается от тебя. Это, несомненно, ад. Нечистый останется нечистым. Закон неизменности характера будет действовать вечно, и рука Милосердного больше не приблизится, чтобы снова возделать душу. Что может случиться хуже этого?

[26] В заключение скажем: *это продвижение — урок для нас*, ибо и нам следует идти вперёд. «Всегда ли земледелец пашет?» Нет, он пашет для посева и в надлежащее время сеет. Некоторые церкви, кажется, думают, что всё их дело — пахать; по крайней мере, все их попытки сводятся к тому, чтобы немного поскрести почву и поговорить о будущих действиях. Разговоры, конечно, прекрасные, но всегда ли земледелец пашет? Вы можете составить обширную программу и обещать великие дела, но прошу вас, не останавливайтесь на этом. Не проводите борозды целый день: принимайтесь сеять. Полагаю, кто больше всех обещает, тот меньше всех исполняет. Люди, делающие многое в мире, поначалу не имеют программы: их путь складывается собственной внутренней силой по благодати Божией. Они не предлагают, а исполняют. Они не весь день пашут ради посева, но подобны слуге нашего Господа в притче, о котором Он говорит: «Вышел сеятель сеять».

[27] Пусть и служители Христовы следуют правилу продвижения. *Будем переходить от проповеди закона к проповеди Евангелия.* «Всегда ли земледелец пашет?» Он действительно пашет: не мог бы он с надеждой сеять, если бы прежде не приготовил почву. Робби Флокарт, годами проповедовавший на улицах Эдинбурга, говорит: «Напрасно шить шёлковой нитью Евангелия, если не пользуешься острой иглой закона». Некоторые мои

братья не любят проповедовать вечный гнев и его ужасы. Это жестокое милосердие, ибо они губят души, скрывая от них их погибель. Если им непременно хочется шить без иглы, я ничего не могу поделать; но сам я не намерен быть столь неразумным. Моя игла, быть может, старомодна, но она остра; и когда она несёт с собой шёлковую нить Евангелия, я уверен, что ею совершается доброе дело. Нельзя получить урожай, боясь потревожить почву; нельзя спасти души, никогда не предупреждая их об адском огне. Мы должны говорить грешнику то, что Бог открыл о грехе, праведности и грядущем суде. И всё же, братья, мы не должны пахать весь день. Нет, нет: проповедь закона — лишь приготовление к проповеди Евангелия. Главное в нашем деле — возвещение радостной вести. Мы последователи не Иоанна Крестителя, а Иисуса Христа; мы не суровые пророки горя, но радостные вестники благодати. Не довольствуйтесь собраниями пробуждения и волнующими призывами, но проповедуйте учения благодати так, чтобы раскрыть всю полноту истины завета. Пахота получила своё время; теперь пора сажать и поливать. Обличение теперь может уступить место утешению. Сначала мы должны делать людей учениками, а затем учить их соблюдать всё, что повелел нам Иисус. Надо переходить от начал к более высоким истинам, от закладки основания — к дальнейшему строительству.

28 А теперь ещё один урок тем из вас, кто пока остаётся лишь слушателем. Я хочу, чтобы вы перешли от пахоты к чему-то лучшему, а именно — *от слушания и страха к вере*. Сколько лет некоторые из вас слушают Евангелие! Неужели намерены оставаться в таком состоянии вечно? Неужели никогда не уверуете в Того, о Ком столько слышите? Вас сильно тревожили; на днях вечером вы

вернулись домой почти с сокрушённым сердцем. Думаю, к настоящему времени вас уже достаточно вспахали; и всё же семени вечной жизни вы не приняли, потому что не уверовали в Господа Иисуса. Ужасно всегда стоять на пороге вечной жизни и всё же никогда не ожить. Страшно оказаться почти на небе и всё же навеки остаться снаружи. Жалкое дело — вбежать на станцию как раз вовремя, чтобы увидеть уходящий поезд; я предпочёл бы опоздать на полчаса. Не попасть на поезд из-за половины секунды чрезвычайно досадно. Увы, если вы будете продолжать так, как делали годами, ваша рука окажется на щеколде небесных врат, а сами вы всё же останетесь снаружи. Вы будете на волосок от славы и всё же покроетесь вечным позором. О, берегитесь быть столь близко к Царству и всё-таки погибнуть, быть почти, но не вполне спасёнными. Да не допустит Бог вам оказаться среди тех, кого пашут, пашут и пашут, но никогда не засевают. В конце будет бесполезно взывать: «Господи, мы ели и пили пред Тобою, и на улицах наших учил Ты. У нас было место в молитвенном доме; мы посещали служения не только по воскресеньям, но и вечерами среди недели; ходили на молитвенные собрания, занимались в библейском классе, раздавали листки, жертвовали свою гинею в общий фонд, оставили всякий явный грех, читали положенные молитвы и каждый день — главу Библии». Всё это можно делать и всё же не иметь спасительной веры в Господа Иисуса. Берегитесь, как бы ваш Господь не ответил: «При всём этом ваше сердце так и не пришло ко Мне; потому отойдите от Меня: Я никогда не знал вас». Если Иисус однажды узнал человека, Он всегда знает его. Он никогда не сможет сказать *мне*: «Я никогда не знал тебя», — ибо Он знал меня как бедного, зависящего от Него человека, нищего, годами стоящего у

Его дверей. Некоторые из вас были во всём хороши, кроме того, что никогда не соприкоснулись со Христом, никогда не доверились Ему, никогда не познали Его. Ах, как печально ваше состояние! Неужели оно останется таким всегда?

29 Наконец, тем из вас, кого пашут и кто тревожится о своей душе, я говорю: тотчас переходите к следующей ступени — вере. О, если бы люди только знали, как проста вера, они, несомненно, уверовали бы! Увы, они этого не знают, и она становится для них тем труднее, что сама по себе так легка. Трудность веры в том, что в ней нет трудности. «Если бы что-нибудь важное сказал тебе пророк, то не сделал ли бы ты?» О да, ты сделал бы и счёл бы это лёгким. Но когда он просто говорит: «Омойся и будешь чист», — гордость и самолюбие встречают затруднение. Если ты можешь искренне сказать, что готов смирить свою гордость и сделать всё, что повелит Господь, то прошу тебя понять: больше никакого приготовления не требуется; уверуй в Иисуса сейчас же. Да сделает Святой Дух тебя уставшим от себя и готовым принять Евангелие. Слово близко к тебе — поверь ему; оно в твоих устах — проглоти его; оно в твоём сердце — доверься ему. Сердцем веруй в Иисуса, устами исповедуй Его — и спасёшься. Существенная часть веры состоит в отказе от всяких других опор. О, откажитесь сразу от всякой ложной надежды! Однажды я пытался объяснить, что такое вера, цитируя строки доктора Уоттса:

> 30 «Виновный, немощный, беспомощный червь,
> Я падаю в Твои благие объятья.
> Будь моей силой и праведностью,
> Моим Иисусом и всем для меня».

[31] Я пытался изобразить веру как падение в объятия Христа и думал, что объяснил это так ясно, что даже простой путник не ошибётся. Закончив проповедь, я услышал от подошедшего молодого человека: «Но, сэр, я не могу упасть в объятия Христа». Я тотчас ответил: «Да свались в них как угодно; потеряй сознание и окажись в объятиях Христа или умри в объятиях Христа — лишь бы оказаться там». Многие говорят о том, что могут и чего не могут, и, боюсь, упускают самое главное. Вера — это конец разговорам «могу» и «не могу» и предоставление всего Христу: ведь *Он* может всё, хотя вы не можете ничего. «Всегда ли земледелец пашет для посева?» Нет, он продвигается дальше и от пахоты переходит к посеву. Иди и ты поступай так же: сей в дух драгоценное семя веры во Христа, и Господь даст тебе радостную жатву.

Пахота на скале

[1] «Бегают ли кони по скале? Можно ли распахивать её волами?» — Амоса 6:12.

[2] Эти выражения — пословицы, взятые из привычных поговорок восточной страны. Пословица обычно похожа на обоюдоострый меч; или, если можно так сказать, у неё много лезвий, а то и вся она — лезвие. Поэтому её можно поворачивать так и этак, и каждая сторона сохранит силу и остроту. У пословицы часто бывает много применений, и не всегда можно точно определить, что имел в виду произнёсший её. Здесь связь с окружающим текстом вполне допускает два смысла. Один древний толкователь утверждает, что их семь и каждый согласуется с контекстом. Я не могу этого отрицать; если утверждение верно, это лишь один из многих примеров многоразличной мудрости Слова Божия. Подобно искусно вырезанным китайским шарам, в которых один шар заключён внутри другого, во многих священных текстах скрыт смысл внутри смысла, наставление внутри наставления, и каждое достойно Духа Божия.

[3] Первый смысл текста, о котором я хотел бы сказать лишь несколько слов, таков: пророк укоряет нечестивых людей за *поиски счастья там, где его никогда нельзя найти*. Они старались сделаться богатыми, великими и сильными посредством угнетения. Пророк говорит: «Вы превратили суд в яд и плод правды в полынь». Правосудие у них покупали и продавали, а книгу закона превратили в орудие обмана. «Однако, — говорит пророк, — этим путём ничего не приобретёшь: ни настоящей пользы, ни истинного счастья. С таким же успехом могли бы кони

бегать по скале, а волы пахать песок: это напрасный труд».

[4] Если кто-либо из вас старается довольствоваться этим миром, надеется найти небо среди дел и семьи, не возводя к нему взора, — вы трудитесь напрасно. Если надеетесь найти удовольствие в грехе и думаете, что всё будет хорошо, хотя вы презираете закон Божий, — вы глубоко ошибаетесь. С таким же успехом можно искать розы в морских гротах или жемчуг на городской мостовой. Нигде, кроме Бога, вы не найдёте того, что нужно вашей душе. Искать счастья в злых делах — значит пахать гранитную скалу. Добиваться истинного благополучия нечестными средствами так же бесполезно, как возделывать песчаный берег. «Для чего вам отвешивать серебро за то, что не хлеб, и трудовое своё за то, что не насыщает?» Молодой человек, ты губишь себя честолюбием; ищешь собственной чести и выгоды, а это жалкая, жалкая цель для бессмертной души. И вы, сударь, также изнуряете жизнь заботами: ум и тело отказывают вам в стремлении накопить богатство, словно жизнь человека зависит от изобилия его имения. Вы пашете скалу; ваши заботы не принесут сердечной радости или довольства духа; труд завершится неудачей. И вы, старающиеся соткать праведность своими делами отдельно от Христа и воображающие, будто усердным исполнением внешних обрядов сможете совершить в собственном сердце дело Святого Духа, — вы тоже пашете неблагодарную скалу. Силы падшей природы, напряжённые до предела, никогда не смогут спасти душу. Зачем же продолжать пахать скалу? Оставьте неразумное занятие.

[5] До сих пор, полагаю, мы не исказили текст, но указали на весьма вероятный смысл его слов. Однако мне приходит на ум и другой, по-моему, столь же подходящий, и с Божией помощью я остановлюсь на нём.

[6] Вот он: *Бог не всегда будет посылать Своих служителей призывать людей к покаянию.* Когда сердца людей остаются упорными, когда люди не каются и не желают каяться, Бог не всегда будет обращаться с ними милостиво. «Не вечно Духу Моему быть пренебрегаемым человеками». Есть время пахоты, но когда становится ясно, что сердце ожесточено сознательно, сама мудрость подсказывает милосердию прекратить усилия. «Бегают ли кони по скале? Можно ли распахивать её волами?» Нет, есть предел усилиям доброты; в положенное время труд прекращается, и скала отныне и навеки остаётся невспаханной.

[7] I. Приняв этот смысл, поговорим о нём и прежде всего заметим: служители трудятся, чтобы распахивать человеческие сердца; мудрый проповедник силой Святого Духа старается разбить твёрдые комья сердца, чтобы оно могло принять небесное семя.

[8] Многие истины служат острыми лемехами, чтобы вспахать сердце. Людям необходимо дать почувствовать, что они согрешили, и привести их к покаянию в грехе. Они должны принять Христа не только умом, но и сердцем, ибо сердцем веруют к праведности. Должно быть и чувство; мы должны врезаться в сердце лемехом закона. Земледелец, слишком мягкосердечный, чтобы разрывать и боронить землю, никогда не увидит жатвы. В этом недостаток некоторых богословов: они боятся задеть чьи-либо чувства и потому обходят все истины, способные вызвать страх или скорбь. У них в хозяйстве нет острого

лемеха, и едва ли когда-нибудь появится скирда на гумне. Они удят без крючков, чтобы не поранить рыбу, и стреляют без пуль из уважения к чувствам птиц. Такая любовь — настоящая жестокость к человеческим душам. Это почти то же самое, как если бы хирург позволил больному умереть, не желая причинить ему боль ланцетом или необходимым удалением конечности. Ужасна нежность, которая скорее позволит людям сойти в ад, чем встревожит их умы. Приятно пророчествовать лестное, но горе человеку, который так унижает себя. Разве таков дух Христа? Скрывал ли Он опасность, грозящую грешнику? Ставил ли под сомнение неугасимый огонь и неумирающего червя? Убаюкивал ли души плавными напевами лести? Нет: с честной любовью и тревожной заботой Он предупреждал людей о грядущем гневе и велел им покаяться, иначе они погибнут. Пусть слуга Господа Иисуса и в этом следует Учителю и пашет глубоко острым лемехом, который не остановят самые твёрдые комья. Мы должны приучить себя к этому. Если действительно любим человеческие души, докажем любовь честным словом. Твёрдое сердце должно быть сокрушено, иначе оно будет и дальше отвергать Спасителя, посланного исцелять сокрушённых сердцем. Есть вещи, которые у людей могут быть или не быть, и всё же они могут спастись; но то, что сопровождает вспашку сердца, необходимо. Должны быть святой страх и смиренный трепет пред Богом; должны быть признание вины и покаянная просьба о милости; словом, должна совершиться глубокая вспашка души, прежде чем мы сможем ожидать, что семя принесёт плод.

[9] II. Но текст указывает нам, что порою служители трудятся напрасно. «Бегают ли кони по скале? Можно ли распахивать её волами?» Пахарь скоро чувствует, пойдёт

ли плуг, и служитель — тоже. Он может употреблять в одном месте те же самые слова, что употреблял в другом, но в одном месте проповедовать с великой радостью и надеждой, а перед другими слушателями — с тяжестью и малой надеждой. В последнем случае плуг словно выскакивает из борозды, и время от времени от лемеха откалывается кусок. «Не знаю, в чём дело, — говорит он себе, — но здесь работа у меня не идёт». И он обнаруживает, что Учитель послал его трудиться на особенно тяжёлой почве. Все труженики Христовы знают, что это иногда бывает. Вы, должно быть, встречались с этим в классе воскресной школы, на собрании в бедном доме или в любом другом месте, где пытались учить об Иисусе и проповедовать Его. Время от времени вы говорили себе: «Теперь я пашу скалу. Прежде я поднимал богатую почву, которую упряжка волов могла легко пахать, а лошадь могла даже бежать за работой; теперь же лошадь может тянуть, а волы — изнуряться, пока не натрут плечи, но провести борозду не могут: скала упряма до последней степени».

[10] Такие слушатели есть в каждой общине. Они словно железные, хотя рядом с ними — прекрасный участок почвы. Их сестра, брат, сын, дочь — все они охотно ощутили силу Евангелия; но *эти* её не ощущают. Они слушают с уважением и настолько дают ему свободный ход, что позволяют войти в одно ухо и выйти из другого; но больше иметь с ним дела не желают. Им не хочется нарушать день покоя и оставаться вдали от богослужения, поэтому они оказывают Евангелию сомнительную честь: приходят туда, где его проповедуют, а затем отказываются принимать его во внимание. Это твёрдые, твёрдые, твёрдые куски скалы; плуг их не берёт.

11 Многие другие столь же тверды, но по-иному. Впечатление, производимое словом, у них неглубоко и недолговечно. Они принимают его с радостью, но не удерживают. Слушают внимательно, но до дела у них никогда не доходит. Слышат о покаянии, но никогда не каются. Слышат о вере, но никогда не веруют. Они прекрасно разбираются в том, что такое Евангелие, но сами никогда его не приняли. Есть не хотят, однако настаивают, чтобы на стол подавали хороший хлеб. Они ревностно стоят именно за то, что лично отвергают. Их чувства тронуты, порою они проливают слёзы, но сердца их всё же по-настоящему не вспаханы словом. Они уходят и забывают, каковы они. Они насквозь каменносердечны; все наши попытки вспахать их кончаются неудачей.

12 Это тем печальнее, что некоторых из этих каменносердечных людей пашут годами, а они становятся не мягче, а твёрже. С одной-двумя вспашками, парой сломанных лемехов и парой разочарованных пахарей мы, пожалуй, примирились бы, если бы в конце концов они поддались; но эти люди с детства знают Евангелие и ни разу не уступили его силе. А детство некоторых из них уже далеко позади. Волосы седеют, сами они слабеют от лет. Их умоляли и убеждали бесчисленное множество раз, но труд над ними пропал впустую. На самом деле много лет назад они в известном смысле чувствовали слово гораздо сильнее, чем теперь. Солнце, размягчающее воск, затвердевает глину; и то же Евангелие, которое привело других к умилению и покаянию, оказало на них обратное действие, сделав их более беспечными к Божественным вещам, чем в юности. Печальное положение, не правда ли?

13 Почему некоторые люди так необычайно каменисты? Одни — из-за *особенной невозмутимости своей природы*. В мире немало людей, которых трудно тронуть: в их устройстве много гранита, и они гораздо ближе господину Упрямому, чем господину Податливому. Я не думаю об этих людях дурно, потому что знаю, что значит проповедовать легко возбудимым людям, всех взволновать и понимать, что в итоге они нисколько не стали лучше. Между тем некоторые из более неподвижных и невозмутимых людей, если уж тронуты, то тронуты по-настоящему; когда чувствуют — чувствуют глубоко и сохраняют всякое произведённое впечатление. Малый скол, сделанный в граните очень сильными ударами, останется, тогда как удары по воде, наносить которые достаточно легко, не оставят следа даже на мгновение. Прекрасное дело — взяться за добрый кусок скалы и упражнять веру в отношении него. У молота Самого Господа великая сила сокрушать, и это сокрушение приносит Всевышнему великую славу.

14 Хуже того: некоторые люди тверды из-за своего *неверия* — не всегда искреннего сердечного неверия, но неверия, вырастающего из желания не веровать, которое помогло им обнаружить трудности. Эти трудности существуют, и им было назначено существовать: ведь для веры не осталось бы места, если бы всё было так же очевидно, как собственный нос на лице. Постепенно эти люди стали сомневаться, или думать, что сомневаются, в основных истинах, и это делает их непроницаемыми для Евангелия Христова.

15 Гораздо более многочисленные люди вполне правоверны, но при этом жестокосердны. *Мирская привязанность* ожесточает человека во всём. Она часто

иссушает всякую милость к бедным: человеку нужно делать деньги, и он считает налог в пользу бедных достаточным оправданием для пренебрежения делами милосердия. У него нет времени думать о будущем мире: все мысли он должен отдавать нынешнему. Денег мало — значит, надо крепче за них держаться; а если деньги приносят небольшой процент, он находит в этом повод быть ещё скупее. У него нет времени молиться: ему *необходимо* идти в контору. Нет времени читать Библию: его ждёт бухгалтерская книга. Вы можете стучать в его дверь, но сердца его дома нет; оно в конторе, где он живёт, движется и существует. Его бог — золото, его блаженство — дела, его всё во всём — он сам. Какой смысл ему проповедовать? С таким же успехом кони могут бегать по скале, а волы — тащить плуг через поле, покрытое железом толщиной в милю.

[16] У некоторых твёрдость происходит также от того, что я мог бы назвать почти противоположностью суровой привязанности к миру, а именно — от *всеобщего легкомыслия*. По природе они бабочки, порхающие туда и сюда и ничего не делающие. Они никогда не думают и не хотят думать. Половина мысли истощает их, и им непременно нужно развлечение, иначе их слабые умы совсем изнемогут. Они живут в круговороте забав. Для них мир — сцена, а все мужчины и женщины — лишь актёры. Им мало пользы проповедовать: в их поверхностной природе нет глубины земли; под тонким слоем зыбкого бесполезного песка лежит непроницаемая скала совершенной тупости и бессмыслия. Я мог бы и дальше умножать причины, по которым одни тверже других, но сам факт несомненен, и на этом я оставлю данный вопрос.

17 III. Теперь я попрошу каждого рассудить: следует ли вечно продолжать гонять коней по скале и пахать её волами? Я утверждаю: неразумно ожидать, что Божии слуги будут всегда продолжать трудиться напрасно. Этим людям проповедовали, их учили, наставляли, увещевали, убеждали и давали им советы; неужели этот безответный труд должен продолжаться всегда? Мы дали им достаточно возможности; что говорят разум и рассудительность? Обязаны ли мы упорствовать, пока не износимся в безуспешном труде? Спросим об этом людей, пашущих собственные фермы: рекомендуют ли они настойчивость, когда неудача несомненна? Должны ли кони бегать по скале? Следует ли пахать её волами? Во всяком случае, не вечно.

18 Думаю, все мы согласимся, что напрасный труд не может продолжаться вечно, если примем во внимание *пахаря*. Он не требует большого внимания к себе, но его Господин всё же не забывает о нём. Посмотрите, как он утомляется, когда работа обескураживает его. Он приходит к Господину со словами: «Кто поверил слышанному от нас, и кому открылась мышца Господня?» «Зачем Ты послал меня, — говорит он, — к народу, у которого есть уши, но который не слышит? Они сидят, как сидит Твой народ, и слушают, как слушает Твой народ, а затем уходят, забывают каждое сказанное слово и не повинуются голосу Господа». Посмотрите, как разочаровывается проповедник. Всегда тяжело трудиться, когда, несмотря на все усилия, словно никуда не продвигаешься. Никто, кем бы он ни был, не любит быть поставленным на работу, которая кажется полной тратой времени и сил. Ему самому она представляется несколько нелепой, и он боится, что товарищи будут презирать его за стремление к невозможному. Неужели удел Божиих

служителей — чтобы ими всегда играли? Неужели великий Земледелец велит Своим пахарям напрасно расточать жизнь? Должны ли Его проповедники продолжать метать жемчуг перед свиньями? Если Господь велит посвящённым работникам это делать, они останутся в своём мучительном труде; но Учитель заботлив к ним, и я прошу также *вас* подумать: разумно ли ожидать, что ревностное сердце будет вечно занято спасением тех, кто никогда не отзывается на его тревогу? Неужели кони всегда должны пахать скалу? Неужели волам всегда трудиться там?

19 Затем следует принять во внимание и *Господина*. Неужели Господу всегда должны противиться и раздражать Его? Многим из вас была предложена вечная жизнь как плод веры в Иисуса, и вы отказались веровать. Удивительно, что мой Господь ещё не сказал мне: «Ты исполнил перед ними свой долг; больше никогда не предлагай им Христа: Сына Моего не будут оскорблять». Если ты предлагаешь уличному нищему шиллинг, а он не желает его взять, ты спокойно кладёшь монету обратно в кошелёк и идёшь дальше; ты не умоляешь его позволить облегчить его нужду. Но вот наш Бог по милосердию просит грешников прийти к Нему и умоляет их принять Его Сына. В Своём снисхождении Он даже становится подобен торговцу на рынке, взывающему: «Жаждущие! идите все к водам; даже и вы, у которых нет серебра, идите, покупайте вино и молоко без серебра и без платы». В другом месте Он говорит о Себе: «Целый день Я простирал руки Мои к народу непослушному и упорному». Если Господа милосердия так долго отвергали на глазах у вас, благоговеющих перед Ним, разве к вашей жалости не примешивается некоторое негодование? Любя грешников и желая их спасения, разве вы не чувствуете в

сердце, что такому оскорбительному поведению должен прийти конец? Я прошу даже беспечных взглянуть на дело в этом свете; если они не уважают пахаря, пусть всё же почтут его Господина.

[20] И ещё: так много *других людей* нуждаются в Евангелии и приняли бы его, если бы услышали, что, кажется, разумно было бы перестать изнурять себя заботой о презирающих его. Что сказал Господь наш? Он сказал, что если бы чудеса, совершённые в Вифсаиде и Хоразине, совершились в Тире и Сидоне, те покаялись бы. Ещё удивительнее: Он говорит, что если бы совершил в Содоме и Гоморре те же чудеса, что были совершены в Капернауме, они покаялись бы во вретище и пепле. Не приходит ли нам сразу мысль отдать слово тем, кто желает его, а презрителей оставить погибать в собственном своеволии? Разве разум не говорит: «Пошлём это лекарство туда, где есть больные, которые оценят его»? Тысячи людей готовы слушать Евангелие. Посмотрите, как они собираются повсюду, куда приходит проповедник, как теснят друг друга в стремлении услышать его. И если люди, слушающие его каждый день, не желают принять весть, он говорит: «Во имя Бога, позвольте мне пойти туда, где есть вероятность найти почву, которую можно вспахать». «Бегают ли кони по скале? Можно ли распахивать её волами?» Неужели мне всегда работать там, где ничего не получается? Разве разум не говорит: пусть слово идёт в Китай, в Индостан или до краёв земли, где его примут; ибо те, кому оно проповедуется на перекрёстках их улиц, его презирают?

[21] Я не стану продолжать это рассуждение, но торжественно повторю вопрос. Стал бы кто-нибудь из вас по-прежнему преследовать цель, когда выяснилась её

безнадёжность? Удивляет ли вас, что Господь, послав Своих слуг говорить добрые, благодатные, нежные слова и не встретив у людей слуха, говорит им: «Они привязались к своим идолам; оставьте их»? У человеческого терпения есть граница, и мы быстро её достигаем; несомненно, есть предел и у терпения Божия, хотя проходит много времени, прежде чем мы переступаем его. «Наконец, — говорит Он, — довольно. Дух Мой больше не будет бороться с ними». Если Господь говорит это, может ли кто-либо из нас жаловаться? Разве это не путь мудрости? Разве сама рассудительность не подсказывает его? Всякий вдумчивый ум скажет: «Да, да, невозможно вечно пахать скалу».

22 IV. В-четвёртых, следовательно, должна произойти перемена, и притом скоро. Волов снимут с такого труда. Это можно сделать легко и быстро. Это может совершиться тремя способами.

23 Во-первых, бесплодного слушателя можно удалить, так что он больше не будет слышать Евангелие из уст служителя, которого ценит выше других. Есть проповедник, имеющий на него некоторое влияние; но поскольку человек отвергает его свидетельство и остаётся нераскаянным, он будет перемещён в другой город, где услышит однообразные речи, не задевающие совесть. Он уйдёт туда, где его больше не будут убеждать и умолять; и там проспит свой путь в ад. Это вполне может произойти; быть может, некоторые из вас уже сейчас устраивают собственный уход с поля надежды.

24 Другой способ — забрать пахаря. Он исполнил труд как мог и будет освобождён от безнадёжного задания. Он устал — пусть идёт домой. Почва не поддавалась, но он ничего не мог с этим сделать; пусть получит свою плату.

Он сломал плуг за работой; пусть идёт домой и услышит, как Господь скажет ему: «Хорошо». Он готов был продолжать обескураживающий труд столько, сколько велит Господин; но труд явно бесполезен, потому пусть идёт домой: дело его окончено. Он тяжело болел — пусть умрёт и войдёт в свой покой. Это отнюдь не невероятно.

25 Или может случиться ещё одно. Господь может сказать: «Эта работа больше никогда не будет мучить пахаря. Я уберу её». И Он может убрать её так: человек, слышавший Евангелие, но отвергший его, умрёт. Я молю моего Господина не допустить, чтобы кто-либо из вас умер в своих грехах: тогда мы больше не сможем достичь вас или питать о вас хотя бы слабейшую надежду. Никакая наша молитва не сможет последовать за вами в вечность. Есть одно Имя, которым вы можете спастись, и это Имя звучит в ваших ушах — имя Иисуса; но если теперь отвергнете Его, даже это Имя не спасёт вас. Если не примете Иисуса как своего Спасителя, Он явится вашим Судьёй. Прошу вас: не губите собственные души, продолжая упорствовать против всемогущей любви.

26 Да дарует Бог, чтобы случилось нечто лучшее. Неужели больше ничего нельзя сделать? Эта почва — скала; разве нельзя засеять её, не разбивая? Нет. Без покаяния нет прощения греха. Но, может быть, существует способ спасти людей без благодати Божией? Господь Иисус так не говорил; Он сказал: «Кто будет веровать и креститься, спасён будет; а кто не будет веровать, осуждён будет». Он не намекал на средний путь и не предлагал «более широкой надежды», но объявил: «Кто не будет веровать, осуждён будет», — *и так должно быть*. Не мечтайте о задней двери на небо: Господь её не предусмотрел.

27 Что же тогда? Продолжать ли проповеднику бесплодный труд? Если у него осталась хотя бы половина надежды, он готов продолжать и говорить: «Слушайте, глухие; смотрите, слепые; живите, мёртвые». Он и сегодня будет так говорить, ибо Учитель велит ему проповедовать Евангелие всякой твари; но повторять годами слово увещания тем, кто не желает его слышать, будет тяжёлым трудом.

28 К счастью, дело может принять ещё один оборот. На небесах есть Бог — будем молить Его явить Свою силу. Рядом с Ним Иисус — призовём Его вмешательство. Святой Дух всемогущ — воззовём к Нему о помощи. Братья, которые пашут, и сёстры, которые молятся, взывайте к Господину о помощи. Конь и вол явно не справляются, но в вышине остаётся Тот, Кто способен совершать великие чудеса. Разве Он некогда не обратился к скале и не превратил кремень в поток воды? Будем просить Его сделать то же ныне.

29 И если здесь есть человек, который чувствует и оплакивает, что его сердце — кусок скалы, я рад, что он это чувствует: ведь осознание каменности сердца уже даёт некоторое свидетельство, что кремень преображается. О скала, вместо того чтобы ударить тебя, как Моисей ударил скалу в пустыне и согрешил этим, я желаю обратиться к тебе со словом. О скала, хочешь ли стать подобной воску? О скала, хочешь ли раствориться в реках покаяния? Внемли голосу Божию! О скала, сокрушись добрым желанием! О скала, растай от томления по Христу, ибо Бог действует над тобой ныне. Кто знает, быть может, в это самое мгновение ты начнёшь рассыпаться. Чувствуешь ли силу Слова? Касается ли тебя теперь острый лемех? Разрушайся и снова разрушайся,

пока сокрушение не растопит тебя: тогда доброе семя Евангелия придёт к тебе, ты примешь его в своё лоно, и все мы увидим его плод. Итак, я брошу ещё одну пригоршню доброго зерна и закончу. Если ты желаешь вечной жизни, доверься Иисусу Христу — и тотчас спасён. «Ко Мне обратитесь и будете спасены, все концы земли, — говорит Христос, — ибо Я Бог, и нет иного». Верующий в Него имеет жизнь вечную. «Как Моисей вознёс змию в пустыне, так должно вознесену быть Сыну Человеческому, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную».

30 О Господи, разбей скалу, дай семени упасть в её рассечённую толщу и ныне собери Себе урожай с растопленного гранита — ради Иисуса Христа. Аминь.

Притча о сеятеле

1 «Когда же собралось множество народа, и из всех городов жители сходились к Нему, Он начал говорить притчею: вышел сеятель сеять семя своё, и когда он сеял, иное упало при дороге и было потоптано, и птицы небесные поклевали его; а иное упало на камень и, взойдя, засохло, потому что не имело влаги; а иное упало между тернием, и выросло терние и заглушило его; а иное упало на добрую землю и, взойдя, принесло плод сторичный. Сказав сие, возгласил: кто имеет уши слышать, да слышит!» — Луки 8:4–8.

2 В нашей стране сеятель, выходя на работу, обычно входит на огороженное поле и разбрасывает семена из корзины по всем гребням и бороздам; но на Востоке хлебные поля возле небольшого города обычно представляют собой открытое пространство. Оно разделено между разными владельцами, однако видимых границ нет, кроме древних межевых знаков или, быть может, рядов камней. Через эти открытые земли идут тропы; наиболее посещаемые называются большими дорогами. Не думайте, будто эти дороги похожи на наши щебёночные шоссе: это всего лишь довольно плотно утоптанные тропы. Здесь и там видны обходные дорожки, по которым путники, желающие избежать большой дороги, могут пройти несколько безопаснее, когда на главной дороге хозяйничают разбойники. Спешащие путники также прокладывают себе короткие пути и тем открывают новые тропы для других. Выйдя сеять, сеятель находит участок, слегка взрыхлённый первобытным восточным плугом; он старается рассыпать там семя как можно щедрее. Но через середину поля проходит тропа,

и, если он не хочет оставить широкую полосу незасеянной, ему приходится бросить пригоршню и на неё. Вон среди вспаханной земли выступает скала, и семя падает на её неглубокий слой почвы. Вот уголок, полный корней крапивы и чертополоха, — и сюда он бросает немного; хлеб и крапива всходят вместе, а терние, будучи сильнее, вскоре заглушает семя, и оно не приносит зрелого плода. Воспоминание о том, что Библия написана на Востоке и что её образы и намёки должны объяснять нам путешественники по Востоку, часто поможет понять отрывок гораздо лучше, чем если держать в уме английские обычаи.

[3] Проповедник Евангелия подобен сеятелю. Он не создаёт своего семени: его даёт Божественный Господин. Ни один человек не смог бы создать самого малого зерна, когда-либо выросшего на земле, тем более — небесного семени вечной жизни. Служитель втайне идёт к своему Господину и просит научить его Евангелию, так наполняя корзину добрым семенем Царства. Затем он выходит во имя Господина и рассевает драгоценную истину. Знай он, где находится лучшая почва, он, возможно, ограничился бы землёй, приготовленной плугом обличения. Но поскольку человеческие сердца ему неведомы, его дело — проповедовать Евангелие всякой твари: бросить одну пригоршню на ожесточённое сердце, другую — на ум, заросший мирскими заботами и удовольствиями. Он должен оставить семя на попечение Господа, Который дал его ему: ведь он отвечает не за жатву, а лишь за заботливость и усердие, с которыми исполняет труд. Даже если ни единый колос никогда не обрадует жнеца, сеятель получит награду от Господина, если заботливой рукой сеял верное семя. Если бы не это, с какой отчаянной мукой мы издавали бы вопль Исаии: «Кто

поверил слышанному от нас, и кому открылась мышца Господня?»

4 Наш долг измеряется не свойствами слушателей, а повелением нашего Бога. Мы обязаны проповедовать Евангелие, будут ли люди слушать или не будут. Наше дело — сеять при всех водах. Каковы бы ни были человеческие сердца, служитель должен проповедовать им Евангелие: сеять на скале так же, как в борозде, на большой дороге так же, как на вспаханном поле.

5 Теперь я обращусь к четырём разрядам слушателей, упомянутым в притче нашего Господа. Прежде всего, есть те, кто представлен *землёй при дороге*, — «слышатели только»; затем представленные *каменистой почвой*: они ненадолго тронуты, но слово не приносит прочного плода; затем — те, кто *среди терния*: на них произведено доброе впечатление, но заботы этой жизни, обольщение богатства и мирские удовольствия заглушают семя; и наконец — малый разряд, да благоволит Бог чрезвычайно его умножить, — малый разряд слушателей, подобных *доброй земле*, в которых Слово приносит обильный плод.

6 I. Прежде всего я обращаюсь к сердцам, подобным земле при дороге: «Иное упало при дороге и было потоптано, и птицы небесные поклевали его». Многие из вас идут на богослужение, не желая благословения. Вы не собираетесь поклоняться Богу или принимать к сердцу что-либо из услышанного. Вы подобны большой дороге, которая никогда не предназначалась для хлебного поля. Если бы хоть одно зерно истины упало в ваше сердце и выросло, это было бы таким же чудом, как хлеб, выросший на улице. Если семя рассеяно умело, какая-то часть упадёт и на вас и ненадолго задержится в ваших мыслях. Правда, вы его не поймёте; но если оно подано

интересно, вы будете говорить о нём, пока вас не привлечёт какое-нибудь более приятное развлечение. Даже эта скудная польза недолговечна: вскоре вы забудете всё услышанное. О, если бы Бог дал нам надежду, что наши слова останутся с вами! Но надеяться на это мы не можем: почва вашего сердца так утоптана непрерывным движением, что нет надежды на живое укоренение семени. Сатана постоянно проходит по вашему сердцу со своей свитой хулы, похотей, лжи и суеты. По нему катятся колесницы гордости, его топчут ноги жадной маммоны, пока оно не становится твёрдым, как алмаз. Увы, доброму семени нет ни минуты покоя: толпы проходят туда и обратно; ваша душа, по сути, биржа, через которую непрестанно спешат деловитые ноги торгующих человеческими душами. Вы покупаете и продаёте, но мало думаете о том, что продаёте истину и покупаете погибель своей души. У вас, говорите вы, нет времени думать о вере. Да, дорога вашего сердца — такая многолюдная улица, что пшенице негде взойти. Если бы она и начала прорастать, какая-нибудь грубая нога раздавила бы зелёный росток, прежде чем он созреет. Порою семя лежало достаточно долго, чтобы начать всходить; но как раз тогда открывалось новое увеселительное место, вы входили туда, и словно железная пята раздавливала зародыш жизни в семени. Хлеб не мог бы расти на Корнхилле или Чипсайде, как бы превосходно ни было семя. Ваше сердце точь-в-точь такое же, как эти многолюдные улицы: столько забот и грехов теснится в нём, столько гордых, суетных, злых и мятежных против Бога мыслей проходит через него, что семя истины не может расти.

7 Мы рассмотрели эту твёрдую придорожную землю; теперь опишем, что происходит с добрым словом, когда

оно падает на такое сердце. Оно выросло бы, упади на подходящую почву; но оно попало не туда и остаётся таким же сухим, каким вышло из руки сеятеля. Евангельское слово лежит на поверхности такого сердца, но никогда не проникает внутрь. Как снег, порою падающий на наши улицы, попадает на мокрую мостовую, тает и тотчас исчезает, так бывает и с этим человеком. Слово не успевает ожить в его душе: лежит там мгновение, но никогда не укореняется и не производит ни малейшего действия.

[8] Зачем люди приходят слушать, если слово никогда не входит в их сердца? Это часто ставило нас в тупик. Некоторые слушатели ни за что не пропустят воскресенье; они рады прийти с нами на поклонение, однако слеза никогда не скатывается по их щеке, душа никогда не взлетает к небу на крыльях хвалы, и они по-настоящему не присоединяются к нашему исповеданию греха. Они не думают ни о грядущем гневе, ни о будущем состоянии своей души. Сердце их словно железное; с таким же успехом служитель мог бы говорить груде камней, как проповедовать им. Что приводит сюда этих бесчувственных грешников? Поистине, надежды обратить львов и леопардов у нас не меньше, чем обратить эти неукрощённые, нечувствительные сердца. О чувство, ты бежало к неразумным зверям, а люди потеряли рассудок! Приходят ли эти люди на наши собрания потому, что посещать богослужение респектабельно? Или их посещение помогает им уютнее чувствовать себя во грехах? Если бы они оставались дома, совесть колола бы их; но они приходят сюда, чтобы льстить себе мыслью, будто они верующие. О слушатели мои, ваше положение могло бы заставить плакать ангела! Как печально: солнце Евангелия сияет вам в лицо, а

слепые глаза никогда не видят света! Небесная музыка пропадает для вас, потому что у вас нет ушей, чтобы слышать. Вы способны уловить оборот речи, оценить поэзию образа, но сокровенного смысла, Божественной жизни вы не воспринимаете. Вы сидите на брачном пире, но не едите угощений; небесные колокола радостно звонят об искупленных душах, а вы живёте неискупленными, без Бога и без Христа. Хотя мы умоляем вас, молимся за вас и плачем о вас, вы остаётесь столь же ожесточёнными, беспечными и бездумными, как прежде. Да помилует вас Бог и да распашет ваши твёрдые сердца, чтобы Его слово пребывало в вас.

9 Однако картина ещё не закончена. Отрывок говорит нам, что птицы небесные поклевали семя. Нет ли здесь слушателя, подобного придорожной почве? Быть может, он и не собирался слушать эту проповедь, а когда выслушает, кто-нибудь из нечестивых позовёт его в компанию. Он пойдёт с искусителем, и доброе семя будет поклёвано птицами небесными. Множество злых существ готовы унести Евангелие из сердца. Сам диавол, этот князь воздуха, в любую минуту стремится похитить добрую мысль. К тому же диавол не один: у него легионы помощников. Он может послать жену человека, его детей, друзей, врагов, покупателей или кредиторов съесть доброе семя, и они успешно это сделают. О горе поверх горя: небесное семя становится диавольской пищей, Божие зерно кормит нечистых птиц!

10 О слушатели мои, если вы с юности слышали Евангелие, сколько возов проповедей было растрачено на вас! В молодые годы вы слушали старого доктора такого-то, и милый старик молился за слушателей, пока глаза не краснели от слёз. Помните те многочисленные

воскресенья, когда вы говорили себе: «Пойду в свою комнату, упаду на колени и помолюсь»? Но вы не шли: птицы небесные съедали семя, и вы продолжали грешить, как прежде. С тех пор по какому-то странному побуждению вы очень редко отсутствуете в доме Божием; однако теперь евангельское семя падает в вашу душу словно на железный пол, и ничего из этого не выходит. Закон может греметь перед вами: вы не насмехаетесь над ним, но он никогда не трогает вас. Иисус Христос может быть вознесён перед вами; вам могут показать Его дорогие раны; Его струящаяся кровь может течь прямо у вас перед глазами, и вас могут со всей настойчивостью призывать взглянуть на Него и жить, — но это всё равно что сеять на морском берегу. Что мне сделать для вас? Стоять здесь и орошать слезами эту твёрдую дорогу? Увы, мои слёзы не разрыхлят её: она слишком утоптана. Привести евангельский плуг? Увы, лемех не войдёт в столь плотную землю. Что нам делать? О Боже, Ты знаешь, как растопить самое твёрдое сердце драгоценной кровью Иисуса. Сделай это ныне, умоляем Тебя, и тем возвеличь Свою благодать, дав доброму семени ожить и принести небесную жатву.

[11] II. Теперь я обращусь ко второму разряду слушателей: «А иное упало на камень и, взойдя, засохло, потому что не имело влаги». Вы легко можете представить себе кусок скалы посреди поля, едва прикрытый почвой; разумеется, семя падает туда так же, как и всюду. Оно всходит, спешит вырасти, увядает, умирает. Только любящие человеческие души могут рассказать, какие надежды, какие радости и какие горькие разочарования причиняли нам эти каменистые места. Есть разряд слушателей с твёрдыми сердцами, которые по виду кажутся самыми мягкими и впечатлительными людьми. Пока другие не

видят в проповеди ничего, эти плачут. Проповедуете ли вы ужасы закона или любовь Голгофы, их души одинаково волнуются, и, по-видимому, производятся самые живые впечатления. Такие люди могут слушать и теперь. Они принимали решения, но откладывали исполнение. Это не закалённые враги Бога, облечённые в сталь: кажется, они обнажают грудь и открывают её проповеднику. С радостью в сердце мы пускаем туда стрелы, и те будто проникают внутрь; но, увы, тайная броня притупляет каждую стрелу, и раны не чувствуется. Притча говорит об этом роде людей так: «Иное упало на места каменистые, где немного было земли, и скоро взошло, потому что земля была неглубока». Или, как объясняет другое место: «Подобным образом и посеянное на каменистом месте означает тех, которые, когда услышат слово, тотчас с радостью принимают его, но не имеют в себе корня и непостоянны; потом, когда настанет скорбь или гонение за слово, тотчас соблазняются». Разве у нас нет тысяч слушателей, принимающих слово с радостью? Глубокого обличения у них нет, но они внезапно бросаются ко Христу и заявляют о мгновенной вере в Него; эта вера по всем признакам кажется настоящей. Когда мы смотрим на неё, семя действительно проросло. В нём есть некая жизнь; виден, кажется, зелёный росток. Мы благодарим Бога: грешник возвращён, душа рождена для Бога. Но наша радость преждевременна: они внезапно взошли и приняли слово с радостью, потому что земля была неглубока; и та же самая причина, которая ускорила принятие семени, заставляет их увянуть, когда восходит солнце с палящим жаром. Таких людей мы видим каждый день. Они приходят вступить в церковь; рассказывают, как слушали нашу проповедь тогда-то и тогда-то и какое, о какое благословение принесло им слово: никогда в

жизни они не чувствовали себя такими счастливыми! «О, сэр, когда я услышал о драгоценном Христе, мне казалось, что я должен вскочить с места, и я тогда же уверовал в Него; уверен, что уверовал». Мы спрашиваем, были ли они когда-нибудь обличены во грехе. Им кажется, что да; но одно они знают точно: вера доставляет им большое удовольствие. Мы ставим вопрос: «Как вы думаете, устоите ли?» Они уверены, что устоят. Теперь они ненавидят то, что прежде любили, — в этом они уверены. Всё стало для них новым. И всё это внезапно. Мы выясняем, когда началось доброе дело. Оказывается, оно началось тогда же, когда завершилось: иными словами, не было предварительного труда, вспашки почвы; внезапно они перескочили из смерти в жизнь, словно поле волшебным образом покрылось пшеницей. Быть может, мы принимаем их в церковь; но уже через неделю-другую они посещают её не так исправно, как прежде. Мы кротко увещеваем их, и они объясняют, что встречают такое противодействие своей вере, что вынуждены немного уступить. Проходит ещё месяц — и мы теряем их совсем. Причина в том, что их высмеяли или они столкнулись с небольшим сопротивлением и отступили назад. А что, по-вашему, чувствует служитель? Он подобен земледельцу, который видит всё поле зелёным и цветущим, но ночью мороз поражает каждый росток, и ожидаемая прибыль исчезает. Служитель идёт в свою комнату, падает ниц пред Богом и взывает: «Я был обманут; мои обращённые непостоянны, их вера увяла, как зелёная трава». В древнем сказании говорится, что Орфей так искусно играл на лире, что заставлял дубы и камни плясать вокруг него. Это поэтический вымысел, и всё же со служителем порою бывало так: не только благочестивые радовались, но и люди, подобные дубам и

камням, срывались с места в пляс. Увы, они оставались дубами и камнями. Лира умолкала. Дуб возвращался туда, где пустил корни, а камень тяжело падал на землю. Грешник, подобно Саулу оказавшийся среди пророков, возвращается строить зло против Всевышнего.

12 Если плохо быть слушателем при дороге, то, не думаю, намного лучше быть подобным скале. Этот второй разряд слушателей, несомненно, доставляет нам больше радости, чем первый. Вокруг нового служителя всегда собирается известное общество; и я часто думал: это Божия доброта позволяет таким людям собираться вначале, пока служитель молод и у него мало сторонников. Эти люди легко трогаются; если служитель проповедует горячо, они чувствуют это, любят его и объединяются вокруг, немало утешая его. Но время, испытывающее всё, испытывает и их. Казалось, они из настоящего металла; однако, когда их кладут в огонь для испытания, они сгорают в печи. Некоторые из таких неглубоких людей находятся здесь и сейчас. Я смотрел на вас во время проповеди и часто думал: «Этот человек однажды выйдет из мира; уверен, что выйдет». Я благодарил за него Бога. Увы, он всё тот же. Годами, годами мы сеяли в него напрасно, и приходится опасаться, что так будет до конца: ведь в нём нет ни глубины, ни влаги Духа. Неужели так и будет? Неужели мне придётся стоять над отверстием вашей разверстой могилы и думать: «Здесь лежит росток, так и не ставший колосом; человек, в котором благодать боролась, но никогда не царствовала; который подал несколько обнадёживающих судорог жизни, а затем погрузился в вечную смерть»? Да спасёт вас Бог! О, да воздействует на вас Дух действенно; да принесёте ещё и вы, именно вы, плод Богу, чтобы Иисус получил награду за Свои страдания.

13 III. Кратко поговорю о третьем разряде, и да поможет мне Дух Божий говорить с вами верно. «А иное упало между тернием, и выросло терние и заглушило его». Здесь почва была хорошей. Первые два вида были плохи: придорожная земля — неподходящее место, а скала — неблагоприятное положение для роста любого растения. Но эта почва хороша, потому что на ней растёт терние. Где чертополох всходит и процветает, там процветала бы и пшеница. Это была тучная, плодородная почва, поэтому неудивительно, что земледелец сеял здесь щедро, бросая пригоршню за пригоршней в этот угол поля. Посмотрите, как он счастлив, придя сюда через месяц-другой. Семя взошло. Правда, внизу виднеется подозрительное растеньице почти того же размера, что и пшеница. «О, — думает он, — это пустяки: хлеб перерастёт *его*. Окрепнув, он заглушит те немногие колючки, которые, к несчастью, с ним смешались». Ах, господин земледелец, вы не понимаете силы зла, иначе не предавались бы таким мечтам! Он приходит снова: семя выросло, в колосе уже есть зерно; но чертополох, терние и колючие кусты переплелись друг с другом, и бедной пшенице едва достаётся луч солнца. Со всех сторон она так заглушена тернием, что совсем пожелтела: растение голодает. Всё же оно продолжает расти, и кажется, будто принесёт немного плода. Увы, толку из него так и не выходит. Им жнец никогда не наполнит руки.

14 Этот разряд очень многочислен среди нас. Такие люди слышат слово и понимают услышанное. Они уносят истину домой, обдумывают её, доходят даже до открытого исповедания веры. Кажется, пшеница всходит и колосится; скоро созреет. Не спешите: у этих мужчин и женщин множество забот; на них большое дело; их предприятие нанимает столько-то сотен рабочих. Не

обманывайтесь относительно их благочестия: на него у них нет времени. Они скажут вам, что надо жить; нельзя пренебрегать этим миром; во всяком случае, необходимо позаботиться о настоящем, а будущему они уделят всё должное внимание потом. Они продолжают слушать евангельскую проповедь, а бедный маленький чахлый росток веры кое-как растёт. Тем временем они разбогатели; приезжают на богослужение в экипаже, имеют всё, чего может пожелать сердце. Ах, теперь-то семя будет расти, не правда ли? Нет, нет. Забот теперь нет: торговля оставлена, они живут за городом; уже не надо спрашивать: «Откуда взять деньги для следующего платежа?» или «Как обеспечить растущую семью?» Теперь у них слишком много вместо слишком малого: они обладают *богатством* и слишком богаты, чтобы быть людьми благодати. «Но, — скажет кто-то, — они могли бы тратить свои богатства для Бога». Разумеется, могли бы, но не делают этого, потому что богатство обольщает. Им надо принимать множество гостей и ладить с миром, а Христос и Его Церковь остаются в пренебрежении.

15 Да, но вот они начинают тратить богатство и, несомненно, преодолели эту трудность: щедро жертвуют на дело Христово и обильно благотворят. Маленький росток теперь будет расти, не так ли? Нет: теперь перед нами терние удовольствий. Щедрость к другим влечёт за собой щедрость к самим себе; удовольствия, развлечения и суета заглушают пшеницу истинной веры. Добрые зёрна евангельской истины не могут расти, потому что этим людям надо посетить музыкальный вечер, бал и светский приём, и потому думать о Божием им некогда. Я знаю нескольких представителей этого разряда. Я знал одного человека, занимавшего высокое положение в придворных кругах, который признавался мне, что хотел бы быть

бедным: тогда он мог бы войти в Царство Небесное. Он говорил мне: «Ах, сэр, эта политика, эта политика! Хотел бы я избавиться от неё: она выедает жизнь из моего сердца. Я не могу служить Богу так, как желал бы». Знаю и другого, обременённого богатствами, который сказал мне: «Ах, сэр, ужасно быть богатым; невозможно держаться близко к Спасителю, когда вокруг столько земного».

16 Ах, дорогие читатели, я не стану просить, чтобы Бог уложил вас на одр болезни, лишил всего богатства и довёл до нищеты. Но если бы Он сделал это, а вы спасли свои души, то это была бы самая выгодная сделка, какую вы когда-либо могли заключить. Если бы эти сильные мира, жалующиеся ныне, что терние заглушает семя, могли оставить все богатства и удовольствия; если бы пирующие роскошно каждый день могли занять место Лазаря у ворот, — это была бы счастливая перемена, если бы души их спаслись. Человек может быть почтенным и богатым и всё же попасть на небо, но это будет тяжёлым делом, ибо «удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Небесное». Некоторых богатых людей Бог действительно вводит в Царство Небесное, но трудна их борьба. Осторожнее, молодой человек, осторожнее! Не спеши взбираться к богатству: там у многих кружится голова. Не проси Бога сделать тебя популярным: те, кто пользуется популярностью, утомлены ею. Взывай с Агуром: «Нищеты и богатства не давай мне». Да даст мне Бог идти золотой серединой, и да будет всегда в моём сердце то доброе семя, которое принесёт сторичный плод к Его славе.

17 IV. Теперь закончу последним видом, а именно доброй землёй. Как вы заметите, добрая почва встречается лишь

в одном случае из четырёх. Примет ли один из четырёх наших слушателей Слово хорошо приготовленным сердцем?

[18] Земля названа «доброй» не потому, что была добра от природы, но потому, что стала доброй по благодати. Бог вспахал её, разрыхлил плугом обличения, и она лежала гребнями и бороздами, как и следовало. Когда было проповедано Евангелие, сердце приняло его, ибо человек сказал: «Именно это благословение мне нужно. Милость — вот что требуется нуждающемуся грешнику». Так проповедь Евангелия стала тем, что принесло утешение этой потревоженной и вспаханной почве. Семя упало, чтобы крепко укорениться. В одних случаях оно произвело пламенную любовь, широту сердца, благородную преданность цели — подобно семени, приносящему сторичный плод. Человек стал могучим Божиим слугой; он отдавал себя и истощался. Он занял место в передних рядах Христова воинства, стоял в самой жаркой битве и совершал отважные дела, на которые способны немногие: семя принесло сторичный плод. Оно упало и в другое сердце того же свойства; человек не мог сделать больше всех, но всё же сделал многое. Он отдал себя Богу и в своих делах находил слово в защиту Господа; в повседневной жизни тихо украшал учение Бога, своего Спасителя, — он принёс плод в шестьдесят крат. Затем семя упало на другого, чьи способности и дарования были невелики. Он не мог быть звездой, но хотел быть светлячком; не мог действовать, как величайшие, но довольствовался тем, чтобы сделать хоть что-то, каким бы скромным оно ни было. В нём семя принесло плод в десять, быть может, в двадцать крат. Сколько таких здесь? Есть ли кто-нибудь, кто молится внутри себя: «Боже, будь милостив ко мне, грешнику»?

Семя упало куда нужно. Душа, твоя молитва будет услышана. Бог никогда не пробуждает в человеке жажду милости, не намереваясь её дать. Не шепчет ли другой: «О, если бы мне спастись»? Веруй в Господа Иисуса Христа, и ты, именно ты, спасёшься. Был ли ты первым из грешников? Доверься Христу, и твои огромные грехи исчезнут, как жернов погружается под воду. Неужели здесь нет никого, кто доверится Спасителю? Возможно ли, что Дух совершенно отсутствует, что Он не действует ни в одной душе, не рождает жизни ни в одном духе? Будем молиться, чтобы Он сошёл ныне и слово не оказалось напрасным.

Главная пшеница

[1] «Главная пшеница». — Исаия 28:25.

[2] Пророк отмечает мудрость земледельца, который знает, какую культуру важнее всего выращивать, и делает её своей главной заботой. Эти слова в связи с окружающим текстом звучат так: «Не сеет ли земледелец главную пшеницу?» Он не идёт в житницу, чтобы взять оттуда пшеницу, кумин, ячмень и рожь и разбросать всё направо и налево; он оценивает каждый вид зерна и соответственно располагает их в уме. Кумин и тмин, которые он выращивает лишь как приправу к пище, он не считает и наполовину столь важными, как хлебное зерно; и хотя рожь и ячмень имеют свою ценность, даже их он не приравнивает к тому, что называет «главной пшеницей». Он человек рассудительный, умеющий всё упорядочить: самую важную культуру ставит на первое место и больше всего заботится о ней.

[3] Извлечём отсюда урок. Различайте вещи в своём уме, не сваливайте и не смешивайте их по беспечной неосмотрительности. Не живите беспорядочной жизнью, без заботы и рассуждения, сливая всё воедино; разбирайте вещи, отделяйте и различайте драгоценное и ничтожное. Посмотрите, чего стоит одно и чего — другое, расположите свои дела по степени важности и по порядку, сделав одни главными, другие — второстепенными. Особенно вам, молодые люди, я советую в начале жизни спросить себя: «Для чего мы будем жить? Есть главное, ради чего нам должно жить; что же это?» Обдумали ли вы этот вопрос или пустились наудачу? Ради чего вы живёте? Какова ваша главная цель? Не станет ли ею цель старика у Горация,

сказавшего сыну: «Добывай деньги; если можешь — честно, но так или иначе добывай деньги»? Станете ли вы наживать деньги? Не будет ли звонкая монета вашим главным зерном? Или выберете жизнь удовольствий — «короткую, но весёлую», как говорили столь многие глупцы, к великому своему горю? Неужели жизнь ваша пройдёт в распутстве? Неужели главным вашим урожаем станет чертополох? Раз на шотландский чертополох приятно смотреть, не намерены ли вы засадить целые акры приятным пороком? И на него ли ляжете, когда придёт время умирать? Исследуйте и посмотрите, что достойно быть главной целью жизни; когда найдёте, умоляйте Святого Духа помочь вам избрать это одно и отдать все силы и способности его возделыванию. Земледелец, понявший, что главной его культурой должна быть пшеница, делает её главной и направляет к этой цели все усилия; научитесь у него иметь основную цель и отдавать ей весь свой ум.

[4] Этот земледелец был мудр, потому что *считал главным самое необходимое*. Его семья могла обойтись без кумина, который служил лишь приправой. Возможно, хозяйка пожаловалась бы или кухарка поворчала, но это не имело бы такого значения, как плач детей, просящих хлеба. Пшеница им непременно нужна, ибо хлеб — опора жизни. Именно хлеб укрепляет человеческое сердце; поэтому земледелец должен выращивать пшеницу, даже если не выращивает ничего другого. Необходимое он считал главным. Разве это не здравый смысл? Если бы мы мудро сели и всё взвесили, разве не сказали бы: «Получить прощение грехов, быть в мире с Богом, стать святым, приготовиться к вечной жизни на небе — вот самое великое и необходимое для меня; поэтому я сделаю это главной целью своих стремлений»? Творение не

может быть удовлетворено, если не отвечает цели, ради которой создано; а цель всякого разумного творения — прежде всего прославлять Бога и затем наслаждаться Богом. Каким блаженством должно быть наслаждение Самим Богом во веки веков! Прочее может быть желательным, но это необходимо. Достаточный доход, некоторое уважение людей, некоторая мера здоровья — всё это приправа к жизни; но спастись в Господе вечным спасением — сама жизнь. Иисус Христос — хлеб, поддерживающий высшую жизнь нашей души. О, если бы всем нам достало мудрости почувствовать, что единение со Христом — единственное необходимое; что мир с Богом — главное; что согласие со Всевышним — истинная музыка нашего бытия! Прочие растения могут занимать свои надлежащие места, но благодать — главная пшеница, и её мы должны возделывать.

5 Этот земледелец был мудр, потому что *сделал главным то, что более всего для этого подходило*. Конечно, ячмень полезен в пищу: целые народы жили на ячменном хлебе и притом были здоровы; рожь тоже питала миллионы; не голодали люди и на овсе и другом зерне. И всё же дайте мне кусок пшеничного хлеба: это лучшая опора в жизненном пути. Земледелец знал, что пшеница — самая подходящая пища для человека, и потому не ставил на видное место зерно низшего качества, способное её заменить, но отдавал предпочтение пшенице. Он не говорил: «главный ячмень» или «главная рожь», тем более — «главный кумин» или «главная чернушка», но: «главная пшеница».

6 И что же, братья, столь подходит сердцу, уму и душе человека, как познание Бога и Его Христа? Другая пища для ума, например плоды знания и лакомства науки, как

бы превосходны они ни были, — питание низшего порядка, непригодное для созидания внутреннего человека. В моём Боге и Спасителе я обретаю своё небо и всё для себя. Моя душа садится за трапезу из крошки истины об Иисусе и находит великое удовлетворение, питаясь ею. Чем больше мы способны познавать Бога, наслаждаться Им и уподобляться Ему и чем больше Христос становится нашим ежедневным хлебом, тем яснее мы видим, насколько всё это соответствует нашей возрождённой природе. Возлюбленные, сделайте своей главной целью то, что более всего достойно стремлений бессмертного ума.

[7] «Вера — главная забота
Смертных здесь, на земле;
Дай постичь её великое значение,
Узнать её владычественную силу!»
«Она нужнее блестящего богатства
И всего, что дарит мир:
Ни слава, ни пища, ни здоровье
Не могут дать такого покоя».

[8] Более того, этот земледелец был мудр, потому что *сделал главным самое полезное и прибыльное*. При определённых обстоятельствах в нашей стране пшеница — не самая прибыльная культура; однако обычно это лучший урожай, какой даёт земля, и потому в тексте говорится о «главной пшенице». Наши деды рассчитывали на пшеничный стог, чтобы заплатить аренду. В хлебном зерне они видели опору своей силы; хотя теперь это не так, прежде всегда было так, и, возможно, снова будет. Во всяком случае, этот образ верен в отношении истинной веры. Она — самое полезное и прибыльное дело. Мне говорят, что богатым людям

нынче очень трудно найти вложение, приносящее пять процентов; но этот благословенный страх Господень — вложение необычайно прибыльное: он приносит не сто и не тысячу процентов, а человек начинает с ничего — и верою всё становится его. Безвозмездно освобождённые от грехов, мы преизбыточествующей благодатью весьма обогащаемся, так что среди наших владений числятся само небо, Сам Христос, Сам Бог. Всё — наше. О, какой благословенный посев! Какой урожай он приносит! Благочестие полезно для нынешней и будущей жизни. Благочестие — благословение для тела: оно хранит человека от пьянства и порока; благословение для души: делает её кроткой и чистой. Оно во всём служит ему благословением. Если бы мне предстояло умереть, как собаке, я всё равно хотел бы жить, как христианин. Если бы не было будущей жизни, всё же ради утешения и радости дайте мне жизнь человека, старающегося жить подобно Христу. Есть практическая, повседневная истина в этих стихах:

> [9] «Именно вера может дать
> Сладчайшие радости, пока мы живём;
> Именно вера должна принести
> Прочное утешение, когда мы умираем».

[10] Только эта вера не должна быть заурядного рода: корнем её должна стать сердечная вера в Иисуса Христа. Позаботьтесь об этом. Наша вера должна быть либо всем, либо ничем, занимать либо первое место, либо никакого. Сделайте её «главной пшеницей», и она щедро вознаградит вас.

[11] II. Во-вторых, земледелец преподаёт нам урок тем, что отдаёт этому главному делу главное место. Я нахожу, что некоторые выдающиеся учёные передают еврейский

текст так: «Он помещает пшеницу на главном месте». Небольшую горсть кумина, которым жена будет приправлять лепёшки, он выращивает в уголке, различные травы размещает на предназначенных им грядках. Ячменю выделяет свой участок, ржи — свой акр; но если есть хороший кусок плодородной почвы, лучший из всех, он отводит его главной пшенице. Свои лучшие поля он отдаёт тому, что должно стать основным источником его пропитания.

12 Вот урок для вас и для меня. Отдадим истинному благочестию наши главные силы и способности. Посвятим Божиему делу наши лучшие и *самые напряжённые размышления*. Прошу вас, не принимайте веру из вторых рук — из моих слов или слов кого-либо другого, — но обдумывайте её. Читайте Слово Божие, вникайте, учитесь и внутренне усваивайте его. Размышляющий христианин — растущий христианин. Помните: служение Богу заслуживает первого места в наших заботах и усилиях. Даже в расцвете сил мы немногого стоим, но Господу должны отдавать не меньше лучшего, что у нас есть. Бог не хочет, чтобы мы служили Ему бездумно; Он хочет, чтобы при изучении и исполнении Его Слова мы употребляли весь имеющийся у нас ум, разум и понимание. «Сблизься же с Ним — и будешь спокоен». «О сём заботься, в сём пребывай». Если в одно время ваш ум яснее и деятельнее, чем в другое, тогда и сейте главную пшеницу. Если в какой-то час дня вы чувствуете больше свежести и склонности размышлять, чем в иной, направьте тогда ум к наилучшим предметам.

13 Непременно отдайте этому предмету также *свою самую искреннюю любовь*. Лучшее поле в небольшом

имении человеческой природы — не голова, а сердце; там сейте главную пшеницу. О, иметь бы истинную веру в сердце, любить то, что знаем, любить горячо, держаться за это так крепко, словно решается вопрос жизни и смерти, и никогда не отпускать! Господь говорит: «Сын мой, отдай сердце твоё мне», — и ничем меньшим, чем наше сердце, Он не удовлетворится. Когда ваша ревность пылает сильнее всего и любовь наиболее горяча, пусть всё тепло и весь пыл обращаются к Господу, вашему Богу, и служению Тому, Кто искупил вас Своею драгоценной кровью. Пусть главной пшенице принадлежит главная часть вашей природы. К Богу и Его Христу обратите также *самые горячие желания*. Когда расширяете свои желания, желайте Христа; когда в вас просыпается стремление к великому, пусть всё оно будет ради Бога. Алчите и жаждите правды. Пусть все стремления и чаяния обращаются к святости и тому, что уподобит вас Христу. Отдайте этой главной пшенице свои главные желания.

14 Затем пусть Господу принадлежит *внимательное почтение всей вашей жизни*. Пусть главная пшеница будет посеяна в каждом поступке. Если мы истинные христиане, то должны оставаться христианами вне церкви в той же мере, что и в ней. Постараемся направить к славе Божией еду, питьё и всё, что делаем. Не проводите границы между мирской и религиозной частью своего поведения: пусть мирское станет благочестивым благодаря благоговейному желанию прославлять Бога в одном столь же полно, как в другом. Будем поклоняться Богу в самых обыкновенных жизненных обязанностях так же, как поклоняются стоящие перед Его престолом. Так и должно быть. Посеем главную пшеницу на всех полях нашего образа жизни: в делах, в семье, среди друзей и с

детьми. Пусть каждый почувствует: «Для меня жизнь — Христос. Я не могу жить без Христа или ради чего-либо, кроме Христа». Пусть вся ваша природа отдаст себя Иисусу и никому другому.

15 Этой главной пшенице мы должны посвятить *самые усердные труды*. Нам следует изнурять себя ради распространения Евангелия. Христианин должен отдавать все силы служению Иисусу. Мне ненавистно видеть человека, исповедующего веру, ревностным в политике и теплохладным в благочестии: на приходском собрании он весь горит, а на молитвенном холоден, словно зима. Некоторые парят, как орлы, когда служат миру, но в служении Богу у них сломано крыло. Так быть не должно. Если что-нибудь способно пробудить нас и заставить льва внутри нас зарычать во всей силе, то именно встреча с врагами Иисуса или борьба за Его дело. Служение нашему Господу — главная пшеница; больше всего потрудимся ради него.

16 Думаю, это должно также настолько овладеть нами, чтобы побудить к *величайшим жертвам*. Любовь Христова должна быть столь сильна, чтобы поглотить наше «я» и сделать жертву нашей ежедневной радостью. Ради имени Христа мы должны быть готовы терпеть нищету, поношение, клевету, изгнание и смерть. Ничто не должно быть дорого христианину в сравнении со Христом. Теперь я спрашиваю вас: так ли это? Главная ли пшеница у нас — любовь к Иисусу? Отдаём ли мы своей вере первое место? Боюсь, некоторые относятся к вере, как иные господа к хозяйству, которым сами не занимаются: назначают управляющего и лишь изредка присматривают за ним. Их служитель — управляющий, и они ждут, что он обо всём позаботится за них. Такие оставленные без

личной заботы хозяйства убыточны. Посмотрите на этих половинчатых братьев. Есть ли у них вера? Разумеется. Но они похожи на человека, о котором ребёнок рассказал в воскресной школе. «Твой отец христианин?» — спросил учитель. «Да, — ответил ребёнок, — только в последнее время он мало этим занимался». Я мог бы указать на нескольких таких людей: они сеют пшеницу очень скупо и выбирают для неё самый бесплодный клочок. Они называют себя христианами, но вера в их хозяйстве — дело десятого разряда. У иных много акров для мира и жалкий маленький участок для Христа. Они выращивают мирские удовольствия и потакание себе, а для вида сеют немного веры у дороги. Так не годится. Бог не позволит так насмехаться над Собою. Если мы презираем Его и Его истину, сами будем уничижены. Придём же и отдадим главную долю времени, дарований, мыслей и усилий тому, что составляет главную заботу бессмертных духов. Будем подражать земледельцу, который отдаёт главной пшенице главное место в своём хозяйстве.

[17] III. Усвоим третий урок. Сея пшеницу, земледелец отбирает лучшее посевное зерно. Когда фермер откладывает пшеницу для посева, он выбирает не отходы обмолота и худшую часть урожая; если он человек разумный, ему хочется посеять лучшую в мире пшеницу. Многие земледельцы ищут по всей округе хороший образец посевной пшеницы, ибо не рассчитывают получить добрый урожай из плохих семян. Бог учит земледельца класть в землю «главную пшеницу». Пусть и я научусь: если намерен сеять для Господа и быть христианином, мне следует сеять христианство наилучшего рода.

18 Прежде всего я должен стараться делать это, *веруя в самые весомые истины учения*. Я хотел бы веровать не в тот или иной «изм», а в неподдельную истину, которой учил Иисус; ибо святой характер может вырасти действием Духа Божия лишь из истинного учения. Ложь рождает грех; истина рождает и питает святость. Поэтому нам с вами следует тщательно отбирать семена и отбрасывать всякое заблуждение. Если мы мудры, будем больше всего думать о важнейших истинах: я знавал людей, придававших наибольшее значение самому малому. Они сражаются из-за чернушки, а пшеницу оставляют воронам. Что до меня, пусть желающие спорят о чашах и трубах, а я главным образом буду проповедовать учение о драгоценной крови и славные истины заместительной жертвы и искупления. Эти учения — главная пшеница, и потому я выбираю их.

19 Далее нам следует сеять *самые благородные примеры*. Многие остаются духовными карликами, потому что с самого начала выбирают плохой образец. Они подражают дорогому старому мистеру Такому-то, пока не становятся удивительно похожи на него, за вычетом всего лучшего в нём. Случается, служитель отличается мрачным складом ума и проповедует о глубоком опыте чад Божиих; в результате целая группа добрых людей считает своим долгом унывать. Зачем им падать в канаву только потому, что их предводитель забрызгался грязью? Никогда не следует перенимать чужие немощи. Чтобы быть похожим на Павла, не нужно иметь слабые глаза; чтобы походить на Фому, не обязательно сомневаться. Если подражаете доброму человеку, есть черта, перед которой надо остановиться. Если уж мне необходим человеческий образец, я предпочёл бы одного из самых мужественных святых Божиих; но насколько лучше следовать

совершенному образцу, который дан вам во Христе Иисусе!

20 Нам следует сеять лучшую пшеницу, заботясь о том, чтобы иметь *чистейший дух*. Увы, как быстро наш дух оскверняется самолюбием, гордостью, унынием, леностью или иной земной примесью! Но какое великое дело — жить в духе Христа! Да будем мы смиренными, кроткими, мужественными, жертвенными, чистыми, целомудренными и святыми.

21 Есть ещё один способ сеять отборное зерно: стараться жить в *самом тесном общении с Богом*. Один дорогой брат только что молился о том, чтобы мы получили столько благодати, сколько способны принять, и чтобы Бог привёл нас в такое состояние, в котором мы не препятствовали бы ничему, что Он пожелает совершить через нас. Это хорошая молитва. Нам следует желать восхождения к высшей духовной жизни. Если вы сеете эту главную пшеницу, приобретите лучший её сорт. Дух духу рознь, и учение учению рознь; лучшее — наилучшее для вас. Молодые люди, если намерены иметь благочестие, отдавайтесь ему всецело. Не крадитесь по миру так, словно стыдитесь своего Господа. Если вы Христовы, покажите своё знамя. Сплотитесь под Его знаменем, соберитесь по зову Его трубы, встаньте и стойте за Иисуса. Если в вас есть мужество, это великое дело требует его целиком; проявите его, и да поможет вам Дух Божий.

22 IV. В-четвёртых, земледелец выращивает главную пшеницу с главной заботой. Некоторые исследователи говорят, что правильно перевести так: земледелец сажает свою пшеницу рядами. Утверждают, будто обильные урожаи в древней Палестине объяснялись тем, что

пшеницу именно сажали. Её размещали рядами, так что она не отставала в росте и не задыхалась от чрезмерной густоты в одном месте и не было опасности, что в другом окажется слишком редкой. Пшеницу высаживали, а затем ногой направляли водяные струи к каждому отдельному растению. Поэтому неудивительно, что земля обильно плодоносила.

[23] Главному делу мы должны уделять главную заботу. Наше благочестие следует осуществлять с рассуждением и вниманием. Братья, достаточно ли мы внимательны к нашему христианскому хождению? Исследовали ли вы до самого основания исповедуемую вами веру? Почему вы оказались членами определённой церкви? Ваша мать принадлежала к ней. В этой причине есть нечто доброе, но его недостаточно, чтобы оправдать вас перед Богом. Прошу вас, рассудите о своём положении. Если какой-либо христианский служитель боится призвать вас к этой обязанности, я сомневаюсь в нём. Я нисколько не боюсь. Умоляю вас проверять всё, чему я учу, ибо не хотел бы отвечать за чужое вероисповедание. Подобно верийцам, исследуйте, согласуется ли это с Писанием. Одним из величайших благословений для церкви стал бы дух исследования, который всё сверял бы со Священным Писанием. Если они не говорят согласно этому слову, значит, в них нет света. Совершайте служение Богу столь же тщательно, как восточный земледелец сажал пшеницу, располагая её рядами с великим порядком и точностью. Вы служите точному Богу, поэтому служите Ему точно. Он Бог ревнивый, потому ревностно берегитесь малейшей примеси заблуждения или самочинного поклонения.

24 Позаботьтесь также поливать каждую часть вашей веры, как земледелец поливал каждое растение. Молитесь о благодати свыше, чтобы никогда не засохнуть и не иссушиться. Делайте для вашей веры, надежды, любви и всех растений в вашей душе всё остальное, что земледелец делает для своей пшеницы. Отдавайте благодати главную заботу: она этого заслуживает.

25 V. Этим я закончу. Делайте так, потому что отсюда можете ожидать главного урожая. Если вера — главное, от неё можно ждать главной награды. Урожай придёт к вам различными путями. Вы достигнете наибольшего успеха в этой жизни, если будете всецело жить во славу Божию. Успех или неудача во многом зависят от того, насколько нам подходит избранная цель. *Мне* бесполезно пытаться петь: я никогда не смогу руководить хором. В этом я не преуспею; но если буду проповедовать, могу преуспеть, потому что это моё дело. Так и ты, христианин: если попробуешь жить для мира, не преуспеешь, ибо не приспособлен к этому. Благодать сделала тебя непригодным для греха. Если будешь всем сердцем жить для Бога, преуспеешь, потому что Бог именно для этого тебя и создал. Как Он создал рыб для воды, а птиц для воздуха, так верующего создал для святости и служения Богу; если оставишь служение Богу, окажешься не в своей стихии, рыбой на суше или птицей в потоке. Благополучие восточного земледельца зависит от его пшеницы, а твоё — от преданности Богу. Радость ты должен искать в благочестии. Есть ли блаженство, подобное сознанию, что ты во Христе и возлюблен Господом? В своей вере ты должен искать утешение на одре болезни и смерти, а оказаться там можешь очень скоро.

[26] Какой урожай, какая жатва произойдёт в будущем мире от служения Господу! А что произойдёт из всего остального? Что, кроме одного дыма? Человек нажил миллион — и умер. Что принесло ему богатство? Слава человека как великого и удачливого полководца гремит по всей земле — и вот он умер. Что осталось ему от всех почестей? Жить для мира — всё равно что играть с мальчишками на улице на полпенни или с малышами на черепки и раковины устриц. Жизнь для Бога действительна и прочна; всё прочее — пустая трата. Будем так мыслить и препояшем чресла для служения Господу. Да поможет Божественный Дух сеять «главную пшеницу» и жить в радостном ожидании счастливой жатвы по обетованию: «Сеявшие со слезами будут пожинать с радостью».

Весна в сердце

1 «Ты обильно напояешь гребни её, осаживаешь борозды её, размягчаешь её дождями, благословляешь произрастание её». — Псалом 65:10.

2 Хотя другие времена года превосходят весну полнотой плодов, по свежести и красоте первенство всегда принадлежит ей. Мы благодарим Бога, когда приближаются дни жатвы и золотое зерно зовёт серп; но столь же должны благодарить Его за суровые весенние дни, ибо они готовят жатву. Апрельские дожди — матери прелестных майских цветов, а зимние сырость и холод — родители летнего великолепия. Бог благословляет произрастание, иначе нельзя было бы сказать: «Венчаешь лето благости Твоей». Весной Божественное благословение столь же необходимо, как летом — небесная щедрость; поэтому нам следует хвалить Бога круглый год.

3 Духовная весна — весьма благословенная пора в церкви. Тогда мы видим, как развивается юное благочестие, и отовсюду слышим радостные возгласы: «Мы нашли Господа». Наши сыновья вырастают, как трава, как ивы при потоках вод. Мы воздеваем руки в радостном изумлении и восклицаем: «Кто это летят, как облака и как голуби — к голубятням своим?» В дни церковного пробуждения, когда Бог благословляет церковь многими обращениями, у неё есть великая причина радоваться в Боге и петь: «Ты благословляешь произрастание её».

4 Я намерен применить этот текст к отдельным людям. Бывает пора, когда благодать прорастает: она лишь в почке, лишь пробивается сквозь тусклую, холодную

землю невозрождённой природы. Об этом я хочу немного поговорить, а также о благословении, которое Господь дарует зелёному ростку новорождённого благочестия, тем, кто только начинает уповать на Господа.

[5] I. Прежде всего я немного скажу о труде, предшествующем произрастанию.

[6] Из текста видно, что до появления ростка есть дело, которое может совершить один Бог; мы знаем также, что есть дело, которое Бог должен совершить через нас.

[7] *Есть труд и для нас.* Прежде чем в чьей-либо душе появятся всходы, необходимы *вспашка*, боронование и посев. Нужна вспашка, и мы не ожидаем, что, едва вспахав, сразу пожнём снопы. Благословен Бог: во многих случаях жнец настигает пахаря, но не следует ожидать этого всегда. В некоторых сердцах Бог долго готовит душу обличением: закон со своими десятью вороными конями тащит лемех обличения вдоль и поперёк души, пока не остаётся ни одного невспаханного участка. Обличение проникает глубже любого плуга, до самой сердцевины и средоточия духа, пока дух не будет ранен. Поистине глубокие борозды проводят пахари, когда Бог прилагает к делу Свою руку: почва сердца дробится перед лицом Всевышнего.

[8] Затем следует *посев*. Несомненно, прежде чем появятся всходы, в землю необходимо что-то положить; поэтому, применив плуг закона, проповедник обращается к своему Господину за корзиной евангельских семян. Евангельские обетования, евангельское учение, особенно ясное изложение безвозмездной благодати и искупления, — вот пригоршни зерна, которые мы сеем вразброс. Часть зерна

падает у дороги и пропадает; другие пригоршни попадают туда, где прошёл плуг, и остаются там.

9 Затем наступает *боронование*. Мы не рассчитываем просто посеять семена и оставить их: евангельский посев надо сопровождать молитвой. Молитва проповедника и молитва церкви составляют Божию борону, заделывающую рассеянное зерно; так оно покрывается комьями душевной почвы и скрывается в сердце слушателя.

10 Я останавливаюсь на этом по определённой причине: хочу увещевать дорогих братьев, ещё не увидевших успеха, не бросать труда, а надеяться, что они совершали вспашку, посев и боронование и что жатва ещё впереди. Упоминаю об этом и по другой причине: чтобы предостеречь тех, кто рассчитывает на жатву без такой подготовки. Не думаю, что много добра принесут попытки внезапного пробуждения, предпринятые без предшествующего молитвенного труда. Чтобы пробуждение было прочным, оно должно вырасти и стать результатом многих святых усилий, желаний, молений и бдений. Раб Божий должен проповедовать Евангелие, готовы люди к нему или нет; но для большого успеха, будьте уверены, необходима подготовленность слушателей. В некоторые сердца горячая, искренняя проповедь падает как нечто необычное: она поражает, но не убеждает. А в других общинах, где добрая евангельская проповедь давно стала правилом и вознесено много молитв, слова проникают в души слушателей и быстро приносят плод. Нельзя ожидать результатов без труда. Нет надежды на обширное пробуждение в церкви, если нет постоянного и

настойчивого ожидания Бога вместе с усердным трудом, горячей заботой и полным надежды ожиданием.

11 *Но есть также дело, превосходящее наши силы.* После вспашки, посева и боронования должен прийти дождь с неба. «Ты посещаешь землю и напояешь её», — говорит псалмопевец. Все наши усилия тщетны, если Бог не благословит нас дождём воздействия Своего Святого Духа. О Святой Дух! Ты, и только Ты, творишь чудеса в человеческом сердце; Ты приходишь от Отца и Сына, чтобы осуществить замыслы Отца и прославить Сына.

12 Здесь говорится о трёх действиях. Во-первых, сказано, что *Он напояет гребни*. Как гребни поля насквозь пропитываются обильным дождём, так Бог посылает Святого Духа, пока всё человеческое сердце не будет затронуто и охвачено Его Божественным действием. Разум просвещается, совесть оживает, воля подчиняется, чувства воспламеняются; все эти силы, которые можно назвать гребнями сердца, подпадают под Божественное воздействие. Наше дело — обращаться с людьми как с людьми, воздействовать на них евангельской истиной и предлагать побуждения, способные подвигнуть разумные существа; однако в конечном счёте лишь дождь свыше может напоить гребни. Нет надежды, что сердце будет затронуто ко спасению иначе как Божественным действием.

13 Затем прибавлено: «*Ты осаживаешь борозды*». Некоторые полагают, что это означает обильное насыщение борозд водой. Другие видят здесь указание на то, как сильный дождь прибивает землю, пока гребни не становятся плоскими и, пропитавшись водой, не оседают в более плотную массу. Несомненно одно: воздействие Духа Божия смиряет человека и придаёт ему

устойчивость. Прежде он был непостоянен, словно сухая, рассыпчатая земля, которую развеивает и уносит всякий ветер учения; но как земля, напитавшись влагой, уплотняется и скрепляется, так сердце под властью Духа становится твёрдым и серьёзным. Как вершины гребней смываются в борозды, так высокие мнения о себе, величественные замыслы и плотская похвальба сердца начинают понижаться, когда Святой Дух приходит действовать в душе. Истинное смирение — весьма благодатный плод Духа. Сокрушение сердца — лучшее средство приготовить душу для Иисуса. «Сердца сокрушённого и смиренного Ты не презришь, Боже». Братья, всегда благодарите, когда видите, что человеческие высокие помыслы низлагаются: это осаживание борозд — весьма милостивое подготовительное действие благодати.

14 И ещё прибавлено: «*Ты размягчаешь её дождями*». Человеческое сердце по природе ожесточено против Евангелия; подобно восточной почве, оно твёрдо, как железо, если нет благодатного дождя. Как сладостно и действенно Дух Божий смягчает человека насквозь! К Слову он относится уже не так, как прежде: теперь чувствует всё, тогда как раньше не чувствовал ничего. Из скалы течёт вода; сердце растворяется в нежности, глаза — в слезах.

15 Всё это — Божие дело. Я уже говорил, что Бог действует через нас, но посылать свыше дождь Своей благодати — всё же непосредственное дело Самого Бога. Возможно, Он трудится над некоторыми из вас, хотя в ваших душах ещё нет всходов духовной жизни. Пусть ваше состояние пока печально, мы будем надеяться за вас, что вскоре станет видно живое семя благодати,

поднимающее над почвой нежный зелёный росток; и да благословит Господь его произрастание.

16 II. Во-вторых, дадим краткое описание самого произрастания.

17 Когда действия Святого Духа некоторое время тихо совершаются, как угодно великому Господину и Земледельцу, появляются признаки благодати. Вспомните слова апостола: «Сперва зелень, потом колос, потом полное зерно в колосе». Некоторые наши друзья очень тревожатся, потому что не видят в себе полного зерна в колосе. Они полагают: если бы в них совершалось Божественное дело, они были бы в точности похожи на определённых зрелых христиан, с которыми имеют счастье общаться или о которых читали в жизнеописаниях. Возлюбленные, это весьма большая ошибка. Когда благодать впервые входит в сердце, она не огромное дерево, покрывающее тенью целые акры, а меньшее из всех семян, подобное горчичному зерну. Когда она впервые восходит в душе, это не полуденное солнце, а первый тусклый луч рассвета. Неужели вы столь простодушны, что ждёте жатвы, ещё не пройдя поры всходов? Надеюсь, кратчайшее описание первой ступени христианского опыта побудит вас сказать: «До этого я уже дошёл», — и тогда, надеюсь, вы сможете принять для себя утешение этих слов: «Ты благословляешь произрастание её».

18 Что же такое всходы благочестия в сердце? Мы полагаем, что прежде всего они видны в *искреннем, горячем желании спасения*. Человек, по собственному ощущению, ещё не спасён, но жаждет спасения. То, к чему он прежде был равнодушен, теперь стало предметом глубокой заботы. Некогда он презирал христиан и считал

их чрезмерно усердными; вера казалась ему пустяком, а временное и чувственное — единственно существенным. Но как изменился он теперь! Он завидует самому незаметному христианину и поменялся бы местами с беднейшим верующим, лишь бы ясно увидеть своё право на небесные обители. Теперь мирское потеряло над ним власть, а духовное стоит на первом месте. Прежде вместе с бездумной толпой он кричал: «Кто покажет нам благо?» — теперь взывает: «Господи, яви мне свет лица Твоего». Прежде он искал утешения в хлебе и вине, теперь — в одном Боге. Бог должен стать скалой его убежища, ибо нигде больше он не находит утешения. Святые желания, бывшие у него много лет назад, были подобны дыму из трубы, который быстро уносит ветер; теперь же его стремления постоянны, хотя не всегда действуют с одинаковой силой. Порой они становятся алканием и жаждой правды, однако он не довольствуется и ими, а желает ещё более горячей жажды небесного. Такие желания — одни из первых всходов Божественной жизни в душе.

[19] Затем «произрастание её» обнаруживается в *молитве*. Теперь это *действительно* молитва. Прежде было насмешкой над Богом произносить святые звуки без участия сердца; теперь же, хотя человек не хотел бы, чтобы человеческое ухо услышало его молитву, Бог одобряет её, ибо это беседа духа с Духом, а не бормотание уст к неведомому Богу. Возможно, молитвы его не очень длинны и сводятся к возгласам: «О!», «Ах!», «О, если бы Бог!», «Господи, помилуй меня, грешника!» — и подобным кратким восклицаниям; но это *молитвы*. Слова «Он теперь молится» не означают непременно долгой молитвы; они столь же верно доказывают внутреннюю духовную жизнь, если относятся лишь к вздоху или слезе.

Эти «воздыхания неизреченные» — среди её первых всходов.

[20] Обнаружится также *сердечная любовь к средствам благодати* и дому Божию. К Библии, которую долго не читали и считали немногим полезнее старого календаря, теперь относятся с великим вниманием. Хотя пока читатель находит в ней мало утешительного и многое пугающее, он чувствует, что эта книга — для него, и с надеждой обращается к её страницам. Идя в дом Божий, он жадно слушает, надеясь услышать весть для себя. Прежде он посещал богослужение как своего рода благочестивую обязанность всех порядочных людей; теперь идёт в дом Божий, чтобы найти Спасителя. Некогда в нём было не больше веры, чем в двери, поворачивающейся на петлях; теперь же он входит с молитвой: «Господи, встреться с моей душой», — а если не получает благословения, уходит со вздохом: «О, если бы я знал, где найти Его, и мог подойти к престолу Его!» Это один из благословенных признаков «произрастания её».

[21] Ещё отраднее другой признак: душа в этом состоянии имеет *веру в Иисуса Христа*, хотя бы в некоторой мере. Это не вера, приносящая великую радость и мир, но всё же вера, удерживающая сердце от отчаяния и не дающая ему утонуть под тяжестью сознания греха. Я знал время, когда, думаю, ни один живой человек не мог увидеть во мне веры, и я сам едва мог её различить; однако осмеливался сказать вместе с Петром: «Господи, Ты всё знаешь; *Ты* знаешь, что я люблю Тебя». Чего не видит человек, видит Христос. Многие имеют веру в Господа Иисуса Христа, но так заняты разглядыванием её, что не видят её. Если бы они смотрели на Христа, а не на

собственную веру, то увидели бы и Христа, и свою веру; но они измеряют её, и в сравнении с верой зрелых христиан она кажется такой малой, что они боятся: это вовсе не вера. О малый, если у тебя достаточно веры, чтобы принять Христа, помни обетование: «Тем, которые приняли Его, дал власть быть чадами Божиими». Бедный, простой, малодушный, встревоженный человек, взгляни на Иисуса и ответь: может ли такой Спаситель страдать напрасно? Может ли такое искупление быть принесено напрасно? Можешь ли ты довериться Ему и всё же быть отвергнутым? Это невозможно. В сердце Спасителя никогда не было намерения стряхнуть того, кто уцепился за Его руку. Как бы слаба ни была вера, Он благословляет её произрастание. Трудность возникает отчасти из непонимания, отчасти из недостатка доверия к Богу. Я говорю о непонимании: если бы, подобно некоторым лондонцам, вы никогда не видели зелёных хлебов, то воскликнули бы: «Что? Вы говорите, что вон та зелень — пшеница?» «Да, — отвечает земледелец, — это пшеница». Вы смотрите снова и возражаете: «Да помилуйте, это же просто трава! Не хотите же вы сказать, что эта травка когда-нибудь даст буханку хлеба, какую я вижу в витрине булочника? Не могу себе представить». Да, вы не могли бы этого представить; но когда привыкнете, уже не покажется удивительным, что пшеница проходит определённые ступени: сперва зелень, затем колос, после — полное зерно в колосе. Некоторые из вас никогда не видели растущей благодати и ничего о ней не знают. Только что обратившись, вы встречаете христиан, похожих на спелые золотые колосья, и говорите: «Я не такой, как они». Верно: вы не более похожи на них, чем эта травка в бороздах — на зрелую пшеницу; но однажды станете похожими. Надо ожидать, что прежде поры

колоса вы пройдёте пору зелени; а в пору колоса будете сомневаться, достигнете ли когда-нибудь полного зерна. Но в должное время вы достигнете совершенства. Благодарите Бога за то, что вообще пребываете во Христе. Много у меня веры или мало, много я могу сделать для Христа или мало — не главный вопрос. Я спасён не потому, что представляю собой я, а потому, что представляет Собой Иисус Христос; если доверяюсь Ему, то, как бы мал ни был в Израиле, нахожусь в такой же безопасности, как самые светлые святые.

22 Однако я уже сказал: с непониманием смешано немало неверия. Я не могу всё объяснить неведением, которое можно простить: здесь есть и греховное неверие. Грешник, почему ты не доверяешь Иисусу Христу? Бедная, оживлённая, пробуждённая совесть, Бог даёт тебе Своё слово: верующий во Христа не осуждён, — а ты всё же боишься, что осуждена! Это значит объявлять Бога лжецом! Устыдись и смутись тем, что когда-либо был виновен в сомнении в Божией правдивости. Все прочие твои грехи не огорчают Христа так, как мысль, будто Он не хочет тебя простить, или подозрение, будто Он отвергнет тебя, если ты доверишься Ему. Не клевещи на Его благодатный характер. Не бросай тень на щедрость Его нежного сердца. Он говорит: «Приходящего ко Мне не изгоню вон». Приди с верой в Его обетование, и Он примет тебя прямо сейчас.

23 Так я дал некоторое описание «произрастания её».

24 III. В-третьих, согласно тексту, есть Тот, Кто видит это произрастание. Ты, Господи, — *Ты* благословляешь произрастание её.

[25] Хотелось бы, чтобы некоторые из нас зорче замечали начало благодати в человеческих душах: из-за недостатка этой зоркости мы упускаем множество возможностей помочь слабым. Если женщине поручено заботиться о нескольких чужих детях, не думаю, что она заметит все начальные признаки болезни; но когда мать ухаживает за собственными дорогими детьми, едва на щеке или в глазах появится знак приближающейся болезни, она тотчас его видит. Хотелось бы, чтобы и у нас был столь же зоркий глаз, потому что столь же нежное сердце обращено к драгоценным душам. Не сомневаюсь: многие молодые люди неделями и даже месяцами страдают без необходимости, если бы вы, знающие Господа, были чуть внимательнее, чтобы помочь им в скорбную пору. Пастухи во время ягнения бодрствуют всю ночь, чтобы подхватить ягнят сразу после рождения, внести их внутрь и выходить; так и мы, которым надлежит быть Божиими пастырями, должны высматривать всех ягнят, особенно в пору, когда в великой Божией ограде рождается много новых, ибо на первых ступенях новой жизни нужен нежный уход. Однако, даже когда Его служители не видят «произрастания её», Бог видит всё.

[26] Молчаливые, замкнутые души, не решающиеся заговорить ни с отцом, ни с матерью, ни с братом, ни с сестрой, — этот текст должен стать для вас сладким кусочком. «*Ты* благословляешь произрастание её»: это доказывает, что Бог видит вас и вашу новорождённую благодать. Господь замечает первый признак покаяния. Хотя вы лишь говорите себе: «Встану, пойду к Отцу моему», — Отец слышит вас. Даже если это только желание, Отец записывает его. «Слёзы мои Ты положил в сосуд у Тебя — не в книге ли они Твоей?» Он смотрит, как вы возвращаетесь, бежит навстречу, обнимает и целует

поцелуями принимающей любви. Душа, ободрись мыслью: наверху в комнате, внизу у изгороди или где бы ты ни искала уединения — Бог там. Размышляй: «Ты, Бог, видишь меня». Драгоценный текст: «Все желания мои пред Тобою». Вот ещё сладостный: «Благоволит Господь к боящимся Его, к уповающим на милость Его». Он видит тебя, когда ты лишь надеешься на Его милость, и благоволит к тебе, если ты только начала бояться Его. Вот третье избранное слово: «Ты совершишь то, что касается меня». Есть ли у тебя забота об этом? Заботится ли твоя душа о примирении с Богом и о причастности к драгоценной крови Иисуса? Это лишь первые всходы, но Он благословляет их. Написано: «Трости надломленной не переломит и льна курящегося не угасит, доколе не доставит суду победы». Для тебя будет победа даже перед судилищем Божиим, хотя пока ты подобна лишь льну, который дымит и не светит, или надломленной трости, которая не издаёт музыки. Бог видит первые всходы благодати.

[27] IV. Несколько слов о четвёртом: какое несчастье было бы, если бы это оказалось возможным, иметь такие всходы без Божиего благословения!

[28] Текст говорит: «Ты *благословляешь* произрастание её». Для сравнения на минуту подумаем, каким было бы произрастание без благословения. Допустим, мы увидели бы среди себя пробуждение без Божиего благословения. Я убеждён: бывают пробуждения, которые вовсе не от Бога, а произведены одним возбуждением чувств. Если нет благословения Господа, всё окажется обманом, пузырём, на мгновение надутым в воздухе и затем исчезнувшим без следа. Мы увидим лишь, что люди были

взволнованы, чтобы впоследствии стать ещё более вялыми и мёртвыми; а это великое зло для церкви.

29 Если бы и в отдельном сердце появились всходы без Божиего благословения, в них не было бы добра. Допустим, у вас есть добрые желания, но на них нет благословения: они лишь будут дразнить и мучить вас, затем через некоторое время исчезнут, а вы станете ещё менее восприимчивы к религиозному обличению, чем прежде. Ибо если религиозные желания посланы не Богом, а вызваны возбуждением, то, вероятно, впоследствии помешают вам серьёзно слушать Слово Божие. Если обличение не смягчает, оно непременно ожесточает. До каких крайностей доходили некоторые, имевшие своего рода всходы, которые не привели их ко Христу! Иные были сокрушены отчаянием. Нам говорят, будто вера наполняет сумасшедшие дома; это неправда. Однако нет никакого сомнения, что религиозность определённого рода лишила рассудка немало людей. Бедные души ощущали свою рану, но не видели бальзама. Они не знали Иисуса. Имели сознание греха — и ничего больше. Не прибегли к надежде, которую Бог поставил перед ними, как к убежищу. Не удивляйтесь, если люди сходят с ума, отвергая Спасителя. Это может прийти как Божий суд на тех, кто в великом душевном страдании не хочет бежать ко Христу. Думаю, у некоторых дело обстоит именно так: либо вы прибегнете к Иисусу, либо ваше бремя будет становиться всё тяжелее, пока дух не изнеможет окончательно. Виновата в этом не вера, а те, кто не хочет принять предлагаемое ею средство. Всходы желаний без Божиего благословения были бы ужасны, но мы благодарим Его, что не оставлены в таком положении.

30 V. Теперь я должен остановиться на утешительной мысли: Бог действительно благословляет «произрастание её». Я хочу обратиться к вам, чувствительным и встревоженным; хочу показать, что Бог *действительно* благословляет ваши всходы. Он делает это многими способами.

31 Нередко — посредством укрепляющих утешений, которые приносит. У вас бывают очень сладостные минуты: вы не можете сказать, что принадлежите Христу, но порой колокола вашего сердца звучат необычайно нежно при упоминании Его имени. Средства благодати весьма драгоценны для вас. Когда вы собираетесь для поклонения Господу, чувствуете святой покой и уходите со службы с желанием, чтобы в неделе было семь воскресений, а не одно. По Божиему благословению Слово пришлось как раз к вашему случаю, словно Господь послал служителей специально к вам: вы на время откладываете костыли и начинаете бежать. Хотя, к сожалению, такие переживания были краткими, это знаки во благо.

32 С другой стороны, если этих утешений у вас не было или было мало и средства благодати не приносили вам утешения, я хочу, чтобы вы и на это посмотрели как на благословение. Возможно, величайшее благословение, какое Бог может дать, — отнять все удобства в дороге, чтобы ускорить наш бег к цели. Когда человек бежит в город-убежище, спасаясь от убийцы, большой заботой может быть остановить его на минуту, чтобы он утолил жажду и затем побежал быстрее. Но при непосредственной опасности, возможно, добрее всего не давать ему ни еды, ни питья и не предлагать остановиться ни на мгновение, чтобы он с неослабевающей быстротой

бежал в безопасное место. Господь может благословлять вас через испытываемое беспокойство. Поскольку вы не можете сказать, что пребываете во Христе, величайшим небесным благословением может оказаться лишение всех прочих благ, чтобы вы были вынуждены прибегнуть к Господу. Возможно, у вас ещё осталось немного собственной праведности; пока это так, вы не можете получить радость и утешение. Царская одежда, которую даёт Иисус, никогда не засияет на нас ярко, пока не исчезнет последний лоскут нашей собственной добродетели. Возможно, вы ещё недостаточно пусты, а Бог не наполнит вас Христом, пока не станете пустыми. Страх часто гонит людей к вере. Не слышали ли вы о человеке, гулявшем по полям, к которому за пазуху влетела птица, преследуемая ястребом? Бедное пугливое создание не осмелилось бы на это, если бы его не вынудил больший страх. Всё это может быть и с вами: страхи могут быть посланы, чтобы быстрее и ближе пригнать вас к Спасителю. Если так, я вижу в нынешних скорбях признаки того, что Бог благословляет «произрастание её».

33 Оглядываясь на собственную пору всходов, я порой думаю, что тогда Бог благословлял меня ещё прекраснее, чем теперь. Хотя я не хотел бы возвращаться на эту раннюю ступень духовной жизни, в ней было много радостей. Яблоня, отягчённая яблоками, — очень красивое зрелище; но ради красоты дайте мне цветущую яблоню. Во всём мире нет зрелища прекраснее яблоневого цветения. Зрелый христианин, обременённый плодами, прекрасен, но и в молодом христианине есть особая прелесть. Скажу вам, в чём это благословение: вероятно, теперь вы испытываете больший ужас перед грехом, чем верующие, знающие Господа много лет; они

могли бы пожелать вашей чуткости совести. Сейчас у вас серьёзнее чувство долга и торжественнее страх пренебречь им, чем у некоторых более преуспевших. У вас также больше ревности, чем у многих: вы совершаете первые дела для Бога и горите первой любовью; ничто для вас не слишком горячо или тяжело. Молюсь, чтобы вы никогда не отступали, но всегда шли вперёд.

34 И теперь — в заключение. Думаю, нам следует усвоить три урока. Во-первых, *пусть старшие святые будут очень кротки и добры к молодым верующим*. Бог благословляет произрастание её — смотрите, поступайте так же. Не обливайте холодной водой юные желания, не гасите молодых верующих трудными вопросами. Пока они младенцы и нуждаются в молоке Слова, не заставляйте их давиться вашей твёрдой пищей; позднее они будут есть твёрдую пищу, но пока ещё нет. Помните: Иаков не хотел гнать ягнят слишком быстро; будьте столь же благоразумны. Учите и наставляйте их, но делайте это с кротостью и нежностью, не как стоящие над ними, а как заботливые отцы ради Христа. Видите, Бог благословляет произрастание её; да благословит Он его через вас!

35 Следующее, что хочу сказать: *исполняйте долг благодарности*. Возлюбленные, если Бог благословляет произрастание её, нам следует быть благодарными и за малую благодать. Если вы увидели лишь первый росток, выглядывающий из земли, благодарите — и увидите зелёную былинку, колышущуюся на ветру. Благодарите за зелень по щиколотку — и вскоре увидите начало колоса; благодарите за первые зелёные колосья — и увидите цветение пшеницы, затем её созревание и радостную жатву.

[36] Последний урок — *ободрение*. Если Бог благословляет «произрастание её», дорогие начинающие, чего Он не сделает для вас в последующие дни? Если Он даёт вам такую трапезу при первом утреннем вкушении, какие яства будут на столе, когда Он скажет: «Придите, обедайте»! И какой пир Он приготовит на вечере Агнца! О встревоженная душа! Пусть воющие бури, падающие снега и зимние ветры, щиплющие твои всходы, забудутся перед одной утешительной мыслью: Бог благословляет твои всходы, а кого Бог благословляет, того никто не может проклясть. Над твоей головой, дорогая душа, желающая, молящаяся, изнемогающая, Господь неба и земли произносит благословение Отца, Сына и Святого Духа. Прими это благословение и радуйся ему вовеки. Аминь.

Работники на ниве

[1] «Я насадил, Аполлос поливал, но возрастил Бог; посему и насаждающий и поливающий есть ничто, а всё Бог возращающий. Насаждающий же и поливающий суть одно; но каждый получит свою награду по своему труду. Ибо мы соработники у Бога, а вы Божия нива». — 1 Коринфянам 3:6–9.

[2] Начну с конца текста, потому что так легче всего наметить ход беседы. Прежде всего отметим, что *церковь — Божие хозяйство*: «Вы Божия нива». На полях пересмотренного перевода читаем: «Вы Божия возделанная земля», — и это именно то выражение, какое мне нужно. «Вы Божия возделанная земля», или хозяйство. Поговорив о ниве, затем немного скажем о том, что *Господь нанимает работников* в Своё имение; а посмотрев на работников — столь жалких самих по себе, — вспомним, что *Сам Бог — великий Труженик*: «Мы соработники у Бога».

[3] I. Начнём с мысли, что церковь — Божие хозяйство. Господь сделал церковь Своей по Своему верховному *избранию*. Он также закрепил её за Собою через *покупку*, заплатив огромную цену. «Часть Господа — народ Его, Иаков — наследственный удел Его». Каждый акр Божией нивы стоил Спасителю кровавого пота, да, крови Его сердца. Он возлюбил нас и отдал Себя за нас: вот уплаченная Им цена. Отныне церковь — Божия неотчуждаемая собственность, и документы на владение ею у Него. Наша радость — сознавать, что мы не свои, что мы куплены дорогою ценой. Церковь — Божие хозяйство по избранию и приобретению.

4 Теперь Он сделал её Своей, *оградив* её. Прежде она лежала открытой, как часть общей пустоши, голой и бесплодной, покрытой тернием и чертополохом, служа пристанищем всякому дикому зверю; ибо мы были «по природе чадами гнева, как и прочие». Божественное предведение обозрело пустошь, а избирающая любовь отмерила свой участок сплошной чертой благодати, отделив нас навеки в собственное Господне имение. В должное время действенная благодать явилась с силой и отделила нас от остального человечества, как поля отделяют изгородями и рвами от открытой вересковой пустоши. Разве Господь не объявил, что избрал Свой виноградник и обнёс его оградой?

> 5 «Мы — сад, обнесённый стеной,
> Избранная, особая земля;
> Маленький участок, ограждённый благодатью
> Среди широкой пустыни мира».

6 Господь также ясно показал, что это хозяйство — Его, *возделав* его. Что ещё мог Он сделать для Своей нивы? Он совершенно изменил природу почвы: бесплодную землю превратил в плодоносную. Вспахал её, вскопал, удобрил, напоил и насадил всяческие цветы и плоды. Уже она принесла Ему немало приятных гроздей; впереди ещё более светлые времена, когда Ангелы возгласят праздник собранного урожая, а Христос «на подвиг души Своей будет смотреть с довольством».

7 Эта нива сохраняется под постоянной Господней *защитой*. Он не только оградил и чудесной силой возделал её, сделав Своим хозяйством, но и непрестанно удерживает её во владении. «Я, Господь, хранитель его, в каждое мгновение напояю его; ночью и днём стерегу его, чтобы кто не ворвался в него». Если бы не постоянная

Божия сила, ограды церкви скоро были бы разрушены и дикие звери пожрали бы её поля. Злые руки постоянно пытаются сломать её стены и снова опустошить её, чтобы в мире не осталось истинной церкви; но Господь ревнует о Своей земле и не позволит её уничтожить. Церковь недолго оставалась бы церковью, если бы Бог не сохранял её для Себя. Что, если Бог скажет: «Отниму у него ограду, и будет он опустошаем; разрушу стены его, и будет попираем»? Какой пустыней она станет! Что Он говорит? «Пойдите же на место Моё в Силом, где Я прежде назначил пребывать имени Моему, и посмотрите, что сделал Я с ним за нечестие народа Моего Израиля». Пойдите в Иерусалим, где некогда был город Его славы и святилище Его обитания: что осталось там сегодня? Пойдите в Рим, где некогда Павел с силой проповедовал Евангелие: что это теперь, как не средоточие идолопоклонства? Господь может сдвинуть светильник и оставить место, светлое как день, чтобы оно стало чёрным, как сама тьма. Поэтому Божия нива остаётся нивой лишь потому, что Он всегда пребывает на ней, не давая ей вернуться к прежнему запустению. Всемогущая сила столь же необходима, чтобы сохранять церковные поля возделанными, как и для того, чтобы впервые поднять целину.

[8] Поскольку церковь — собственная Божия нива, *Он ожидает от неё урожая*. Мир — пустошь, и от него Он ничего не ждёт; мы же — возделанная земля, и потому с нас причитается урожай. Бесплодие подходит пустоши, но для хозяйства стало бы великим бесчестием. Любовь ждёт ответной любви; дарованная благодать требует благодатного плода. Напоённые каплями кровавого пота Спасителя, не принесём ли мы стократного плода в Его хвалу? Хранимые вечным Духом Божиим, не произведём

ли плодов к Его славе? Господне возделывание нас потребовало больших затрат, труда и заботы: разве не должно быть соразмерной отдачи? Не должен ли Господь получить жатву послушания, жатву святости, жатву пользы, жатву хвалы? Разве не так должно быть? Думаю, некоторые церкви забывают, что от каждого поля Господнего хозяйства ожидается прибыток, ибо никогда не имеют жатвы и даже не ждут её. Земледельцы пашут землю и засевают поля не ради развлечения: это серьёзное дело, они пашут и сеют, потому что хотят урожая. Если бы эта мысль вошла в головы некоторых исповедующих веру, они, несомненно, иначе посмотрели бы на вещи. Но в последнее время кажется, будто мы думаем, что от Божией церкви не ждут никакого плода, а существует она для собственного удобства и личной выгоды. Братья, так быть не должно; великий Земледелец должен получить какую-то награду за Свой труд. Каждое поле должно дать свой плод, и всё имение — плодоносить в Его хвалу. Присоединимся к невесте из Песни песней: «А мой виноградник у меня при себе. Тысяча пусть тебе, Соломон, а двести — стерегущим плоды его».

9 Но вернусь туда, откуда начал. По избранию, приобретению, ограждению, возделыванию и сохранению это хозяйство всецело Господне. Посмотрите же, как несправедливо позволять какому-либо работнику называть даже часть имения своей. Если у знатного человека есть большое собственное хозяйство, что он подумает, услышав от пахаря Ходжа: «Послушайте, я пашу эту землю, значит, она моя; я назову это поле „Акры Ходжа“»? «Нет, — говорит Хоббс, — прошлую жатву эту землю жал я, значит, она моя, и я назову её „Поле Хоббса“». Что, если все прочие работники станут ходжистами и хоббсистами и так разделят хозяйство

между собой? Думаю, хозяин скоро выгонит их всех. Земля принадлежит владельцу и пусть называется его именем; нелепо называть её по именам людей, работающих на ней. Неужели ничтожные люди отнимут у Бога Его славу? Вспомните, как сказал Павел: «Кто Павел? кто Аполлос?» «Разве разделился Христос? разве Павел распялся за вас? или во имя Павла вы крестились?» Вся церковь принадлежит Тому, Кто избрал её Своей верховной властью, купил Своей кровью, оградил благодатью, возделал мудростью и сохранил силой. На лице земли лишь одна церковь; любящие Господа должны помнить эту истину. Павел — работник, Аполлос — работник, Кифа — работник; но хозяйство не Павлово, ему не принадлежит и четверти акра; ни один участок не принадлежит Аполлосу, ни малейший надел — Кифе, ибо «вы — Христовы». В сущности, здесь работники принадлежат земле, а не земля работникам: «Всё ваше: Павел ли, или Аполлос, или Кифа». «Мы не себя проповедуем, но Христа Иисуса, Господа; а мы — рабы ваши для Иисуса».

[10] II. Теперь второй наш предмет: великий Земледелец нанимает работников. *Обычно Бог осуществляет Свои замыслы посредством людей.* Если пожелает, Он может Святым Духом непосредственно достигнуть человеческих сердец; но это Его дело, а не наше. Наше дело определяется такими словами: «Благоугодно было Богу юродством проповеди спасти верующих». Господин поручил нам не «сидеть неподвижно и смотреть, как Дух Божий обращает народы», а: «Идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари». Заметьте, каким образом Бог снабжает человеческий род пищей. В ответ на молитву «Хлеб наш насущный дай нам на сей день» Он мог бы повелеть облакам каждое утро ронять манну у

двери каждого человека. Но Он видит, что труд для нас полезен, и потому пользуется руками пахаря и сеятеля, чтобы снабжать нас необходимым. Бог мог бы возделывать Свою избранную ниву, церковь, чудом или посредством Ангелов; но по великому снисхождению благословляет её через её собственных сыновей и дочерей. Он употребляет нас ради нашего же блага, ибо мы, работники на Его полях, получаем для себя гораздо больше добра, чем даём. Труд развивает наши духовные мышцы и сохраняет здоровье. «Мне, — говорит Павел, — наименьшему из всех святых, дана благодать сия — благовествовать язычникам неисследимое богатство Христово».

11 Наш великий Господин желает, чтобы каждый работник в Его хозяйстве получал от него пользу: ведь Он никогда не заграждает рта волу молотящему. Ежедневный хлеб работника приходит из земли. Хотя он трудится не для себя, а для Господина, всё же имеет свою долю пищи. В Господней житнице есть семя для сеятеля, но есть и хлеб для едока. Как бы бескорыстно мы ни служили Богу, возделывая Его церковь, сами мы тоже причастны плоду. Великое снисхождение Божие уже в том, что Он вообще пользуется нами: ведь в лучшем случае мы плохие орудия, скорее помеха, чем помощь.

12 Все нанятые Богом работники *заняты необходимым делом*. Заметьте: «Я насадил, Аполлос поливал». А кто бил в большой барабан или трубил о себе? Никто. В Божием хозяйстве никого не держат для украшения. Я читал проповеди, которые могли быть предназначены лишь для показа, ибо в них не было ни крупицы Евангелия. Это были плуги без лемеха, сеялки без пшеницы в ящике, катки для дробления комьев,

сделанные из масла. Не верю, что наш Бог станет платить людям, которые лишь прогуливаются по Его владениям, чтобы показать себя. Ораторы, выставляющие на кафедре своё красноречие, больше похожи на цыган, забредших в хозяйство поживиться курами, чем на честных работников, трудящихся ради урожая для хозяина. Многие члены наших церквей живут так, словно их единственное дело на ниве — собирать ежевику или полевые цветы. Они великие мастера придираться к чужой пахоте и косьбе, но сами и пальцем не шевельнут. За дело, добрые люди! Что вы стоите целый день праздно? Жатвы много, а делателей мало. Вы, считающие себя более образованными, чем простые люди, если действительно христиане, не должны расхаживать с важным видом и презирать усердно работающих. Если станете так делать, я скажу: «Этот человек ошибся хозяином; вероятно, служит какому-нибудь господину-землевладельцу, заботящемуся больше о видимости, чем о пользе. Но наш великий Господь практичен, и в Его имении работники заняты необходимым трудом». Когда мы с вами проповедуем или учим, хорошо спросить себя: «Какую пользу принесёт то, что я собираюсь делать? Я намерен разобрать трудный предмет; принесёт ли это добро? Выбрал сложный богословский вопрос; послужит ли это какой-нибудь цели?» Братья, работник может очень усердно трудиться ради собственной прихоти, а весь труд окажется напрасным. Иные речи лишь показывают разницу между твидл-*дам* и твидл-*ди*; какая от этого польза? Допустим, мы засеем поля опилками или окропим розовой водой, — что из того? Благословит ли Бог наши нравственные рассуждения, изящные сочинения и красивые отрывки? Братья, мы должны стремиться к пользе: как соработники

у Бога, заниматься делом, которое стоит делать. «Я, — говорит один, — насадил». Хорошо: насаждать необходимо. «Я, — отвечает другой, — поливал». Это тоже хорошо и нужно. Позаботьтесь, чтобы каждый мог представить весомый отчёт; пусть никто не довольствуется одной детской игрой в красноречие, устройством развлечений и тому подобным.

13 В Господнем хозяйстве *существует разделение труда*. Даже Павел не сказал: «Я насадил и поливал». Нет, Павел насадил. И уж конечно, Аполлос не мог сказать: «Я не только поливал, но и насадил». Нет, для него было довольно заботиться о поливе. Ни у кого нет всех даров. Как же неразумны те, кто говорит: «Мне нравится служение такого-то, потому что он назидает святых учением; но когда в прошлое воскресенье его не было, я не получил пользы от другого проповедника: тот всё говорил об обращении грешников». Да, он насаждал; вас уже давно посадили, и вновь сажать не нужно, но вам следует благодарить, что другие получают это благо. Один сеет, другой жнёт; поэтому, вместо того чтобы ворчать на честного пахаря за то, что он не принёс серпа, следовало помолиться о нём, чтобы ему хватило сил глубоко пахать и разбивать твёрдые сердца.

14 Заметьте: на Божией ниве работники имеют *единую цель*. Прочтите текст: «Насаждающий же и поливающий суть одно». Их нанял один Господин; хотя Он посылает их в разное время и на разные участки, все они едины, поскольку употребляются для одной цели и трудятся ради одной жатвы. В Англии мы не понимаем, что означает поливать: земледелец не смог бы полить всё хозяйство. Но на Востоке он поливает почти каждый дюйм земли. У него не было бы урожая, если бы он не использовал все

средства орошения полей. Побывав в Италии, Египте или Палестине, вы увидели бы целую систему колодцев, насосов, колёс, вёдер, каналов, ручейков, труб и прочего, по которым вода подводится по всему саду к каждому растению; иначе под сильнейшим солнечным зноем оно засохло бы. Для насаждения нужна мудрость; для полива — ничуть не меньше; а чтобы соединить оба труда, работники должны быть единомысленны. Плохо, когда работники преследуют противоположные цели и мешают друг другу; в церкви это зло ещё хуже, чем где-либо. Как я могу успешно насаждать, если мой помощник не хочет поливать посаженное? И какая польза от моего полива, если ничего не посажено? Земледелие портится, когда за него берутся глупцы и ссорятся из-за него: от посева до жатвы дело едино, и всё должно совершаться ради одной цели. Будем все наши дни тянуть вместе, ибо распря приносит бесплодие.

15 Наш текст призывает заметить, что *все работники, взятые вместе, — ничто*. «И насаждающий и поливающий есть ничто». Без своего Господина работники ничего не значат. Все работники хозяйства не смогли бы управиться с ним, не будь во главе никого; и все проповедники и христианские труженики мира ничего не могут, если Бог не с ними. Помните: каждый работник Божией нивы получил от Бога все свои способности. Никто не умеет насаждать и поливать души, если Господь не учит его изо дня в день. Все эти святые дары — пожалования безвозмездной благодати. Все работники действуют по Божиему руководству и устройству, иначе трудятся напрасно. Они не знали бы, когда и как делать своё дело, если бы Господин не направлял их Своим Духом, без помощи Которого они не могут даже помыслить доброго. Все Божии работники

должны идти за семенами к Нему, иначе будут рассеивать плевелы. Всё доброе семя приходит из Божией житницы. Если мы проповедуем, это должно быть истинное Слово Божие, иначе ничего не выйдет. Более того, всю силу, которой рука работника сеет небесное семя, должен дать Господин. Мы не можем проповедовать, если Бог не с нами. Проповедь — пустая речь и унылое словоплетение, если Святой Дух не оживляет её. Он должен дать и приготовление сердца, и ответ языка, иначе мы будем подобны сеющим ветер. Когда доброе семя посеяно, весь успех зависит от Бога. Если Он удержит росу и дождь, семя никогда не поднимется из земли; если не воссияет над ним, зелёный колос никогда не созреет. Человеческое сердце останется бесплодным, хотя бы проповедовал сам Павел, если Бог Дух Святой не будет действовать с Павлом и не благословит Слово для слушателей. Поэтому, раз рост даёт один Бог, поставьте работников на их место. Не придавайте нам слишком большого значения: когда мы исполнили всё, мы всё же рабы ничего не стоящие.

16 Однако, хотя богодухновенное слово называет работников ничем, оно говорит, что *они получат награду*. Бог совершает в нас добрые дела, а затем вознаграждает нас за них. Здесь говорится о личном служении и личной награде: «Каждый получит свою награду по своему труду». Награда соразмерна не успеху, а труду. Многих унывающих работников могут утешить эти слова. Вам заплатят не за результаты, а за старания. Возможно, вам приходится пахать тяжёлую глину или засевать унылый участок, где камни, птицы, терния, прохожие и палящее солнце объединились против семени; но вы за это не отвечаете: награда будет по вашему труду. Некоторые много работают на маленьком поле и получают обильный плод. Другие вкладывают много труда на протяжении

долгой жизни, но видят лишь малый результат, ибо написано: «Один сеет, а другой жнёт». Однако жнущий не получит всей награды: сеющий тоже получит свою долю радости. Работники — ничто, но они войдут в радость своего Господина.

17 *Совместно*, согласно тексту, *работники достигли успеха*, и это большая часть их награды. «Я насадил, Аполлос поливал, но возрастил Бог». Часто братья говорят в молитвах: «Павел может насаждать, Аполлос — поливать, но всё напрасно, если Бог не даст роста». Это совершенно верно; однако слишком часто упускают другую истину: когда Павел насаждает, а Аполлос поливает, Бог действительно даёт рост. Мы трудимся не напрасно. Без Бога не было бы роста; но мы ведь не без Бога: когда такие люди, как Павел и Аполлос, насаждают и поливают, рост непременно будет. Это надлежащие работники, они трудятся в надлежащем духе, и Бог непременно благословит их. В этом большая часть платы работнику.

18 III. Довольно о работниках. Теперь снова к главному: Сам Бог — великий Труженик. Он может пользоваться какими угодно работниками, но рост приходит от Него одного. Братья, вы знаете, что и в природе это так: самый искусный земледелец не может заставить пшеницу прорасти, вырасти и созреть. Он не может даже сохранить одно поле до жатвы, ибо враги земледельца многочисленны и сильны. В земледелии многое может случиться между чашей и устами; когда добродушный хозяин думает, что пожнёт урожай, рядом уже таятся болезни и плесень, готовые лишить его прибыли. Рост должен дать Бог. Если кто и зависит от Бога, так это земледелец; а через него все мы год за годом зависим от

Бога в пище, которой живём. Даже царь должен жить плодами поля. Бог даёт прибыток в амбаре и стоге; на духовной ниве это верно ещё больше: что может человек в таком деле? Если кто-нибудь из вас думает, что приобрести душу легко, я хотел бы, чтобы он попробовал. Попытайтесь без Божественной помощи спасти душу — с тем же успехом можно попытаться сотворить мир. Да вы не можете создать и муху; как же создадите новое сердце и правый дух? Возрождение — великая тайна, оно за пределами вашей досягаемости. «Дух дышит, где хочет, и голос его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит: так бывает со всяким, рождённым от Духа». Что мы с вами можем здесь сделать? Это далеко за пределами нашего дела. Мы можем возвещать Божию истину; но приложить её к сердцу и совести — совсем другое. Я всем сердцем проповедовал Иисуса Христа и всё же знаю: никогда не произвёл спасительного действия ни на одного невозрождённого человека, если Дух Божий не открывал сердце и не помещал в него живое семя истины. Этому учит опыт. Так же и сохранять семя живым после появления всходов — дело Господа. Нам кажется, что у нас есть обращённые, и вскоре мы разочаровываемся в них. Многие подобны цветам на яблонях: прекрасны на вид, но ничем не заканчиваются; другие — множеству маленьких яблок, опадающих задолго до того, как вырастут. Тот, кто руководит большой церковью и мучительно заботится о человеческих душах, скоро убедится: если Бог не действует, ничего не будет сделано. Не увидим ни обращения, ни освящения, ни стойкости до конца, ни славы, принесённой Богу, ни удовлетворения за страдания Спасителя, если Господь не будет с нами. Верно сказал наш Господь: «Без Меня не можете делать ничего».

[19] Кратко извлеку несколько практических уроков из этой важной истины. Первый: если всё церковное хозяйство принадлежит исключительно великому Господину и Труженику, а работники без Него ничего не стоят, *пусть это содействует единству всех, кого Он нанимает*. Если все мы под одним Господином, не будем ссориться. Жалкое дело, когда мы не выносим вида добра, совершаемого людьми другого исповедания, трудящимися по-своему. Если на ниву приходит новый работник и пользуется мотыгой новой формы, должен ли я стать его врагом? Если он делает своё дело лучше меня, должен ли я завидовать? Не помните ли, как читали в Писании, что однажды ученики не смогли изгнать беса? Это должно было смирить их; но, к нашему удивлению, несколькими стихами ниже мы читаем, что они увидели человека, изгонявшего бесов именем Христа, и запретили ему, потому что он не ходил с ними. *Сами* они не смогли изгнать беса, а тем, кто мог, запретили. Какая-то группа людей ходит и приобретает души, но нам это не нравится, потому что они делают это не по-нашему. Правда, у них странные способы; однако они действительно спасают души, и это главное. Вместо придирок будем ободрять всех, кто на стороне Христа. Мудрость оправдана её детьми, хотя некоторые из них далеко не красивы. Работникам следует быть довольными новым пахарем, если Господин ему улыбается. Брат, если великий Господь нанял тебя, не моё дело оспаривать Его выбор. Могу ли я помочь? Могу ли показать, как работать лучше? Или ты покажешь мне, как исправиться? Вот надлежащее отношение одного работника к другому.

[20] Однако эта истина должна *сохранять во всех работниках глубокую зависимость от Бога*. Молодой человек, ты собираешься проповедовать? «Да, я намерен

сделать много добра». Неужели? Не забыл ли, что ты ничто? «И насаждающий есть ничто». Богослов приходит, преисполненный Евангелия, утешать святых. Если он приходит не в полной зависимости от Бога, он тоже ничто. «И поливающий есть ничто». Сила принадлежит Богу. Человек — суета, его слова — ветер; одному Богу принадлежат сила и мудрость. Если во всяком смирении мы остаёмся на своих местах, Господь употребит нас; если возвышаем себя, оставит нас нашему ничтожеству.

21 Далее заметьте: *этот факт облагораживает каждого труженика Божией нивы*. Моя душа возносится в радости, когда я замечаю слова: «Ибо мы соработники у Бога» — всего лишь работники Его хозяйства и всё же труженики *вместе с Ним*. Трудится ли Господь с нами? Мы знаем, что да, по сопровождающим знамениям. «Отец Мой доныне делает, и Я делаю» — слова не только великого Первородного, но и всех сынов Божиих. Братья, Бог с вами, когда вы служите Ему всем сердцем. Говорите ли вы своему классу об Иисусе — через вас говорит Бог; встречаете ли путника и рассказываете ему о спасении верой — Христос говорит через вас, как говорил с женщиной у колодца; обращаетесь ли, молодой человек, к грубой толпе под открытым небом — если проповедуете прощение через искупительную кровь, это Бог Петра свидетельствует о Своём Сыне, как свидетельствовал в день Пятидесятницы.

22 Наконец, *как это должно заставить нас преклонить колени*! Раз без Бога мы ничто, будем усиленно взывать к Нему о помощи в нашем святом служении. Пусть сеятель и жнец вместе молятся, иначе никогда не станут вместе радоваться. Если благословение удерживается, то потому, что мы не взываем о нём и не ожидаем его.

Братья-труженики, придём к престолу милости — и ещё увидим жнецов, возвращающихся с полей со своими снопами, хотя, быть может, на посев они выходили с плачем. Отцу нашему, Который есть Земледелец, вся слава во веки веков. Аминь.

Что могут и чего не могут работники на ниве

[1] «И сказал: Царствие Божие подобно тому, как если человек бросит семя в землю, и спит, и встаёт ночью и днём; и как семя всходит и растёт, не знает он, ибо земля сама собою производит сперва зелень, потом колос, потом полное зерно в колосе. Когда же созреет плод, немедленно посылает серп, потому что настала жатва». — Марк 4:26–29.

[2] Вот урок для «соработников у Бога». Эта притча — для всех, кто участвует в деле Царствия Божия. Она мало послужит тем, кто находится в царстве тьмы, ибо им не велено сеять доброе семя: «Грешнику же говорит Бог: что ты проповедуешь уставы Мои?» Но все, кому поручено рассеивать семя для Царственного Земледельца, будут рады узнать, как готовится жатва для Того, Кому они служат. Итак, слушайте, сеющие при всех водах, вы, кто со святым усердием стремится наполнить небесные житницы; слушайте, и да говорит Дух Божий в ваши уши столько, сколько вы можете вместить.

[3] I. Прежде всего узнаем из нашего текста, что мы можем делать и чего не можем. Пусть это будет первым пунктом.

[4] «Царствие Божие подобно тому, как если человек бросит семя в землю»: это работник благодати может сделать. «И как семя всходит и растёт, не знает он»: вот чего он сделать не может. Посеянное семя выходит из-под человеческой власти; человек не может ни заставить его взойти, ни дать ему рост. Но вскоре работник вновь вступает в дело: «Когда же созреет плод, немедленно посылает серп». В должное время мы можем жать, и это

одновременно наш долг и преимущество. Итак, вы видите: для работника есть место в начале; хотя на среднем этапе места для него нет, позднее ему даётся другая возможность, когда посеянное действительно принесло плод.

5 Заметьте же: *мы можем сеять*. Всякий человек, принявший в сердце познание Божией благодати, может учить других. Под словом «человек» я разумею всех знающих Господа, мужчин и женщин. Не все мы можем учить одинаково, ибо не у всех одинаковые дары: одному дан один талант, другому десять. Не у всех и одинаковые возможности: один живёт в безвестности, другой имеет далеко простирающееся влияние. Но в Божией семье нет и младенческой руки, которая не могла бы уронить в землю своё крошечное семечко. Среди нас нет человека, которому нужно праздно стоять на площади: его ждёт дело по силам. Нет спасённой женщины, которой не было бы оставлено святого поручения; пусть исполнит его и заслужит одобрение: «Она сделала, что могла».

6 Нам незачем спорить с Богом из-за того, что мы не можем делать всё, если Он разрешает нам хотя бы это одно; ибо сеяние доброго семени потребует всего нашего разумения, силы, любви и заботы. Святое сеяние следует принять как высшее дело: оно станет достойной целью и для благороднейшей жизни. Вам понадобится небесное наставление, чтобы тщательно отбирать пшеницу и хранить её от плевелов заблуждения. Понадобится научение, чтобы отвеять от неё собственные мысли и мнения, ибо они могут не соответствовать Божиему разуму. Люди спасаются не нашим словом, а Божиим. Нам нужна благодать, чтобы правильно усвоить Евангелие и преподавать его во всей полноте. Разным

людям мы должны с рассуждением предлагать ту часть Слова Божия, которая лучше всего коснётся их совести: многое может зависеть от того, сказано ли слово *вовремя*.

7 Отобрав семя, мы найдём себе достаточно труда, если выйдем и будем рассеивать его всюду: каждый день приносит возможность, всякое общество даёт повод. «Утром сей семя твоё, и вечером не давай отдыха руке твоей». «Сейте при всех водах».

8 И всё же мудрые сеятели замечают благоприятные возможности для посева и охотно пользуются ими. Бывают времена, когда сеять было бы явно напрасно: почва не может принять семя, она не в надлежащем состоянии. После дождя, перед дождём или в иное время, предпочитаемое знающим земледелие, — вот когда нам следует вставать и браться за дело. Хотя трудиться для Бога нужно всегда, есть обстоятельства, когда говорить о святом значило бы бросать жемчуг перед свиньями, и есть другие, когда молчание стало бы великим грехом. Ленивые во время пахоты и посева поистине ленивы: они теряют не только день, но и весь год. Если вы бодрствуете о душах и пользуетесь счастливыми часами преимущества и минутами святого смягчения, то не станете жаловаться, будто для вашей деятельности оставлено мало места. Даже если вас никогда не призовут поливать или жать, ваше служение достаточно широко, когда вы исполняете труд сеятеля.

9 Ибо, каким бы малым ни казалось преподавание простой евангельской истины, оно необходимо. Как людям услышать без учителя? Слуги Божии, семя Слова не похоже на пух чертополоха, разносимый любым ветром: пшеница Царствия нуждается в человеческой руке, чтобы посеять её. Без такого посредства она не войдёт в

человеческие сердца и не сможет принести плод во славу Божию. Проповедь Евангелия необходима во всякий век; да не лишится её никогда наша страна. Даже если Господь пошлёт нам голод хлеба и воды, да не пошлёт Он голода Слова Божия. Вера — от слышания; а как быть слышанию, если никто не учит? Итак, рассеивайте, рассеивайте семя Царствия, ибо это необходимо для жатвы.

10 Это семя следует сеять часто: у пшеницы много врагов, и, если вы не повторите посева, можете никогда не увидеть урожая. Сеять его следует также всюду: в мире нет избранных уголков, которые можно было бы оставить без внимания в надежде, что они сами принесут плод. Нельзя оставлять богатых и образованных с мыслью, что Евангелие наверняка найдётся среди них: это не так, житейская гордость уводит их от Бога. Нельзя оставлять бедных и неграмотных, говоря: «Уж они сами почувствуют нужду во Христе». Нет: они будут опускаться всё ниже, если вы не поднимете их Евангелием. Ни одно человеческое племя, ни один особый склад человеческого ума не должны быть пренебрежены нами; всюду нужно проповедовать Слово во время и не во время. Я слышал, что капитан Кук, знаменитый кругосветный мореплаватель, в какой бы части земли ни высаживался, брал с собой маленький пакет английских семян и разбрасывал их в подходящих местах. Он выходил из лодки и уходил от берега. Ничего не говорил, а тихо рассеивал семена повсюду, где проходил; так он опоясал мир цветами и травами родной земли. Подражайте ему, куда бы ни шли: сейте духовное семя в каждом месте, куда ступит ваша нога.

[11] Теперь подумаем о том, чего вы не можете. *После того как семя покинуло вашу руку, вы не можете заставить его проявить жизнь.* Уверен, вы не можете дать ему рост, ибо не знаете, как оно растёт. Текст говорит: «И как семя всходит и растёт, не знает он». Что лежит за пределами нашего знания, несомненно, находится и за пределами нашей силы. Можете ли вы заставить семя прорасти? Можете поместить его во влажную и тёплую среду, где оно набухнет и выпустит побег; но само прорастание вам неподвластно. Как это совершается? Мы не знаем. Когда зародыш выпустил росток, можете ли вы заставить его расти дальше, развивать жизнь в листья и стебель? Нет, это тоже вне вашей власти. Когда зелёную травянистую былинку сменил колос, можете ли вы сделать его зрелым? Он созреет, но можете ли это сделать *вы*? Вы знаете, что нет; не можете вмешаться в сам процесс, хотя способны содействовать условиям, в которых он протекает. Жизнь — тайна, рост — тайна, созревание — тайна; эти три тайны подобны источникам, запечатанным от всякого вторжения. Как получается, что внутри зрелого семени уже есть приготовление к новому посеву и новому росту? Что это за жизненное начало, за тайная сила воспроизведения? Знаешь ли ты что-нибудь об этом? Учёный может рассуждать о химических соединениях, приводить различные аналогии; но рост семени остаётся тайной: оно всходит, а как — он не знает. Несомненно, это верно и о возникновении и развитии Божией жизни в сердце. Она входит в душу и укореняется в ней, а как — мы не знаем. По природе люди ненавидят Слово, но оно входит и изменяет сердца, так что они начинают его любить; однако мы не знаем как. Вся их природа обновляется и вместо греха производит покаяние, веру и любовь, но мы не знаем как. Как Дух Божий действует на

человеческий ум, как создаёт новое сердце и правый дух, как мы возрождаемся к живому упованию, — сказать не можем. Святой Дух входит в нас: мы не слышим Его голоса, не видим Его света, не ощущаем Его прикосновения; однако Он совершает в нас действенный труд, который мы вскоре замечаем. Мы знаем, что дело Духа — новое творение, воскресение, оживление из мёртвых; но все эти слова лишь прикрывают наше полное неведение о способе Его действия, вмешиваться в которое не в нашей власти. Мы не знаем, как Он совершает чудеса любви, и, не зная, как Он действует, можем быть вполне уверены: не способны взять Его дело в собственные руки. Мы не можем творить, не можем оживлять, не можем преображать, не можем возрождать, не можем спасать.

12 Когда это Божие дело совершилось в росте семени, что дальше? *Мы можем пожать спелые колосья.* Через некоторое время Бог Дух Святой вновь пользуется Своими слугами. Как только живое семя произвело сперва зелень размышления, затем зелёный колос обличения, а после веру, подобную полному зерну в колосе, христианский работник вновь призывается к служению, ибо *может жать*. «Когда же созреет плод, немедленно посылает серп». Это не жатва последнего великого дня: она не входит в пределы притчи, явно говорящей о человеческом сеятеле и жнеце. Спаситель имеет здесь в виду ту жатву, о которой говорил ученикам: «Возведите очи ваши и посмотрите на нивы, как они побелели и поспели к жатве». Когда Он посеял семя в сердцах самарян и оно взошло, так что они начали проявлять веру в Него, Господь Иисус воскликнул: «Нивы поспели к жатве». Апостол говорит: «Один сеет, а другой жнёт». Наш Господь сказал ученикам: «Я послал вас жать то, над чем

вы не трудились». Разве нет обетования: «В своё время пожнём, если не ослабеем»?

13 Христианские работники начинают жатву, наблюдая за признаками веры во Христа. Они жаждут увидеть зелень и с радостью замечают созревающий колос. Нередко надеются, что люди уже веруют, но хотят убедиться; когда же судят, что плод веры наконец появился, начинают ободрять, поздравлять и утешать. Они знают: молодого верующего нужно поместить в житницу христианского общения, чтобы уберечь от тысячи опасностей. Разумный земледелец не оставит урожай надолго открытым граду, который может выбить его, плесени, которая может погубить, или птицам, которые могут съесть. Очевидно, ни один верующий не должен оставаться вне житницы святого общения; его нужно внести в среду церкви со всей радостью, сопровождающей внесение снопов. Труженик Христов внимательно наблюдает и, увидев, что время настало, сразу начинает собирать обращённых, чтобы братство заботилось о них, чтобы они были отделены от мира, ограждены от искушений и сохранены для Господа. Он усердно делает это немедленно, ибо текст говорит: «Немедленно посылает серп». Он не ждёт месяцами в холодной подозрительности и не боится ободрить слишком рано, когда вера действительно присутствует. Тотчас приходит со словом обетования и улыбкой братской любви и говорит новому верующему: «Исповедал ли ты свою веру? Не пришло ли время открытого исповедания? Разве Иисус не повелел верующему креститься? Если любишь Его, соблюди Его заповеди». Он не успокаивается, пока не введёт обращённого в общение верных. Ведь, возлюбленные, когда люди стали учениками и крестились, наше дело сделано лишь наполовину. Затем

нам предстоит ободрять, наставлять, укреплять, утешать и помогать во всякое время трудности и опасности. Что говорит Спаситель? «Итак идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа, уча их соблюдать всё, что Я повелел вам».

[14] Итак, заметьте область и пределы человеческого участия. Мы можем представить людям истину, но благословить её должен Сам Господь; жизнь и рост Слова в душе — от одного Бога. Когда таинственное дело роста совершилось, мы можем собрать спасённых в житницу церкви. Не нашим действием Христос, упование славы, образуется в людях: это остаётся за Богом. Но когда Иисус Христос уже образован в них, распознать образ Спасителя и сказать: «Войди, благословенный Господом, зачем стоишь снаружи?» — наш долг и радость. Создавать Божественную жизнь принадлежит Богу, заботливо питать её — нам. Дать скрытой жизни рост — Господне дело; увидеть её восхождение и развитие и собрать её урожай — дело верных, как написано: «Когда же созреет плод, немедленно посылает серп, потому что настала жатва».

[15] Таков наш первый урок: мы видим, что можем делать и чего не можем.

[16] II. Второй пункт подобен первому и касается того, что мы можем знать и чего знать не можем.

[17] Прежде всего — *что мы можем знать*. Посеяв доброе семя Слова, мы можем знать, что оно вырастет, ибо Бог обещал это. Не каждое зерно на всяком месте: одно достанется птице, другое червю, третье будет опалено солнцем. Но общее правило таково: Божие Слово не возвращается к Нему тщетным, оно успешно совершает

то, для чего Он послал его. Это мы можем знать. И можем знать, что семя, однажды укоренившись, продолжит расти: это не сон и не образ, который исчезнет, а нечто исполненное силы и энергии, что разовьётся от травянистой былинки до зерна в колосе и под Божиим благословением достигнет действительного спасения, став «полным зерном в колосе». С Божией помощью и благословением наш труд учительства приведёт людей не только к размышлению и обличению, но и к обращению и вечной жизни.

[18] Можем мы знать также — потому что нам сказано, — что главная причина этого в жизни, заключённой в Слове. В самом Слове Божием есть жизнь, ибо написано: «Слово Божие живо и действенно», то есть оно живущее и могущественное. Оно — «нетленное семя, живущее и пребывающее вовек». Живым семенам свойственно расти; Божие Слово растёт в человеческих сердцах потому, что оно — живое Слово живого Бога, а где слово царя, там власть. Мы знаем это, потому что так учит Писание. Разве не написано: «Восхотев, родил Он нас словом истины»?

[19] Кроме того, земля, изображающая здесь человека, «сама собою производит плод». Объясняя это, надо быть осторожными: человеческие сердца сами по себе не производят веры; они подобны твёрдой скале, на которой семя погибает. Смысл же таков: как земля под благословением росы и дождя, через тайное Божие действие, становится способной принять и объять семя, так человеческое сердце приготовляется принять и заключить в себе Евангелие Иисуса Христа. Пробуждённому сердцу нужно именно то, что даёт Слово Божие. Под Божественным воздействием душа обнимает истину, а истина обнимает душу; так истина живёт в

сердце и оживляется им. Человеческая любовь принимает любовь Божию; человеческая вера, произведённая Духом Божиим, верует Божией истине; человеческая надежда, произведённая Святым Духом, держится открытого Богом — и так небесное семя растёт в почве души. Жизнь приходит не от вас, проповедующих Слово; Святой Дух вложил её в то Слово, которое вы проповедуете. Жизнь не в вашей руке, а в сердце, которое Дух Божий побуждает ухватиться за истину. Спасение приходит не от личной власти проповедника, а через личное убеждение, личную веру и личную любовь слушателя. Столько мы можем знать — и разве этого недостаточно для всех практических целей?

[20] И всё же есть *нечто, чего мы знать не можем*, тайна, в которую не способны проникнуть. Повторю сказанное: вы не можете заглянуть внутрь человека и увидеть в точности, как истина овладевает сердцем или сердце ухватывается за истину. Многие так долго наблюдали за собственными чувствами, что ослепли от уныния; другие так наблюдали за чувствами молодых, что строгим надзором причинили им скорее вред, чем пользу. В Божием деле больше места для веры, чем для видения. Небесное семя растёт тайно. Его надо скрыть в земле, иначе урожая не будет. Даже если вы оставите семя над землёй и оно прорастёт, вы не узнаете, *как* оно растёт. Даже наблюдая через микроскоп, как оно набухает и раскрывается, вы не увидите внутренней жизненной силы, движущей семя. Ты не знаешь пути Духа. Его дело совершается сокровенно. «Объясните рождение свыше», — говорит кто-то. Я отвечаю: «Испытайте рождение свыше — и узнаете, что это». Есть тайны, в которые мы не можем войти, ибо их свет слишком ярок для смертных глаз. Человек, ты не можешь стать всеведущим, ибо ты

творение, а не Творец. Для тебя всегда будет область не только неизвестного, но и непознаваемого. Досюда дойдёт твоё знание и не дальше; можешь благодарить Бога, что это так: тем самым Он оставляет место вере и даёт повод для молитвы. Усиленно взывай к Великому Труженику, чтобы Он совершил то, за что ты не можешь и взяться; тогда, увидев спасение людей, ты сможешь всю славу вовеки воздать Господу.

21 III. В-третьих, наш текст говорит, чего можно ожидать, трудясь для Бога, и чего ожидать нельзя. Согласно притче, *мы можем ожидать плода*. Земледелец бросает семя в землю; оно всходит и растёт, и он естественно ждёт урожая. Хотелось бы сказать слово, пробуждающее ожидания христианских работников, ибо боюсь, что многие трудятся без веры. Если бы у вас был сад или поле и вы посеяли там семена, вы были бы очень удивлены и огорчены, не получив никаких всходов; но многие христиане, кажется, вполне довольны трудом без ожидания результата. Жалкий труд — годами вытаскивать пустые вёдра! Если я истинный слуга великого Господина, то должен либо видеть плод труда и радоваться, либо, не видя его, быть готовым к сокрушению сердца. Нам следовало ожидать результатов; если бы ожидали большего, увидели бы больше. Недостаток ожидания стал великой причиной неудач Божиих работников.

22 *Но нельзя ожидать, что всё посеянное семя взойдёт в самый миг посева.* Иногда, слава Богу, стоит лишь возвестить Слово — и люди тотчас обращаются; в таких случаях жнец настигает сеятеля. Но так бывает не всегда. Некоторые сеятели годами усердно трудились на своих участках, а внешне всё казалось напрасным; наконец

приходила жатва — такая, какой, говоря по-человечески, никогда не собрали бы, если бы они не устояли до конца. Верю, что этот мир должен обратиться ко Христу, но не сегодня и не завтра, возможно, и через многие века ещё нет. Однако посев столетий не пропадает: он движется к великому завершению. Урожай грибов можно получить быстро; но дубовый лес не вознаградит посадившего, пока поколения его детей не истлеют в прахе. Наше дело — сеять и надеяться на скорую жатву; однако следует помнить: «Земледелец ждёт драгоценного плода от земли и для него терпит долго, пока получит дождь ранний и поздний». Так должны и мы. Нужно ожидать результатов, но не падать духом, если приходится их ждать.

[23] Мы должны также ожидать роста доброго семени, но *не всегда по-нашему*. Как дети, мы склонны к нетерпению. Ваш маленький мальчик вчера посеял в своём садике горчицу и кресс-салат; сегодня после полудня Джонни уже будет переворачивать землю, проверяя, растут ли семена. Мало надежды, что из его горчицы и кресс-салата выйдет что-нибудь: он не оставит их в покое на достаточно долгий срок, чтобы они выросли. Так и торопливые работники: им нужно немедленно увидеть результат Евангелия, иначе они начинают сомневаться в благословенном Слове. Некоторые проповедники так спешат, что не оставляют времени для размышления, возможности подсчитать издержки, случая обдумать свои пути и обратиться к Господу с полным сердечным намерением. Всем прочим семенам нужно время для роста, но семя Слова должно волшебно вырасти перед глазами говорящего, иначе он считает, что ничего не сделано. Эти добрые братья так стремятся немедленно получить зелень и колос, что поджаривают семя на огне фанатизма, и оно погибает. Они заставляют людей

думать, будто те обратились, и тем успешно препятствуют им прийти к спасительному познанию истины. Некоторым мешают спастись, уверяя, что они уже спасены, и раздувая в них представление о совершенстве, когда у них ещё даже нет сокрушённого сердца. Возможно, если бы таких людей научили искать чего-то более глубокого, они не удовлетворились бы принятием семени на каменистую почву; теперь же у них быстрое развитие, за которым следует столь же быстрое увядание и падение. Будем с верой ожидать роста семени; но пусть этот рост идёт, как речь проповедника: во-первых, во-вторых, в-третьих — сначала зелень, потом колос, затем полное зерно в колосе.

24 Мы можем ожидать и созревания семени. Наш труд по Божией благодати приведёт к истинной вере тех, над кем Он действовал Словом и Духом; однако *нельзя ожидать совершенства с самого начала*. Сколько ошибок здесь сделано! Вот молодой человек под впечатлением, а какой-нибудь добрый, здравый брат беседует с трепещущим начинающим и задаёт глубокие вопросы. Покачивает опытной головой, хмурит изрезанный морщинами лоб. Он идёт на хлебное поле посмотреть, как растёт посев, и, хотя год лишь начался, сокрушается, что не видит ни одного колоса; замечает только траву. «Не вижу и следа зерна», — говорит он. Нет, брат, конечно, не видишь: ты не хочешь довольствоваться зеленью как свидетельством жизни и настаиваешь, чтобы сразу увидеть всё полностью выросшим. Если бы ты искал зелень, нашёл бы её и ободрился. Что до меня, я рад заметить даже слабое желание, робкое стремление, некоторое беспокойство, некоторую усталость от греха или жажду милости. Не мудро ли и тебе позволить всему начинаться с начала и довольствоваться тем, что сперва

оно мало? Увидь зелень желания, затем наблюдай, ожидая большего. Вскоре увидишь нечто большее, чем желание: появятся обличение и решимость, затем слабая вера, малая, как горчичное зерно, но непременно растущая. Не презирай дня малых начинаний. Не испытывай новорождённого младенца, здрав ли он в учении согласно твоему представлению о здравости: скорее всего, до этого ему далеко, а ты лишь встревожишь дорогое сердце трудными вопросами. Поговори с ним о том, что он грешник, а Христос — Спаситель; так ты напоишь его, чтобы благодать в его колосе стала полным зерном. Возможно, пока в нём мало похожего на пшеницу; но со временем ты скажешь: «Пшеница! Да, несомненно, если я хоть что-нибудь понимаю в пшенице. Этот человек — истинный хлебный колос, и я с радостью поставлю его среди снопов моего Господина». Если срежете зелень, откуда возьмутся колосья? Ожидайте благодати в обращённых, но славы пока не ищите.

25 IV. В последнем пункте рассмотрим, каким сном работники могут спать и каким не могут: о сеятеле сказано, что он спит и встаёт ночью и днём, а семя всходит и растёт, не знает он как. Говорят, земледелие — хорошее занятие, потому что дело продолжается, пока хозяин лежит и спит. Несомненно, и наше занятие хорошо, когда мы служим Господину, сея доброе семя: оно растёт даже во время нашего сна.

26 Но как добрый труженик Христов может с чистой совестью уснуть? Отвечаю: прежде всего он может спать сном *покоя*, рождённого доверием. Вы боитесь, что Царствие Христово не придёт? Кто просил вас дрожать за ковчег Господень? Боитесь за бесконечного Иегову, что Его замыслы потерпят неудачу? Стыдитесь! Ваша тревога

бесчестит вашего Бога. Разве Всемогущество потерпит поражение? Лучше вам спать, чем бодрствовать, разыгрывая роль Озы. Терпеливо покойтесь: Божий замысел исполнится, Царствие придёт, избранные спасутся, Христос увидит плод подвига Своей души. Примите сладкий сон, который Бог даёт возлюбленным, — сон совершенного доверия, каким спал Иисус на корме лодки, бросаемой бурей. Дело Божие никогда не было и не будет в опасности; посеянное семя обеспечено Всемогуществом и должно дать урожай. Терпением владейте своей душой и ждите жатвы, ибо воля Господня непременно будет благоуспешна в руках Иисуса.

27 Примите также сон *радостного ожидания*, ведущий к счастливому пробуждению. Вставая утром, сознавайте: Господь управляет всем ради исполнения Своих замыслов и высшего блага всех уповающих на Него. Днём ждите благословения, а ночью закрывайте глаза, спокойно ожидая завтра ещё лучшего. Если не будете спать, утром не проснётесь отдохнувшими и готовыми к новому труду. Если бы вы могли всю ночь сидеть без сна и есть хлеб печали, то оказались бы непригодны к служению, назначенному Господином на утро. Поэтому отдыхайте, пребывайте в мире и трудитесь со спокойным достоинством: дело в надёжных руках Господа. Разве не написано: «Возлюбленному Своему Он даёт сон»?

28 Отдыхайте, потому что сознательно предали свой труд Божиим рукам. Произнеся Слово, прибегните к Богу в молитве, вверьте Ему дело и затем не тревожьтесь о нём. В лучших руках оно быть не может; оставьте его Тому, Кто производит всё во всех.

29 Но не спите сном беспечности. Земледелец сеет семя, однако не забывает о нём. Ему надо чинить ограды,

отгонять птиц, удалять сорняки, предотвращать наводнения. Он не наблюдает за самим ростом семени, но у него достаточно другого дела. Он спит лишь в должное время и в должной мере; этот сон нельзя путать с дремотой ленивца. Он никогда не спит сном равнодушия или даже бездействия, ибо каждое время года предъявляет свои требования. Он засеял одно поле, но нужно засеять другое. Он посеял, но предстоит и пожать; а когда жатва завершена, надо молотить и веять. Труд земледельца никогда не заканчивается: в той или иной части хозяйства он необходим. Сон — лишь остановка, дающая силы продолжать занятие. Притча учит нас делать всё, что входит в нашу область, но не вторгаться в Божию: обращаясь к слуху людей с наставлением, следует усердно трудиться, а в отношении тайного действия истины на человеческий ум — молиться и покоиться, ожидая от Господа внутренней силы. [2]

Овцы перед стригущими их

1 «Как овца пред стригущими её безгласна, так Он не отверзал уст Своих». — Исаия 53:7.

2 Господь наш Иисус настолько занял наше место, что в этой главе мы уподоблены овцам: «Все мы блуждали, как овцы», — и Он тоже уподоблен овце: «Как овца пред стригущими её безгласна». Удивительно, насколько полной была эта перемена мест между Христом и Его народом: Он стал тем, чем были они, чтобы они стали тем, чем является Он. Нам вполне понятно, что мы — овцы, а Он — пастырь; но уподобить Сына Всевышнего овце было бы непростительной дерзостью, если бы Его собственный Дух не употребил этот образ столь великого снисхождения.

3 Хотя этот образ исполнен глубокой милости, его употребление здесь вовсе не единственно: ещё до дней Исаии Господь наш был предызображён пасхальным агнцем. Впоследствии Он был провозглашён «Агнцем Божиим, Который берёт на Себя грех мира»; и даже в Своей славе Он — Агнец посреди престола.

4 I. Раскрывая этот Божественный образ, я прежде всего приглашаю вас рассмотреть терпение нашего Спасителя, представленное в образе овцы, безгласной перед стригущими её.

5 Господа нашего привели к стригущим, чтобы лишить Его утешения и чести, лишить даже доброго имени, а в конце — самой жизни; но под руками стригущих Он молчал, словно овца. Как терпелив Он был перед Пилатом, Иродом и Каиафой и на кресте! Нигде не записано, чтобы Он хотя бы одним восклицанием выразил

нетерпение от боли и позора, которые причиняли Ему эти злые люди. Вы не слышите ни единого горького слова. Пилат восклицает: «Что же Ты ничего не отвечаешь? видишь, как много против Тебя обвинений». Ирод жестоко разочарован, потому что ожидал увидеть какое-нибудь чудо, совершённое Им. Всё, что Господь наш всё же произносит, звучит покорно, словно блеяние овцы, хотя исполнено неизмеримо более глубокого смысла. Он говорит: «Я на то родился и на то пришёл в мир, чтобы свидетельствовать о истине»; и: «Отче! прости им, ибо не знают, что делают». В остальном же Он весь — терпение и молчание.

[6] Прежде всего вспомните: Господь наш был безгласен и не отверзал уст *против Своих противников*, не обвинял ни одного из них в жестокости или несправедливости. Они клеветали на Него, а Он не возражал; поднимались лжесвидетели, а Он не отвечал им. Казалось бы, Он непременно должен был заговорить, когда Ему плевали в лицо. Разве не мог Он сказать: «Друг, зачем ты делаешь это? За которое из Моих дел ты оскорбляешь Меня?» Но время таких увещаний миновало. Когда Его били ладонями по лицу, не было бы удивительно услышать: «За что вы так бьёте Меня?» Но нет: Он словно не слышит их ругани. Он не предъявляет обвинения Своему Отцу. Ему достаточно было поднять глаза к небу, и легионы ангелов разогнали бы распущенных солдат; одно сверкание крыла серафима — и Ирод был бы изъеден червями, а Пилат умер бы смертью, вполне заслуженной им как неправедным судьёй. Холм креста мог бы превратиться в жерло вулкана, чтобы поглотить всю толпу, стоявшую там и глумившуюся над Ним; но нет — не было явления силы. Вернее, Он явил такую великую власть над Собой, что

сдержал само Всемогущество силой, которую никогда нельзя измерить.

7 И ещё: как Он не сказал ни слова против Своих противников, так не сказал ни слова и *против кого-либо из нас*. Вы помните, как Сепфора сказала Моисею: «Ты жених крови у меня», — увидев кровь своего ребёнка. Иисус с полным основанием мог бы сказать Своей Церкви: «Дорогостоящая ты для Меня невеста, если приносишь Мне весь этот позор и кровопролитие». Но Он даёт щедро, открывает самый источник Своего сердца и не упрекает. Он заранее принял в расчёт предельную цену и потому претерпел крест, пренебрегши посрамление.

> 8 «Это было сострадание, достойное Бога:
> Когда Спаситель знал,
> Что цена прощения — Его кровь,
> Милость Его не отступила».

9 Несомненно, Он взирал сквозь века, ибо Его взор не померк даже тогда, когда на древе глаза налились кровью; Он, конечно, предвидел ваше и моё равнодушие, холодность наших сердец и низкую неверность и мог бы оставить записанными такие слова: «Я страдаю за тех, кто совершенно недостоин Моего внимания; их любовь будет жалким ответом на Мою. Хотя Я отдаю им всё Своё сердце, как тепловата их любовь ко Мне! Они Мне опротивели, Я устал от них, и горе Мне, что Я проливаю кровь Своего сердца за такой недостойный род, как этот Мой народ». Но нет даже намёка на подобное чувство. Нет: «Возлюбив Своих сущих в мире, до конца возлюбил их», — и Он не произнёс ни слога, который походил бы на ропот о страдании за них или на сожаление о том, что Он начал это дело.

10 И ещё: как не было ни слова против Его противников и ни слова против вас или меня, так не было ни слова *против Его Отца*, ни слога недовольства суровостью наказания, возложенного на Него ради нас. Мы с вами роптали под тяжестью сравнительно лёгкой скорби, считая, что с нами обходятся жестоко. Мы дерзали восклицать против Бога: «Лицо моё побагровело от плача, и на веждах моих тень смерти, при всём том, что нет хищения в руках моих, и молитва моя чиста». Но не так Спаситель: в устах Его не было жалоб. Мы совершенно не способны представить, как Отец теснил и сокрушал Его, однако ропота не было. «Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?» — это возглас потрясённой скорби, но не голос жалобы. Он являет человеческую природу в немощи, а не в мятеже. Много плачей у Иеремии, но мало плачей у Иисуса. Иисус плакал, и пот Иисуса был как великие капли крови, но Он никогда не роптал и не чувствовал восстания в сердце.

11 Взгляните на своего Господа и Спасителя: Он лежит в безропотной покорности под руками стригущих, которые отнимают у Него всё дорогое Ему, и всё же не отверзает уст. Я вижу в этом *полную покорность* нашего Господа. Он отдаёт Себя без всяких оговорок. Эту жертву не требовалось привязывать верёвками к рогам жертвенника. Как это отличается от нас с вами! Он стоял там, готовый страдать, принимать плевки и позорное обращение и умереть, ибо в Нём была полная самоотдача. Он всецело предал Себя исполнению воли Отца и совершению нашего искупления. Было здесь и *полное преодоление Себя*. Ни одна сила в Нём не поднялась, чтобы требовать свободы и просить освобождения от общего напряжения; ни один член тела, ни одна часть ума, ни одна сила духа не отшатнулась: всё подчинилось

Божественной воле. Весь Христос отдал всё Своё существо Богу, чтобы совершенно принести Себя непорочным для нашего искупления.

12 Здесь было не только преодоление Себя, но и *полная поглощённость Своим делом*. Лежащая овца уже не думает о пастбищах: она отдаёт себя стригущему. Ревность о доме Божием снедала Господа нашего и в палате Пилата, как повсюду, ибо и там Он засвидетельствовал доброе исповедание. У Него не было иной мысли, кроме оправдания Божественной чести и спасения избранных Божиих. Братья, как хотелось бы мне, чтобы мы достигли этого: подчинили весь свой дух Богу, научились преодолевать себя и всецело отдавать побеждённое «я» Богу.

13 Наш текст ещё лучше показывает чудесное спокойствие и покорность Господа нашего, если правда, что овцы на Востоке ещё смирнее наших. Кто видел шум и грубость, нередко сопровождающие у нас мытьё и стрижку овец, едва поверит свидетельству древнего писателя Филона Иудея, утверждавшего, что овцы добровольно приходили на стрижку. Он говорит: «Шерстистые бараны, отягощённые густым руном, сами отдают себя в руки пастуху, чтобы он состриг шерсть, ибо привыкли платить свою ежегодную дань человеку, своему царю по природе. Овца стоит молча, склонившись, без принуждения под рукой стригущего. Тем, кто не знает смирности овец, это может показаться странным, но это правда». Поистине дивной была такая покорность у нашего Господа: будем восхищаться ею и подражать ей.

14 II. Так я слабо изобразил терпение нашего возлюбленного Учителя. Теперь, во-вторых, я прошу вас вместе со мной рассмотреть наше собственное положение

под тем же образом, какой употреблён в отношении Господа нашего.

15 Разве я не начал с того, что, поскольку мы — овцы, Он соблаговолил и Себя уподобить овце? Посмотрим с другой стороны: Господь наш был овцой под руками стригущих, и каков Он, таковы и мы в этом мире. Хотя нас никогда не принесут в жертву, как ягнят в храме, ради искупления, всё же на протяжении веков святые были овцами, обречёнными на заклание, как написано: «За Тебя умерщвляют нас всякий день, считают нас за овец, обречённых на заклание». Иисус посылает нас как овец среди волков, и нам следует считать себя живыми жертвами, готовыми к приношению. Однако я подробнее останавливаюсь на втором образе: нас приводят как овец под руки стригущих.

16 Как стригущий берёт овцу и срезает всю её шерсть, так Господь берёт Свой народ и остригает его, отнимая все земные утешения и оставляя обнажённым. Мне хотелось бы, чтобы, когда придёт наша очередь подвергнуться этой стрижке, о нас можно было сказать то же, что о Господе нашем: «Как овца пред стригущими её безгласна, так Он не отверзал уст Своих». Боюсь, мы слишком много раскрываем уста и без конца жалуемся без всякой видимой причины или по самому ничтожному поводу. Но вернёмся к образу.

17 Прежде всего помните: *овца вознаграждает хозяина за все его заботы и труды тем, что даёт себя остричь*. Насколько я знаю, больше ничего она сделать не может. После убоя она даёт пищу, но пока жива, единственная плата, которую овца может принести пастуху, — отдать своё руно в положенное время. Некоторые из народа Божия могут воздавать Христу дань благодарности

деятельным служением; им следует делать это с радостью каждый день своей жизни. Но многие другие способны на немногое в деятельном служении, и почти единственная награда, которую они могут дать своему Господу, — отдать своё руно в страдании, когда Он призывает их страдать, покорно позволяя лишить себя личного удобства, когда наступает время терпеливо переносить скорбь.

18 Вот подходит стригущий; берёт овцу и начинает стричь, стричь, стричь, стричь, снимая шерсть целиком. Большими ножницами часто служит скорбь. Уходит муж или жена, отнимаются маленькие дети, срезается имущество, исчезает здоровье. Иногда ножницы отсекают доброе имя человека: приходит клевета, исчезают утешения. Что ж, настало время вашей стрижки, и, возможно, вы не можете в сколько-нибудь значительной мере прославить Бога иначе, чем пройдя через это. Если так, не кажется ли вам, что мы, добрые овцы Христовы, должны радостно отдать себя, чувствуя: «Я ложусь с тем намерением, чтобы Ты взял у меня что угодно, всё без остатка, и сделал со мной, что пожелаешь, ибо я не свой: я куплен дорогою ценою»?

19 Заметьте: и самой овце *стрижка приносит пользу*. До начала стрижки шерсть у неё длинная и старая, и каждый куст, каждый терновник выдирает клочок, пока овца не становится ободранной и жалкой на вид.

20 Если оставить шерсть, с наступлением летней жары овце станет невмоготу: она будет так перегружена одеждой, что ей окажется столь же неуютно, как нам, когда мы слишком долго продолжаем носить заимствованную шерсть — свои фланелевые и суконные одежды. Итак, братья, когда Господь остригает нас, нам

это нравится не больше, чем овцам; но, во-первых, это служит *Его славе*, а во-вторых — *нашему благу*, и потому нам надлежит подчиняться с полной готовностью. Многое нам хотелось бы сохранить, хотя, сохрани мы это, оно оказалось бы не благословением, а проклятием. Залежавшееся благословение становится проклятием. Манна, хотя и сходила с неба, была хороша лишь до тех пор, пока Божие повеление делало её благословением; когда же её сохраняли сверх положенного срока, в ней заводились черви и она начинала смердеть — тогда благословением она уже не была. Многие удерживали бы свои милости, пока те не превратились бы в гниль, но Бог этого не допускает. До определённого предела богатство было для тебя благословением; дальше оно уже не было бы им, и потому Господь отнял твои богатства. До этого предела твой ребёнок был благодеянием, но дальше уже не был бы им, и потому он заболел и умер. Возможно, вы не можете этого увидеть, но это так: когда Бог отнимает у Своего народа благословение, Он забирает его потому, что оно больше не было бы благословением.

[21] Прежде чем стричь овец, *их всегда моют*. Приходилось ли вам видеть, как их гонят к ручью? Люди выстраиваются рядами, ведущими к пастуху, который стоит в воде. Овец гонят вниз; люди хватают их, бросают в заводь, удерживая головы над водой, и поворачивают, поворачивают, поворачивают, чтобы промыть шерсть прежде, чем срезать её. Вы видите, как они выходят на другой стороне, до смерти перепуганные, бедняжки, и недоумевают, что будет дальше. Я хочу посоветовать вам, братья: всякий раз, когда вам угрожает испытание, умоляйте Господа освятить его для вас. Если добрый Пастырь собирается состричь вашу шерсть, попросите Его прежде вымыть её; просите очищения духа, души и тела.

Очень добр обычай христиан просить благословения на пищу прежде, чем есть хлеб. Не кажется ли вам ещё более необходимым просить благословения на наши беды прежде, чем мы в них войдём? Вот ваш дорогой ребёнок, вероятно, умрёт; не соберётесь ли вы вместе, дорогие родители, чтобы попросить Бога благословить смерть этого ребёнка, если ей суждено случиться? Урожай погибает; разве не хорошо было бы сказать: «Господи, освяти эту бедность, эту потерю, неурожай нынешнего года; сделай их средством благодати для нас»? Почему бы не просить благословения на чашу горечи так же, как на чашу благодарения? Просите, чтобы вас омыли прежде, чем остригут; и если стрижка должна прийти, пусть вашей главной заботой будет отдать чистую шерсть.

[22] После мытья, когда овца обсохнет, она действительно *лишается того, что доставляло ей удобство*. Овцу укладывают, и стригущие принимаются за работу; бедное создание теряет своё уютное руно. Вам тоже придётся расстаться со своими удобствами и утешениями. Будете ли вы это помнить? В следующий раз, получив новое благословение, назовите его ссудой. Бедная овца, нет на твоей спине шерсти, которую не придётся снять; дитя Божие, нет у тебя земного утешения, которое либо не оставит тебя, либо ты не оставишь его. Ничто не принадлежит нам, кроме нашего Бога. «Как, — скажет кто-нибудь, — даже не наш грех?» Грех принадлежал нам, но Иисус взял его на Себя, и его больше нет. Ничто не наше, кроме нашего Бога, ибо всеми Его дарами мы владеем на правах аренды, которую Он прекращает по Своей верховной воле. Мы неразумно считаем, что милости принадлежат нам, и, когда Господь забирает их, почти начинаем роптать. Говорят, что взятое взаймы должно с улыбкой возвращаться домой; так и нам следует

радоваться, когда Господь берёт назад то, что одолжил нам. Всё наше достояние — лишь краткие милости, взятые взаймы на час. Как овца отдаёт шерсть и тем лишается удобства, так и мы должны отдать всё своё земное имущество; если же оно останется с нами до смерти, тогда мы расстанемся с ним: через реку смерти мы не перенесём ни единой вещи.

[23] Стригущие *стараются не поранить овцу*: срезают как можно ближе, но не режут кожу. По возможности они не прольют ни капли крови. Если всё же делают порез, то потому, что овца не лежит спокойно; у осторожного стригущего ножницы бескровны. Об этом поёт Томсон во «Временах года», и этот отрывок так хорошо поясняет всю нашу тему, что я украшу им свою речь:

> [24] «Как кротко, как терпеливо лежит смиренное создание!
> Какая мягкость в его печальном облике,
> Какая безгласно жалующаяся невинность видна!
> Не бойтесь, кроткие стада! Не нож
> Ужасного заклания взмахнул над вами;
> Нет, это верные ножницы заботливого пастуха,
> Который, взяв теперь в уплату за годовую заботу
> Ваше руно — тяжкое для вас бремя, —
> Вновь отпустит вас скакать по вашим холмам».

[25] Именно брыкание и сопротивление делают стрижку трудной; если же мы безгласны перед стригущими, никакого вреда не будет. Господь может стричь удивительно близко; я знал тех, кого Он остриг так близко, что на них словно не осталось ни клочка шерсти: они были оголены совершенно, как Иов, когда воскликнул: «Наг я вышел из чрева матери моей, наг и возвращусь». И всё же, подобно Иову, они добавили:

«Господь дал, Господь и взял; да будет имя Господне благословенно!»

[26] Заметьте также: стригущие всегда *стригут в подходящее время*. Начинать стрижку овец зимой было бы очень дурно, жестоко и неразумно. Есть пословица о том, что Бог «умеряет ветер для остриженного ягнёнка». Возможно, это так, но стричь ягнят, пока ветер ещё нуждается в умерении, — весьма жестокое занятие. Овец стригут в тёплую, благоприятную погоду, когда они могут лишиться руна и чувствуют себя лучше, избавившись от него. С приближением лета приходит и пора стрижки. Замечали ли вы, что, посылая нам скорбь, Господь всегда выбирает наилучшее время? Он вложил в уста Своих учеников такую молитву: «Молитесь, чтобы не случилось бегство ваше зимою»; дух этой молитвы можно увидеть в своевременности наших скорбей. Он не пошлёт нам самые тяжёлые беды в самые тяжёлые для нас дни. Если душа ваша подавлена, Господь не возлагает на вас очень тяжёлой ноши: Он бережёт такое бремя для времени, когда радость в Господе будет вашей силой. У нас даже возникает своего рода чувство: когда мы очень радуемся, близко испытание, а когда скорбь сгущается, приближается избавление. Господь не посылает нам двух бремён одновременно; если же посылает, то даёт и двойную силу. Пора Его стрижки избрана с нежной рассудительностью.

[27] Нужно помнить ещё одно. С нами происходит то же, что с овцами: *вырастает новая шерсть*. Когда Господь одной рукой отнимает наши земные утешения — одно, два, три, — другой рукой Он возвращает шесть, двадцать, сто; мы плачем и хнычем о малой потере, а между тем она необходима, чтобы мы смогли принять великое

приобретение. Да, так и будет: у нас появится причина радоваться — «наутро радость». Если мы потеряли одно положение, для нас найдётся другое; если нас изгнали из одного места, приготовлено лучшее убежище. Провидение открывает вторую дверь, закрывая первую. Если Господь отнимает манну, как некогда у Своего народа Израиля, то потому, что у них есть прошлогодний хлеб Ханаанской земли для пропитания. Если вода из скалы больше не следовала за коленами, то потому, что они пили из Иордана и ручьёв. О овцы Господнего стада, новая шерсть вырастает — поэтому не тревожьтесь из-за стрижки. Я кратко изложил эти мысли, чтобы мы могли перейти к последнему слову.

28 III. В-третьих, постараемся подражать примеру нашего благословенного Господа, когда придёт наш черёд быть остриженными. Будем безгласны перед стригущими, покорны и спокойны, как был Он.

29 Всё сказанное мной давало основания поступать именно так. Я показал, что наша стрижка скорбью прославляет Бога, вознаграждает Пастыря и приносит пользу нам самим. Я показал, что Господь соизмеряет и умеряет нашу скорбь и посылает испытание в нужное время. Разными путями я показал вам, что мудро подчиниться, как овца подчиняется стригущему, и чем полнее мы это делаем, тем лучше.

30 Мы слишком много сопротивляемся и склонны оправдывать это. Иногда мы говорим: «О, это так больно, я не могу терпеть! Я перенёс бы что угодно, только не это». Когда отец собирается наказать ребёнка, разве он выбирает что-нибудь приятное? Нет. Болезненность наказания составляет его суть; так и горечь нашей скорби — самая душа нашего вразумления. От синевы раны

сердце станет лучше. Не ропщите из-за того, что испытание кажется вам необычным и острым. Ведь это означало бы: «Если всё будет по-моему, я соглашусь; если же не всё мне понравится, я восстану». Такой дух не подобает дитяти Божию.

31 Иногда мы жалуемся на свою великую слабость: «Господи, будь я сильнее, эта тяжёлая потеря меня бы не смутила; но я хрупок, как сухой лист, гонимый бурей». Однако кто должен судить, подходит ли вам это испытание: вы или Бог? Поскольку Господь считает его соразмерным вашей слабости, можете быть уверены, что так оно и есть. Лежите спокойно! Лежите спокойно! «Увы, — говорите вы, — моя скорбь приходит оттуда, откуда это всего жесточе; эта беда пришла не прямо от Бога, а через двоюродного брата или родного брата, который должен был обращаться со мной с благодарностью. Это был не враг — тогда я перенёс бы». Брат мой, позволь уверить тебя: в действительности испытание в конечном счёте приходит не от врага. В основании всей твоей скорби — Бог; за вторичными причинами взирай на великую Первопричину. Мы совершаем большую ошибку, раздражаясь на человеческое орудие, которое нас поражает, и забывая руку, пользующуюся розгой. Если я ударю собаку, она кусает мою палку; бедное животное не понимает большего. Но если бы оно немного умело рассуждать, то укусило бы *меня* либо покорно приняло удар. Так вот, вам не следует начинать кусать палку. В конечном счёте посохом пользуется ваш Небесный Отец; пусть он из чёрного дерева или терновника — он в Его руке. Хорошо перестать разбирать и выбирать свои испытания и предоставить всё дело бесконечной Премудрости. Один

сладкогласный поэт прекрасно выразил это; позвольте привести его строки:

> [32] «Но когда Господь спросил меня, откуда
> Я согласен был бы принять
> Ту скорбь, которой должен очиститься,
> Посланную мне,
> То всякий раз, как вставали в воображении мука
> И каждое увядающее счастье
> Перед моей душой, я кричал: “О, здесь пощади!
> О нет, только не это!”
> Как человек, которому глубоко внутрь
> Нужен нож хирурга,
> Но он едва терпит прикосновение к коже,
> Хотя от этого зависит жизнь.
> Тогда Тот, Кто лучше всех понимает
> И что нам нужно,
> И что мы можем вынести, взял моё дело в Свои руки,
> Не внимая плачу».

[33] Вот суть моей проповеди: о верующий, отдай себя! Лежи спокойно в руках Божиих! Отдай себя и не борись! Сопротивляться бесполезно: наш великий Стригущий, если намерен стричь, сделает это. Разве я только что не говорил, что овца своим сопротивлением может навлечь на себя порез ножницами? Так и мы с вами, если станем противиться Богу, получим два удара вместо одного; и в конце концов в самой беде нет и половины тех мучений, какие заключены в сопротивлении ей. У восточного пахаря есть остриё, которым он подгоняет вола, чтобы тот двигался живее; лёгким уколом он причиняет ему немного боли, но предположим, что вол вскинет ногу в тот миг, когда остриё коснётся его: он вгонит остриё в себя, и пойдёт кровь. Так и с нами: нам окажется трудно

идти против рожна; восставая, мы вытерпим гораздо больше боли, чем получили бы, подчинившись Божественной воле. Какая польза от раздражения? Мы не можем сделать ни одного волоса белым или чёрным. Вы, скорбящие, успокойтесь вместе с нами, ибо всеми своими стонами не можете устроить ни дождя, ни солнца, ни ненастья, ни ясной погоды. Разве тревогой вы хоть раз прибавили грош в кассу или жалобой положили хлеб на стол? Ропот — напрасное дыхание, беспокойство — напрасная трата времени. Спокойно лежать в руке Божией — значит получать благословение для души. Я сам хотел бы стать тише, спокойнее, владеть собой лучше. Я жажду привычно восклицать: «Господи, делай со мной, рабом Твоим, что хочешь, когда хочешь и как хочешь; назначь мне честь или бесчестие, богатство или бедность, болезнь или здоровье, подъём или уныние, и я с полной радостью приму всё из Твоей руки». Человек недалёк от небесных врат, когда вполне покорен воле Господней.

34 Надеюсь, вы, уже остриженные, получили утешение через вечно благословенного Духа Божия. Да благословит вас Бог. О, если бы и грешник смирился под крепкую руку Божию! Покоритесь Богу, пусть всякая мысль будет пленена в послушание Ему, и да пошлёт Господь Своё благословение ради Христа. Аминь.

На сенокосе

[1] «Он произращает траву для скота». — Псалом 104:14.

[2] В назначенную пору весь мир занят уборкой травы, и едва ли удастся проехать милю по сельской местности, не ощутив дивного аромата свежескошенного сена и не услышав, как точат косу косаря. На сенокосе есть Евангелие, и мы намерены раскрыть его настолько, насколько даст нам силы Святой Дух.

[3] Наш текст сразу приводит нас к месту, поэтому предисловие не понадобится. «Он произращает траву для скота». Мы отметим три вещи: во-первых, *трава поучительна сама по себе*; во-вторых, *она гораздо поучительнее, когда в ней виден Бог*; и, в-третьих, *рост травы для скота может пояснить пути благодати*.

[4] I. Итак, прежде всего: «Он произращает траву для скота». Здесь перед нами нечто поучительное само по себе. Едва ли какой образ, кроме воды и света, употребляется в богодухновенном Писании чаще полевой травы.

[5] Во-первых, траву полезно рассматривать как *символ нашей смертности*. «Всякая плоть — трава». На лугу можно увидеть всю историю человека. Он всходит зелёным и нежным, подверженный заморозкам младенчества, угрожающим его юной жизни; растёт, достигает зрелости, облекается красотой, как трава украшается цветами; но спустя время сила оставляет его, а красота покрывается морщинами, подобно тому как трава вянет и сменяется новым поколением, которое в свою очередь увядает. Как и мы, трава созревает лишь для того, чтобы истлеть. Сыны человеческие в своё время

достигают зрелости, затем склоняются и увядают, как зелень. Части травы вовсе не дают созреть: её снимает коса косаря, как быстроногая смерть настигает беспечных детей Адама. «Утром она цветёт и зеленеет, вечером подсекается и засыхает; ибо мы исчезаем от гнева Твоего и от ярости Твоей мы в смятении». «Дни человека — как трава; как цвет полевой, так он цветёт. Пройдёт над ним ветер, и нет его, и место его уже не узнает его». Это весьма смиряет нас, и нам нужно часто об этом напоминать, иначе мы мечтаем о бессмертии под звёздами. Никогда не следует ступать по траве, не вспоминая: зелёный дёрн не только покрывает наши могилы, но и напоминает о них; каждой травинкой он проповедует нам о нашей смертности, взяв за текст слова: «Всякая плоть — трава, и вся красота её — как цвет полевой».

[6] Во-вторых, трава часто употребляется в Писании как *образ нечестивых*. Давид по собственному опыту говорит нам, что праведник склонен завидовать нечестивым, видя благополучие безбожных. Мы видели, как они раскидывались, словно зелёные лавры, и казались прочно укоренёнными на своих местах; когда же мы мучились собственными бедами и чувствовали, что нас поражают весь день и наказывают каждое утро, то склонны были говорить: «Как это согласуется с праведным правлением Бога?» Псалмопевец напоминает: скоро мы пройдём мимо места нечестивого — и вот, его уже нет; внимательно посмотрим на его место — и вот, его не окажется; ибо он скоро будет подкошен, как трава, и увянет, как зелень. Трава засыхает, цвет её опадает; так навеки исчезнет слава тех, кто строит на владениях времени и ищет прочного утешения в земных рудниках. Как восточный земледелец собирает зелень и, невзирая на прежнюю

красоту, бросает её в печь, такова должна быть и ваша участь, тщеславные грешники! Так Судья повелит Своим ангелам: «Свяжите их в связки, чтобы сжечь». Где теперь ваше веселье? Где ваша уверенность? Где гордость и пышность? Где похвальба и громогласные богохульства? Они умолкли навеки; ибо как тернии трещат под котлом, но быстро сгорают, оставляя лишь горсть пепла, так будет с нечестивыми в отношении этой жизни: огонь гнева Божия пожрёт их.

[7] Приятнее вспомнить, что трава используется в Писании и как *образ избранных Божиих*. Нечестивых можно уподобить драконам пустыни, но на их месте взойдёт собственный народ Божий, ибо написано: «В жилище драконов, где каждый лежал, будет трава с тростником и камышом». Избранные сравниваются с травой по своему числу, каким оно будет в последние дни, и по быстроте роста. Вы помните эти слова: «Будет горсть хлеба на земле, на вершинах гор; плоды его зашумят, как Ливан, и жители города расцветут, как трава земная». О, если бы скорее настал долгожданный день, когда народ Божий перестанет быть одиноким пучком травы, но станет всходить среди травы, как «ивы при потоках вод»! Трава и ивы — одни из самых быстрорастущих растений, какие мы знаем; так народ родится в один день, так толпы обратятся одновременно. Ибо когда Дух Божий начнёт могущественно действовать посреди Церкви, люди полетят ко Христу, как голуби летят к своим голубятням, так что изумлённая Церковь воскликнет: «А эти — где были?» О, если бы нам дожить до золотого века, до времени, предсказанного пророками, когда сонм народа Божия станет неисчислимым, как травинки на лугах, и будут процветать благодать и истина!

[8] Как подобен народ Божий траве ещё и потому, что всецело зависит от небесного воздействия! Наши поля выгорают, если им отказано в весенних дождях и нежной росе; а что наши души без благодатных посещений Духа? Иногда после суровых испытаний наши израненные сердца подобны скошенной траве; тогда нам дано обещание: «Он сойдёт, как дождь на скошенную траву, как ливни, орошающие землю». Острые скорби лишили нас красоты — и вот, Господь посещает нас, и мы снова оживаем. Благодарение Богу за старую поговорку, которая есть и благодатное учение, и верная пословица: «У каждой травинки своя капля росы». Богу угодно даровать особые милости каждому из Своих рабов. «Над народом Твоим благословение Твоё».

[9] И ещё: траву можно сравнить с *пищей, которой Господь восполняет нужды Своих избранных*. Возьмите двадцать третий псалом: этот образ раскрыт там в самой сладостной форме пастушеской песни. «Он покоит меня на злачных пажитях и водит меня к водам тихим». Как овца получает пищу, соответствующую её природе, и пастух находит эту пищу для неё в таком изобилии, что она не только ест, но потом ложится посреди корма, насыщенная, вполне довольная и спокойная, — так и народ Божий, когда Иисус Христос ведёт его на пастбища завета и открывает драгоценные истины, которыми будут питаться души. Возлюбленные, разве мы не испытали верность обещания: «И сделает Господь Саваоф на горе сей для всех народов трапезу из тучных яств, трапезу из вин на осадке, из тука костей и самых чистых вин»? Моя душа порою так насыщалась Христом, что мне казалось: больше я уже не в силах принять; тогда я ложился среди щедрот моего Бога, чтобы отдохнуть, насыщенный благоволением и исполненный благости Господней.

[10] Итак, вы видите: сама трава не лишена наставления для тех, кто склонит ухо.

[11] II. Во-вторых, в росте травы виден Бог. Прежде всего Он виден как Труженик: «Он *произращает* траву». Затем — как Попечитель: «Он произращает траву *для скота*».

[12] 1. Прежде всего Бога как *Труженика* можно увидеть в каждой травинке, если только у нас есть глаза, чтобы различить Его. Как слеп этот мир, постоянно говорящий о «законах природы» и о «действии естественных причин», но забывающий, что законы не могут действовать сами собой и что так называемые естественные причины вообще не являются причинами, если Первопричина не приведёт их в движение. Древние римляне говорили: *Бог* гремит; *Бог* посылает дождь. Мы говорим: *гремит*; *идёт дождь*. Но кто действует? Все эти выражения — уловки, позволяющие уклониться от мысли о Боге. Мы обычно говорим: «Как чудесны дела *природы*!» Что такое «природа»? Знаете ли вы, что такое *природа*? Помню одного уличного лектора, неверующего, рассуждавшего о природе; стоявший рядом христианин спросил, не объяснит ли он, что есть природа. Ответа тот так и не дал. Появление травы не есть результат естественного закона отдельно от действительной работы Бога; один только закон оставался бы бездейственным, если бы Сам великий Хозяин не посылал ток силы через материю, которой этот закон управляет, — если бы Сам Бог не был движущей силой, вращающей каждое колесо, подобно паровой машине, приводящей в действие все прядильные машины и колёса хлопчатобумажной фабрики. Теперь, зная, что мой Бог трудится здесь для Своих творений, я нахожу на траве отдых, словно на царском ложе.

13 Попросив вас увидеть Бога как Труженика, я хочу, чтобы вы применили это на деле; поэтому призываю вас видеть Бога в *обыденных вещах*. Он произращает траву, а трава — вещь обыкновенная. Вы видите её повсюду, и всё же Бог в ней. Рассеките её, разберите по частям: свойства Божии раскрываются в каждом полевом цветке и в каждом зелёном листе. Так же усматривайте Бога в своих повседневных делах, ежедневных скорбях, обычных радостях и каждодневных милостях. Не говорите: «Я должен увидеть чудо, прежде чем увижу Бога». Поистине всё изобилует чудесами. Видьте Бога в хлебе на своём столе и в воде своей чаши. Самой счастливой будет та жизнь, в которой при каждом обстоятельстве Провидения вы можете сказать: «Всё это сделал мой Отец». Видьте Бога и в *малых вещах*. Жизненные мелочи доставляют самые большие тревоги. Человек спокойнее услышит, что его дом сгорел, чем увидит на столе плохо приготовленный кусок мяса, когда ожидал, что тот будет прожарен в самый раз. Именно *маленький* камешек в башмаке заставляет паломника хромать. Видеть Бога в малом; верить, что в падении ветки вяза присутствие Божие столь же велико, как в лавине, сокрушающей деревню; верить, что каждая капля брызг, когда волна разбивается о скалу, направляется рукой Божией так же, как величайшая планета на своём пути; видеть Бога и в малом, и в великом — всё это истинная мудрость.

14 Подумайте и о том, как Бог трудится над *одинокими созданиями*; ведь трава растёт не только там, где люди ухаживают за ней, но и высоко на склоне одинокой альпийской горы, где не проходил ни один путник. Там, где лишь глаз дикой птицы видел их уединённую зелень, мох и трава раскрывают свою красоту, ибо Божии дела прекрасны и для иных глаз, кроме глаз смертных. И ты,

одинокое дитя Божие, живущее безвестно и незаметно в отдалённой деревушке, не забыто небесной любовью. Он растит траву в полном одиночестве — неужели не даст тебе процвести вопреки твоему одиночеству? Он может вырастить твои благодатные качества и воспитать тебя для небес в уединении и пренебрежении. По траве, как вы знаете, мы ходим; никто не думает о том, что нога её давит, — и всё же Бог даёт ей расти. Возможно, тебя угнетают и попирают, но пусть это не подавляет твоего духа: Бог творит праведный суд всем угнетённым. Он произращает траву и может дать твоему сердцу процветать среди всех притеснений и скорбей жизни, так что ты останешься счастливым и святым, хотя бы весь мир прошёл по тебе; ты по-прежнему будешь жить бессмертной жизнью, которую дарует тебе Сам Бог, хотя бы сам ад поставил на тебя свою пяту. Бедный и нуждающийся, безвестный, незамеченный, угнетённый и попираемый, — Бог произращает траву и позаботится о тебе.

[15] 2. Но я говорил, что в этом тексте нам следует увидеть Бога и как великого *Попечителя*. «Он произращает траву *для скота*». «О волах ли печётся Бог? Или, конечно, для нас говорится?» Слова «Не заграждай рта у вола молотящего» показывают, что Бог заботится о полевых животных; но они показывают и гораздо большее: Он желает, чтобы трудящиеся для Него питались во время труда. Бог заботится о животных и растит для них траву. Поэтому, душа моя, хотя иногда ты говорила вместе с Давидом: «Я был невежда и не разумел; как скот был я пред Тобою», — Бог всё же заботится о тебе. «Он даёт скоту пищу его и птенцам ворона, взывающим к Нему»: там мы видим Его заботу о птицах, здесь — о животных. И хотя тебе, слушатель мой, кажется, будто ты так же чёрен

и осквернён, как ворон, и так же далёк от всего духовно доброго, как животные, утешься этим текстом: Он даёт траву скоту и даст благодать тебе, хотя ты считаешь себя скотом перед Ним.

16 Заметьте: Он заботится об этих животных, *беспомощных* в заботе о самих себе. Скот не мог бы посеять траву или заставить её расти. Хотя животные ничего не могут сделать в этом деле, Он делает для них всё: *Он* произращает траву. Вы, столь же бессильные помочь себе, как скот, способные лишь стоять и стонать от своей беды, не зная, что делать, — Бог может упредить вас Своей милостью и обласкать Своей нежностью. Пусть блеяние вашей молитвы поднимется к небу, пусть стоны ваших желаний вознесутся к Нему — и помощь придёт, хотя вы не можете помочь себе сами. Животные — *немые, бессловесные существа*, и всё же Бог растит для них траву. Неужели Он слышит неспособных говорить и не услышит тех, кто может? Поскольку наш Бог с добрым вниманием смотрит на скот в поле, Он несомненно сжалится над Своими сыновьями и дочерьми, когда они пожелают искать лица Его.

17 Нужно сказать и вот что: Бог не только заботится о скоте, но и *пища*, которую Он даёт ему, — подходящая: Он произращает для скота *траву*, именно ту пищу, которая нужна жвачным животным. Так и Господь Бог даёт Своему народу подходящее пропитание. Полагайтесь на Него верой и ожидайте Его в молитве — и у вас будет потребная вам пища. В Божией милости вы найдёте именно то, чего требует ваша природа, — подходящее обеспечение особых нужд.

18 Эту «потребную» пищу Господь заботливо сохраняет для скота, ибо никто, кроме самого скота, его пищи не

ест. Трава предназначена животным, никому другому она не нужна, и потому она сберегается для них. Так и у Бога есть особая пища для Своего народа: «Тайна Господня — боящимся Его, и завет Свой Он открывает им». Хотя трава доступна всем, кто пожелает её есть, ни одно создание не желает её, кроме скота, для которого она приготовлена. И хотя благодать Божия доступна всем людям, никто не желает её, кроме избранных Божиих, для которых Он приготовил её и которых Сам приготовляет к её принятию. Трава так же надёжно сбережена для скота, как если бы была обнесена стенами; так и благодать Божия, хотя она свободна и вокруг неё не поставлено ограды, столь же надёжно сбережена, как если бы доступ к ней был ограничен.

19 В траве Бог виден как Труженик и Попечитель; поэтому *будем всегда видеть Его руку в Провидении*. Будем видеть её не только в изобилии, но и при скудных запасах: ведь трава приготовляется для скота даже в глубине зимы. И вы, дети скорби, в своих испытаниях и бедах по-прежнему находитесь под Божией заботой; Он исполнит в вас Свои Божественные благодатные замыслы — только успокойтесь и узрите спасение Божие. Каждая зимняя ночь прямо связана с радостными днями сенокоса и жатвы, и всякая пора скорби связана с будущей радостью.

20 III. Третья часть нашей темы особенно интересна. Божие дело выращивания травы для скота даёт нам образы, поясняющие благодать.

21 Я стану рассуждать сам с собой и, читая текст, скажу себе: «Он произращает траву для скота. Здесь я вижу обеспечение, вполне удовлетворяющее этот вид творения. Я тоже творение, но творение более благородное, чем

скот. Ни на мгновение не могу представить, что Бог даст скоту всё необходимое и не позаботится обо мне. Однако по природе я беспокоен; в этом мире я не нахожу нужного мне. Овладей я всеми его богатствами, я всё равно оставался бы недовольным; даже когда у меня есть всё, чего сердце могло бы пожелать из сокровищ времени, оно по-прежнему чувствует пустоту. Где-нибудь непременно должно быть нечто способное насытить меня как человека с бессмертной душой. Бог полностью удовлетворяет вола; значит, у Него должно быть нечто, что полностью удовлетворило бы меня, сумей я это получить. Вот трава: скот получает её, и, съев свою долю, животные ложатся и кажутся совершенно довольными. Но всё, что я когда-либо находил на земле, ещё ни разу не насытило меня настолько, чтобы я мог лечь и быть довольным; значит, где-то должно быть нечто, что удовлетворило бы меня, сумей я добраться до него». Разве это не здравое рассуждение? Я прошу и христианина, и неверующего пройти со мной хотя бы до этого места; но затем сделаем ещё шаг. Скот получает необходимое: трава не только приготовлена — он действительно её получает. Почему же и мне не получить то, что мне нужно? Я обнаруживаю, что душа моя алчет и жаждет чего-то большего, чем можно увидеть глазами или услышать ушами; должно быть нечто, способное насытить мою душу, — почему бы мне этого не найти? Скот пасётся на том, что удовлетворяет его; почему бы и мне не обрести насыщения? Тогда я начинаю молиться: «О Господи, насыть уста мои благами и обнови мою юность».

[22] Во время молитвы я размышляю: Бог приготовил для скота то, что соответствует его природе; животные — лишь плоть, а плоть — трава, поэтому для их плоти дана трава. Я тоже плоть, но вместе с тем и нечто большее: я

дух, и для насыщения мне нужна духовная пища. Где она? Обращаясь к Слову Божию, я нахожу: хотя трава засыхает, Слово Господне пребывает вовек; слова же, которые Иисус говорит нам, суть дух и жизнь. «О, — говорю я тогда, — вот духовная пища для моей духовной природы: буду радоваться ей». О, да поможет мне Бог узнать, что это за духовная пища, и даст овладеть ею, ибо я вижу: хотя Бог приготовляет траву для скота, *животные должны есть её сами*. Если они отказываются есть, они не питаются. Мне следует подражать скоту и принимать приготовленное для меня Богом. Что нахожу я приготовленным в Писании? Мне сказано, что Господь Иисус пришёл в этот мир страдать, пролить кровь и умереть вместо меня и что, если я доверюсь Ему, буду спасён; а когда буду спасён, мысли о Его любви станут давать мне утешение и радость и будут моей силой. Что мне остаётся делать, как не питаться этими истинами? Я не вижу, чтобы скот приносил на пастбище какую-либо подготовку, кроме голода: животные входят и принимают свою долю. Так и мне следует действием веры жить Иисусом. Господи, дай мне благодать питаться Христом; сделай меня алчущим и жаждущим Его; дай мне веру, которой я смогу принять Его, чтобы насытиться благоволением и исполниться благости Господней.

[23] Наш текст, казавшийся маленьким, растёт, когда мы размышляем над ним. Я хочу познакомить вас ещё с несколькими образами Божественной благодати. *Здесь можно увидеть образ предваряющей благодати.* Трава выросла прежде, чем был создан скот. В первой главе Бытия мы находим, что Бог приготовил траву до сотворения животных. И какая милость, что всё предусмотренное заветом для народа Божия было приготовлено ещё до их рождения! Бог отдал Своего Сына

Иисуса Христа как Спасителя Своих избранных прежде, чем пал Адам; задолго до появления греха в мире вечное милосердие Божие предвидело греховную погибель и приготовило убежище для каждой избранной души. Какая для меня мысль: прежде, чем я проголодаюсь, Бог приготовил манну; прежде, чем почувствую жажду, Бог повелел скале в пустыне источить кристальные потоки, чтобы утолить жажду моей души! Посмотрите, что может совершить владычественная благодать! До прихода скота на пастбище для него выросла трава, и прежде, чем я почувствую нужду в Божественной милости, эта милость уже приготовлена для меня. Затем я вижу образ безвозмездной благодати: *приходя на поле, вол не приносит с собой денег*. Так и я, бедный нуждающийся грешник, ничего не имея, прихожу и принимаю Христа без серебра и без платы. Господь произращает траву для скота и так же приготовляет благодать для моей нуждающейся души, хотя у меня сейчас нет ни денег, ни добродетели, ни собственного достоинства.

[24] Но почему, друзья мои, почему Бог даёт скоту траву? Потому, что *животные принадлежат Ему*. Вот подтверждающий это текст: «Моё серебро и Моё золото, и скот на тысяче гор». Бог приготовляет траву для Своего скота, а благодать — для народа Божия. О каждом стаде в мире Бог мог бы сказать: «Они Мои». Задолго до того, как скотовод выжжет на быке своё клеймо, Бог уже поставил на нём Свою печать Творца; так и прежде, чем печать падения Адама легла на наше чело, там была поставлена печать избирающей любви: «В Твоей книге были записаны все члены мои, которые образовались со временем, когда ни одного из них ещё не было».

25 Бог питает скот также потому, что *заключил с ним завет поступать так*. «Как! Завет со скотом?» — скажет кто-нибудь. Да, именно так. Когда Бог говорил Своему рабу Ною в тот день, когда весь скот вышел из ковчега, мы слышим Его слова: «Я поставляю завет Мой с вами и с потомством вашим после вас, и со всякою душою живою, которая с вами, с птицами и со *скотами*, и со всеми зверями земными, которые у вас». Так был заключён завет со скотом, и в этом завете обещалось, что сеяние и жатва не прекратятся; поэтому земля производит для животных пищу и для них Господь произращает траву. Неужели Иегова соблюдает Свой завет со скотом и не соблюдёт завета со Своими возлюбленными? Ах, именно потому, что Его избранный народ состоит в завете с Ним в лице Господа Иисуса, Он даёт им всё необходимое во времени и в вечности и насыщает их из полноты Своей вечной любви.

26 И ещё: Бог питает скот, а затем *скот хвалит Его*. В сто сорок восьмом псалме Давид говорит: «Хвалите Господа… звери и весь скот». Господь питает Свой народ для того, чтобы слава их воспевала Его и не умолкала. Когда другие создания воздают Богу славу, пусть особенно провозгласят это искупленные Господом, которых Он избавил из руки врага.

27 Но и теперь наш текст ещё не исчерпан. На минуту отвратившись от скота, обратите внимание на траву. О ней сказано: «*Он произращает* траву». Здесь — урок вероучения: если трава не растёт без того, чтобы Бог давал ей расти, как могла бы благодать возникнуть в человеческом сердце без Божественного действия? Несомненно, благодать — гораздо более удивительное произведение Божественной премудрости, чем трава! И

если трава не растёт без Божественной причины, будьте уверены: благодать не обитает в нас без Божественного насаждения. Если во мне растёт хотя бы одна травинка благодати, я должен всецело возвести её к Божественной воле Бога и отдать Ему всю славу.

28 И ещё: если Бог считает достойным Своего труда создавать траву и заботиться о ней, тем более сочтёт Он делом Своей славы взращивать благодать в наших сердцах. Если великий невидимый Дух, Чьи мысли высоки и возвышенны, снисходит до заботы о скромном создании, растущем у изгороди, то несомненно снизойдёт и до попечения о Своей собственной природе, которую называет «нетленным семенем, живущим и пребывающим вовек». Мунго Парк в пустынях Африки нашёл великое утешение, подняв небольшой клочок мха и увидев мудрость и силу Бога в этой одинокой зелёной красоте. Так и ваши сердца, когда вы увидите поля, созревшие и готовые встретить косаря, должны взыграть от радости при виде того, как Бог вырастил траву, заботясь о ней на протяжении суровых зимних холодов и зябких весенних месяцев, пока наконец не послал благодатный дождь и солнечный свет и не привёл поля в наилучшее состояние. И так же, душа моя, хотя ты, возможно, претерпишь немало заморозков скорби и долгую зиму испытания, Господь всё же даст тебе возрастать в благодати и в познании Господа нашего и Спасителя Иисуса Христа, Которому слава вовек. Аминь.

Радость жатвы

[1] «Они веселятся пред Тобою, как веселятся во время жатвы». — Исаия 9:3.

[2] На днях я праздновал вместе с людьми, восклицавшими: «Урожай убран!» Мне было радостно видеть, как богатые и бедные веселятся вместе; когда же весёлая трапеза закончилась, я с радостью превратил один из столов в кафедру и в большом амбаре проповедовал внимательным слушателям Евангелие вечно благословенного Бога. Сердце моё было весело в согласии с поводом, и теперь я продолжу в том же тоне, немного поговорив с вами о радости жатвы. Лондонцы забывают, что настало время жатвы: живя в этой огромной пустыне закопчённых кирпичей, мы едва знаем, как выглядит пшеничный колос, разве что видим его сухим и побелевшим в окне лавки торговца зерном. И всё же будем помнить: есть такая пора — жатва, когда по благости Божией собирают плоды земли.

[3] Что это за радость жатвы, которая здесь служит подобием радости святых перед Богом? Боюсь, для людей всецело себялюбивого склада радость жатвы состоит лишь в личном удовольствии от прироста богатства. Иногда земледелец радуется только потому, что *видит награду за свои труды* и становится настолько-то богаче. Надеюсь, у многих к этому примешивается вторая причина радости: благодарность Богу за то, что обильный урожай даст хлеб бедным и устранит жалобы с наших улиц. Несомненно, человеку, которого жатва обогащает, позволено радоваться ей: каждый, кто усердно трудится, имеет право радоваться, достигнув наконец желаемого. Хорошо было бы людям всегда помнить, что их последняя

и величайшая жатва будет соответствовать их труду. Сеющий в плоть от плоти пожнёт тление, и лишь сеющий в дух от духа пожнёт жизнь вечную. Многие юноши начинают жизнь с посева того, что называют диким овсом, — с юношеского разгула; лучше бы им никогда его не сеять, ибо он принесёт страшную жатву. Юноша ожидает собрать с этого дикого овса урожай истинного удовольствия, но это невозможно: самые подлинные радости жизни вырастают из доброго семени праведности, а не из ядовитого болиголова греха. Как посеявший в своих бороздах чертополох не должен ожидать золотого пшеничного снопа, так и идущий путями порока не должен ожидать счастья. Напротив, если он сеет ветер, пожнёт бурю. Когда грешник чувствует угрызения совести, он вправе сказать: «Вот что я посеял». Когда же он наконец получит наказание за свои злые дела, ему будет некого винить, кроме самого себя: он сеял плевелы и должен пожать плевелы. С другой стороны, христианин, хотя спасение его не от дел, а от благодати, получит от своего Господина благодатную награду. Сея со слезами, он будет пожинать с радостью. Отдав свои таланты в рост, он войдёт в радость Господина своего и услышит: «Хорошо, добрый и верный раб». Радость жатвы отчасти состоит в вознаграждении труда; пусть такой будет и наша радость в служении Господу.

4 Есть в радости жатвы и другая составляющая — *благодарность Богу за дарованные милости*. Мы необычайно зависим от Бога — гораздо больше, чем большинство из нас представляет. Когда дети Израиля были в пустыне, они каждое утро выходили и собирали манну. Наша манна приходит не каждое утро, а раз в год. Но она столь же небесное обеспечение, как если бы лежала инеем вокруг стана. Если бы мы выходили в поле

и собирали пищу, упавшую из облаков, мы считали бы это великим чудом; но разве не столь же велико чудо, что наш хлеб поднимается из земли, вместо того чтобы спускаться с неба? Тот же Бог, Который повелевал небесам ронять ангельскую пищу, повелевает косной земле в положенный срок давать хлеб человечеству. Поэтому, всякий раз видя наступление жатвы, будем благодарны Богу и не позволим этой поре пройти без благодарственных псалмов. Думаю, я не ошибусь, сказав, что в мире, как правило, никогда не бывает запаса пищи более чем на шестнадцать месяцев; то есть после уборки урожая запас может составлять шестнадцать месяцев, а к поре жатвы во всём мире обычно нет столько пшеницы, чтобы её хватило населению больше чем на четыре-пять месяцев. Поэтому, если бы урожай не пришёл, мы оказались бы на краю голода. Мы по-прежнему живём от одного пропитания до другого. Остановимся же и благословим Бога; пусть радость жатвы станет радостью благодарности.

5 Для христианина жатва должна быть великой радостью ещё и потому, что даёт *уверение в верности Бога*. Господь обещал, что сеяние и жатва, лето и зима никогда не прекратятся; и, видя гружёную повозку с урожаем, вы можете сказать себе: «Бог верен Своему обещанию. Несмотря на унылую зиму и сырую весну, пришла осень со своим золотым зерном». Будьте уверены: как Господь соблюдает это обещание, так соблюдёт и все остальные. Все Его обетования — «да» и «аминь» во Христе Иисусе; если Он хранит завет с землёй, тем более сохранит завет со Своим народом, который возлюбил вечной любовью. Иди, христианин, к престолу милости с обещанием на устах и ссылайся на него в молитве. Будь уверен: это не мёртвая буква. Пусть неверие не заставляет тебя

запинаться, когда ты упоминаешь обещание перед престолом; говори смело: «Исполни это слово рабу Твоему, на которое Ты повелел мне уповать». Стыд нам, что мы так мало верим своему Богу! Мир полон доказательств Его благости. Каждый восход солнца, каждый дождь, каждая смена времён года свидетельствуют о Его верности. Зачем же мы сомневаемся в Нём? Если не станем сомневаться, пока не получим к тому основания, то больше никогда не узнаем недоверия. Ободрённые возвращением жатвы, решимся в силе Духа Божия не колебаться, но верить Божественному слову и радоваться ему.

6 И ещё: для христианина радость жатвы всегда будет включать *радость ожидания*. Как земледельца ждёт жатва, которой он терпеливо ожидает, так есть жатва и для всех верно ожидающих пришествия и явления Господа нашего и Спасителя Иисуса Христа. Зрелый христианин, как спелый колос, склоняет голову в святом смирении. Пока он был ещё зелен в Божиих делах, он стоял прямо и несколько хвастался; теперь же, исполнившись благословения Господня, смиряется от этого и склоняется. Он ожидает серпа и не страшится его, ибо собирать народ Христов придёт не обычный жнец: Сам Христос пожнёт жатву мира. Господь оставляет ангелу-губителю собирать виноград и бросать его в точило, чтобы истоптать в возмездии; но хлеб, который посеял Сам, Он Сам и соберёт Своим золотым серпом. Этого мы ожидаем. Мы растём среди плевелов и порой почти боимся, что плевелы окажутся сильнее нас и заглушат пшеницу; но в своё время нас отделят, и, когда зерно хорошо провеют и уберут в житницу, мы будем там. Именно это ожидание уже теперь заставляет наши сердца трепетать от радости. Мы приходили к могиле с

драгоценными снопами, принадлежавшими нашему Господину, и там нам казалось, что мы почти можем сказать: «Господи, если они уснули, то будут здоровы. Умрём и мы с ними». Наша радость жатвы — надежда на покой со всеми святыми и на вечное пребывание с Господом. Вид этих земных жатв, являющихся лишь тенью, должен чрезвычайно радовать нас, ибо они — образ и предзнаменование вечной жатвы в вышине.

[7] Довольно о радости жатвы; я спешу дальше. Какие же радости верующего подобны радости жатвы? Распространено мнение, будто христиане — несчастный народ. Верно, что мы проходим испытания, но неверно, будто мы несчастны. При всех своих испытаниях верующие имеют в любви Христовой такое возмещение, что остаются благословенным родом, и о них можно сказать: «Блажен ты, Израиль!»

[8] Одной из первых пор, когда мы узнали радость, равную радости жатвы, — и эта пора, однажды начавшись, продолжается с нами, — было то время, *когда мы нашли Спасителя* и тем обрели спасение. Братья и сёстры, вы сами помните время вспашки ваших душ. Моё сердце было залежью, покрытой сорняками; но однажды пришёл великий Земледелец и начал пахать мою душу. В Его упряжке было десять чёрных коней, лемех Его был остёр, и пахари провели глубокие борозды. Этими чёрными конями были десять заповедей, а правосудие Божие, словно лемех, разрывало мой дух. Я был осуждён, сокрушён, разрушен, потерян, беспомощен, безнадёжен — мне казалось, впереди ад. Затем пришла поперечная вспашка: когда я шёл слушать Евангелие, оно не утешало меня. Оно заставляло желать участия в нём, но я боялся, что такое благо для меня невозможно. Лучшие обещания

Божии хмурились на меня, а Его угрозы гремели надо мной. Я молился, но не находил ответа мира. Так продолжалось долго. После вспашки пришёл посев. Бог, вспахавший сердце, дал ему осознать нужду в Евангелии, и евангельское семя было принято с радостью. Помните ли вы тот счастливый день, когда у вас наконец стала появляться маленькая надежда? Она была очень мала — как зелёный росток, выглядывающий из земли; вы едва понимали, трава это или хлеб, самонадеянность или истинная вера. Надежда была мала, но росла очень отрадно. Увы, пришёл мороз сомнения; выпал снег страха; на вас подули холодные ветры уныния, и вы сказали: «Для меня надежды быть не может». Но каким славным был тот день, когда посеянная Богом пшеница наконец созрела и вы могли сказать: «Я воззрел на Него и просветился; я возложил свои грехи на Иисуса, куда Бог возложил их прежде, — и они сняты, и я спасён». Я хорошо помню тот день, и, несомненно, многие из вас тоже. О друзья! Ни один земледелец не восклицал от радости так, как наше сердце, когда драгоценный Христос стал нашим и мы смогли ухватиться за Него с полной уверенностью в спасении в Нём. С тех пор прошло много дней, но та радость для нас по-прежнему свежа. И, благословен Бог, мы оглядываемся не только на радость первого дня: в большей или меньшей мере это радость каждого последующего дня, ибо нашей радости никто не отнимет у нас; мы по-прежнему ходим во Христе, как и приняли Его. И сейчас вся наша надежда опирается на Него, всю нашу помощь мы берём у Него; наши радость и мир остаются с нами, потому что основаны на неподвижном основании. Мы радуемся в Господе — да, и будем радоваться.

9 Радость жатвы обычно выражается в том, что земледелец устраивает пир для друзей и соседей; и те, кто находит Христа, обычно выражают радость, рассказывая друзьям и соседям, какие великие дела Господь совершил для них. Благодать Божия стремится сообщаться другим. Человек не может быть спасён и всегда молчать об этом; с тем же успехом можно искать немые хоры на небе, что и безгласную Церковь на земле. Если человек жаждал и пришёл к живому потоку, первым его побуждением будет воскликнуть: «Эй, всякий жаждущий!» Чувствуете ли вы радость жатвы — радость, побуждающую желать, чтобы другие разделили её с вами? Если да, не подавляйте порыва провозгласить своё счастье. Говорите о Христе братьям и сёстрам, друзьям и родным; пусть речь запинается — сама весть настолько важна, что слова, в которые вы её облечёте, будут делом второстепенным. Рассказывайте, возвещайте повсюду: есть Спаситель, вы нашли Его, и Его кровь может смыть беззаконие. Говорите об этом везде — и так радость жатвы распространится по суше и морю, а Бог будет прославлен.

10 Есть у нас и другая радость, подобная радости жатвы, и испытываем мы её нередко: это *радость полученного ответа на молитву*. Надеюсь, вы знаете, что значит молиться с верой. Иная молитва не стоит даже слов, которыми произнесена, потому что к ней не примешана вера. «При всяком приношении твоём приноси соль»; если мы хотим, чтобы наши жертвы были приняты, необходима соль веры. Кто знаком с престолом милости, знает: молитва — действительность, и учение о Божественных ответах на неё — не вымысел. Иногда Бог по мудрым причинам медлит с ответом; тогда Его детям нужно взывать, взывать и снова взывать. Они находятся в

положении земледельца, которому приходится ждать драгоценных плодов земли; когда же ответ наконец приходит, они подобны земледельцу, получившему урожай. Вспомните плач Анны и слово Анны. В горечи души она воззвала к Богу, а когда ей был дан ребёнок, назвала его «Самуил», то есть «испрошенный у Бога», ибо сказала: «Об этом ребёнке я молилась». Он был дорог ей, потому что был ребёнком молитвы. Всякая милость, приходящая к вам в ответ на молитву, станет вашей милостью-Самуилом, вашей любимой милостью. Вы скажете о ней: «Об этой милости я молился», — и она принесёт вашему духу радость жатвы. Если Господь желает удивить Своих детей, Ему достаточно ответить на их молитвы, ибо большинство из них изумилось бы, получив ответ на свои прошения. Я знаю, как они говорят об ответах на молитву: «Как необыкновенно! Как удивительно!» — словно необыкновенно то, что Бог истинен и Всевышний соблюдает Своё обещание. О, если бы больше веры, чтобы опереться на Его слово! Тогда у нас было бы больше таких радостей жатвы.

11 Ещё одну радость жатвы мы испытываем в себе, *когда побеждаем искушение*. Мы знаем, что значит порою оказаться под тучей: грех внутри нас поднимается с омрачающей силой или внешнее бедствие заволакивает нас, и мы теряем ясную дорогу, по которой привыкли идти. В такое время дитя Божие громко взывает о помощи, ибо боится и самого себя, и своего окружения. Некоторые из народа Божия неделями и месяцами подвергались двойному искушению — извне и изнутри — и взывали к Богу в горькой муке. Борьба была очень тяжёлой; греховный поступок был изображён в весьма соблазнительных красках, и голос искушения, словно голос сирены, почти очаровал их. Но когда они наконец

прошли долиной смертной тени и ноги их не поскользнулись; когда Аполлион всё же не погубил их и они вновь вышли на дневной свет, — они чувствуют неизреченную радость, по сравнению с которой радость жатвы лишь детское веселье. Глубокую радость знают те, кто испытал горькую скорбь. Чувствуя, что борьба сделала его сильнее, что, пройдя испытание, он приобрёл опыт и более крепкую веру, человек возносит сердце и радуется радостью жатвы — не в себе, а перед своим Богом. Возлюбленные братья, вы знаете, что это значит.

[12] Бывает радость жатвы и тогда, *когда нам дано принести пользу*. Главное стремление каждого христианина — быть полезным. Внутри нас должна гореть ревность о славе Божией. Когда человек, желающий приносить пользу, составил планы и принялся за дело, он начинает ожидать результатов; но, возможно, прежде чем они придут, пройдут недели или годы. Труженика нельзя винить за то, что плодов ещё нет; но следует винить, если он доволен отсутствием плодов. Проповедник может проповедовать без обращений — и кто его обвинит? Но если он этим доволен, кто его оправдает? Нам надлежит сокрушать собственные сердца, если благодатью Божией мы не можем сокрушить чужие; если другие не плачут о своих грехах, нам следует постоянно плакать о них. Когда сердце становится усердным, горячим, ревностным, Бог обычно дарует некоторый успех: одним — в пятьдесят, другим — во сто крат. И когда успех приходит, это поистине радость жатвы. Не могу удержаться от достаточной доли разговора о себе, чтобы упомянуть радость, испытанную мной, когда я впервые услышал: душа обрела мир через моё юношеское служение. Несколько воскресений я проповедовал в деревне перед растущим собранием, но ни об одном обращении ещё не

слышал и думал: «Возможно, Бог не призвал меня. Он не предназначил мне проповедовать, ибо иначе дал бы мне духовных детей». Однажды в воскресенье мой добрый диакон сказал: «Не унывайте. На прошлой неделе одна бедная женщина получила впечатление ко спасению». Как вы думаете, сколько времени прошло до моей встречи с ней? Ровно столько, сколько понадобилось, чтобы дойти до её домика. Мне не терпелось услышать из её собственных уст, было ли это делом Божией благодати. Я всегда смотрел на неё с участием, хотя она была всего лишь женой бедного работника, — до тех пор, пока после святой жизни она не была взята на небо. С тех пор я радовался в Господе о многих, но та первая печать моего служения была особенно дорога мне. Она дала мне глоток радости жатвы. Если бы кто-нибудь оставил мне состояние, оно не принесло бы и сотой доли того восторга, который я испытал, узнав, что душа приведена к Спасителю. Я уверен: христиане, не имеющие этой радости, упустили одно из лучших услаждений, доступных верующему по эту сторону неба. В самом деле, видя спасаемые души, я не завидую ни престолу Гавриила, ни арфам ангелов. Для нас будет небом на время остаться вне неба, если только мы сможем привести других к познанию Спасителя и тем добавить новые драгоценные камни к венцу Искупителя.

[13] Упомяну ещё одно услаждение, подобное радости жатвы: *общение с Господом Иисусом Христом*. Это скорее предмет опыта и наслаждения, чем речи. Когда мы пытаемся рассказать, что такое общение со Христом, нам это не удаётся. Соломон, мудрейший из людей, вдохновлённый написать об общении Церкви с её Господом, был вынужден писать иносказаниями и образами; и хотя для духовного ума Песнь песней всегда

восхитительна, плотскому уму она кажется лишь любовной песней. Душевный человек не различает того, что от Бога, ибо это духовно и может быть понято только духовно. Но, о, какое блаженство знать, что Христос — ваш, и вступать в близкое общение с Ним! Вложить свою руку Ему в бок, а палец — в раны от гвоздей: это не каждодневные радости. Но когда такие близкие и дорогие общения приходят к нам в дни торжества и святые праздники, они делают наши души подобными колесницам Аминадава, или, если угодно, заставляют попрать ногами мир и всё, что земля называет добрым или великим. Наше положение ничего для нас не значит, если Христос с нами: Он — наш Бог, наше утешение и всё наше, и мы радуемся перед Ним, словно радостью жатвы.

[14] У меня нет времени распространяться дальше, ибо я хочу закончить ещё одним практическим словом. Многие из нас напряжённо желают жатвы, которая принесла бы нам сильнейшую радость. В последнее время разные люди разными способами сообщали мне о глубоком чувстве жалости к человеческим душам, которое испытывают. Другие из нас почувствовали таинственное побуждение молиться больше прежнего и горячее, чем когда-либо, желать, чтобы Христос спас бедных погибающих грешников. Мы не успокоимся, пока в этой стране не произойдёт основательное пробуждение. Не мы породили это чувство в своих умах и не желаем его подавлять. Мы не верим, что его можно подавить: другие тоже почувствуют эту небесную любовь и будут вздыхать и взывать к Богу день и ночь, пока не придёт благословение. Это посев, это вспашка, это боронование — пусть дело дойдёт до жатвы! Я жажду услышать, как все мои братья и сёстры говорят: «Мы исполнены муки, мы страдаем, пока души не будут спасены». Крик Рахили

«Дай мне детей, а если не так, я умираю» — сегодня крик вашего служителя и желание многих тысяч других. По мере усиления этого желания приближается пробуждение. У нас должны родиться духовные дети для Христа, иначе наши сердца разорвутся от жажды их спасения. О, если бы больше этих стремлений, томлений, жажды и родовых мук! Если мы будем умолять, пока не придёт жатва пробуждения, то разделим её радость.

15 Кто получит больше всего радости? Те, кто больше всего заботился об этом. Вы, не молящиеся наедине и не приходящие на молитвенные собрания, не будете иметь этой радости, когда придёт благословение и Церковь умножится. Вы не участвовали в посеве, поэтому мало будете участвовать и в жатве. Вы, никогда не говорящие с другими об их душах, не участвующие ни в воскресной школе, ни в миссионерском труде, а лишь едящие тучное и пьющие сладкое, — не получите радости жатвы, потому что не прилагаете рук к делу Господню. И кому хотелось бы, чтобы праздные были счастливы? Скорее, в своей ревности и рвении мы склонны сказать: «Прокляните Мероз, прокляните горько жителей его за то, что не пришли на помощь Господу, на помощь Господу против сильных». Если вы придёте на помощь Господу силой Его собственного Божественного Духа, то разделите радость жатвы. Возможно, никто не получит больше этой радости, чем те, кому будет даровано увидеть своих дорогих близких приведёнными к Богу. У некоторых из вас есть дети, которые становятся испытанием всякий раз, когда вы о них думаете; пусть они будут таким испытанием, которое побудит вас непрестанно молиться за них, — и, если придёт благословение, почему бы ему не сойти на них? Если придёт пробуждение, почему бы вашей дочери ещё не обратиться, вашему непутёвому сыну не прийти,

или даже вашему седому отцу, который был скептиком и неверующим, — почему бы благодати Божией не прийти к нему? И о, какая радость жатвы будет у вас тогда! Какое блаженство пронзит ваш дух, когда вы увидите соединёнными со Христом, вашим Господом, тех, кто связан с вами узами крови! Много молитесь за них с горячей верой, и вы ещё узнаете радость жатвы в собственном доме, возглас праздника уборки урожая в собственной семье.

16 Возможно, слушатель мой, ты мало причастен к такой радости, потому что сам ещё не спасён. И всё же для необращённого человека великое благо — находиться под служением, которое благословляет Бог, среди людей, молящихся об обращениях. Счастье для тебя, юноша, иметь мать-христианку. Великое благо для тебя, необращённая женщина, иметь благочестивую сестру. Это даёт нам надежду за вас. Пока ваши родные молятся, мы надеемся за *вас*. Пусть Господь Иисус ещё станет вашим. Но, о, если вы останетесь неверующими, сколь богатое благословение ни придёт к другим, *вам* оно не принесёт улучшения. «Если захотите и послушаетесь, то будете вкушать блага земли»; но некоторые, возможно, станут жалобно восклицать: «Прошла жатва, кончилось лето, а мы не спасены». Замечено, что те, кто проходит через пору пробуждения и остаётся необращённым, становятся более ожесточёнными и невосприимчивыми, чем прежде. Думаю, это так; поэтому я молю Божественного Духа прийти с такой силой, чтобы никто из вас не избежал Его воздействия. Да будете вы побуждены молиться:

17 «Не пройди меня, о могучий Дух!
Ты можешь дать слепому зрение;

Свидетель заслуги Иисуса,
Скажи властное слово и мне,
Да, и мне».
«Долго ли я спал во грехе,
Долго ли пренебрегал Тобой и огорчал Тебя?
Мир ли удерживал моё сердце?
О, прости и спаси меня,
Да, и меня».

[18] О, если бы все верующие во всём мире возносили горячую, неотступную молитву! Если бы наши церкви пробудились к непрестанному, сильному воплю к Богу и не давали Ему покоя, пока Он не сделает Сион славой на земле, мы могли бы ожидать пришествия Царства Божия и падения власти сатаны. Всех вас, любящих Христа, заклинаю Его дорогим именем: пребывайте много в молитве. Всех вас, любящих Церковь Божию и желающих ей процветания, умоляю: не отступайте в эту пору прошения. Да даст вам Господь молиться, пока не будет дарована радость жатвы. Помните, как однажды в воскресенье я сказал: «Пусть Господь поступит с вами так, как вы будете поступать с Его делом в течение следующего месяца»? Мне кажется, так и будет со многими из вас: Господь поступит с вами так, как вы поступите с Его Церковью. Мало рассеете — мало получите; мало будете молиться — мало получите благоволения. Но если у вас будут ревность и вера, если вы будете много умолять Господа и много трудиться для Него, Он воздаст вам в лоно мерой доброй, утрясённой и переполненной. Если вы орошаете других каплями, капли получите и в ответ; но если Дух поможет вам изливать из собственной души реки живой воды, тогда потоки небесной благодати польются в ваш дух. Да приведёт Бог

необращённых и направит их к простому доверию Иисусу; тогда и они узнают радость жатвы. Просим об этом ради Его имени. Аминь.

Собирание духовных колосьев

[1] «Пусть подбирает и между снопами, и не обижайте её». — Руфь 2:15.

[2] Сельским друзьям не нужно объяснять, что значит подбирать колосья. Надеюсь, этот обычай никогда не исчезнет из нашей страны и бедным всегда будут позволять брать свою малую долю урожая. Боюсь, многие, ежегодно видящие сбор оставшихся колосьев на полях своего прихода, ещё недостаточно мудры, чтобы понять небесное искусство духовного собирания колосьев. Эту тему я избрал на нынешний раз, а текст взял из прелестной истории Руфи, известной каждому из вас. Я воспользуюсь этой историей, чтобы просто, но поучительно изобразить наше собственное положение. Во-первых, мы заметим, что есть *великий Земледелец*: в случае Руфи это был Вооз, в нашем случае Земледелец — наш Небесный Отец. Во-вторых, обратим внимание на *смиренную собирательницу колосьев*: в этой истории ею была Руфь, но в ней можно видеть представительницу каждого верующего. И, в-третьих, здесь есть *милостивое разрешение*, данное Руфи: «Пусть подбирает и между снопами, и не обижайте её», — и в духовном смысле то же разрешение дано нам.

[3] I. Во-первых, Бог всей земли — великий Земледелец. Это верно в отношении *природных* вещей. В действительности все сельские работы совершаются Его силой и мудрым устроением. Человек может пахать почву и сеять семя, но, как сказал Иисус, «Отец Мой — виноградарь». Он назначает облакам их место и отмеряет солнечный свет; направляет ветры и распределяет росу и дождь; Он даёт также мороз и тепло и так, посредством различных

природных процессов, производит пищу для человека и животных. Однако всё земледелие Божие служит благу других, никогда не Его собственному. Он не нуждается ни в одном из наших сельских трудов. Если бы Он взалкал, то не сказал бы нам. «Скот на тысяче гор, — говорит Он, — Мой». В сердце Божием обитают чистейшая доброта и благожелательность. Хотя всё принадлежит Богу, Его дела в творении и Провидении совершаются не для Него Самого, а для Его созданий. Это должно весьма ободрять нас в доверии Ему.

[4] И в *духовном* Бог — великий Земледелец; и здесь все Его дела совершаются для Его детей, чтобы они питались лучшей пшеницей. Позвольте мне рассказать о широких евангельских полях, которые наш Небесный Отец возделывает на благо Своих детей. Эти поля весьма разнообразны и все плодоносны, ибо «источник Иакова — на земле хлеба и вина, и небеса его каплют росу» (Второзаконие 33:28). Каждое поле, возделываемое нашим Небесным Отцом, приносит обильную жатву, ибо у Него нет ни неурожаев, ни голода.

[5] 1. Одна часть Его хозяйства называется *Полем учения*. Какие полные снопы лучшей пшеницы можно найти там! Тот, кому позволено собирать на нём колосья, наберёт хлеба довольно и с избытком, ибо земля производит горстями. Посмотрите на прекрасный сноп избрания: он поистине полон тяжёлых колосьев, подобных тем, которые фараон видел в первом сне, — полных и крепких. Вот великий сноп стойкости до конца, где каждый колос — обещание, что дело, начатое Богом, Он непременно завершит. Если нам недостаёт веры, чтобы питаться от одного или другого из этих снопов, можно подбирать колосья вокруг отборных снопов искупления кровью

Христа. Многие бедные души, неспособные питаться избирающей любовью или осознавать своё пребывание во Христе до конца, всё же могут питаться искупительной жертвой и радоваться возвышенному учению о заместительстве. Многочисленны и богаты снопы, тесно стоящие на Поле учения; обмолоченные размышлением и перемолотые на мельнице мысли, они дают царскую пищу семье Господней.

6 Удивляюсь, почему некоторые распорядители нашего Господина так склонны запирать ворота этого поля, словно считают его опасной землёй. Что до меня, я желаю, чтобы мои слушатели не только подбирали здесь колосья, но и увозили домой целые возы снопов: когда пища — истина, слишком хорошо накормить их невозможно. Неужели мои соработники боятся, что Иешурун утучнеет и станет брыкаться, если получит слишком много пищи? Боюсь, куда вероятнее, что он умрёт от голода, если лишить его хлеба здравого учения. Если мы любим заповеди и предостережения Слова, нам незачем бояться вероучения; напротив, следует исследовать его и с радостью питаться им. Учения о благодати избрания нужно излагать в должном соотношении с остальным Словом, и бедны те кафедры, с которых исключены эти великие истины. Мы не должны удерживать народ Господень за пределами этого поля. Я говорю: распахните ворота, входите все, кто является детьми Божиими! Я уверен: на поле моего Господина не растёт ничего, что повредит вам. Евангельское учение всегда безопасно. Можете пировать на нём досыта — вреда не будет. Не бойтесь ни одной открытой Богом истины. Бойтесь духовного невежества, но не святого знания. Возрастайте в благодати и в познании Господа нашего и Спасителя Иисуса Христа. Всё, чему учит Слово

Божие, предназначено для изучения христианином, поэтому ничем не пренебрегайте. Ежедневно посещайте Поле учения и подбирайте на нём колосья с величайшим усердием.

[7] 2. У великого Земледельца есть другое поле — *Поле обещаний*. О нём мне не придётся много говорить, ибо надеюсь, вы часто заходите туда и собираете на нём колосья. Давайте лишь возьмём один-два колоса из какого-нибудь снопа и покажем вам, чтобы побудить вас остаться там на весь долгий день, а вечером унести домой богатую ношу. Вот колос: «Горы сдвинутся и холмы поколеблются, а милость Моя не отступит от тебя, и завет мира Моего не поколеблется». Вот другой: «Будешь ли переходить через воды, Я с тобою, — через реки ли, они не потопят тебя; пойдёшь ли через огонь, не обожжёшься, и пламя не опалит тебя». Вот ещё один: стебель короток, но колос тяжёл — «Достаточно для тебя силы Моей». У следующего длинная соломина, но он очень богат зерном: «Да не смущается сердце ваше; веруйте в Бога, и в Меня веруйте. В доме Отца Моего обителей много; а если бы не так, Я сказал бы вам: Я иду приготовить место вам. И когда пойду и приготовлю вам место, приду опять и возьму вас к Себе, чтобы и вы были, где Я». Какие слова: «Приду опять»! Да, возлюбленные, о Поле обещаний мы можем сказать то, чего нельзя сказать ни об одном акре во всей Англии: оно так богато, что богаче быть не может, и на нём столько колосьев, что ещё один уже не вставишь. Как поёт поэт:

> [8] «Что ещё может Он сказать сверх сказанного вам —
> Вам, прибегшим к Иисусу за убежищем?»

9 Собирайте на этом поле, бедные и нуждающиеся, и никогда не думайте, будто вы непрошеные гости. Всё поле ваше, каждый его колос; можете вытягивать их из самих снопов, и чем больше берёте, тем больше вам позволено.

10 3. Есть также *Поле установлений*; на нём растёт много доброй пшеницы. Поле Крещения оказалось чрезвычайно плодоносным для некоторых из нас, ибо изобразило нам нашу смерть, погребение и воскресение во Христе, и так мы получили ободрение и наставление. Нам было полезно объявить себя стоящими на стороне Господа, и мы нашли, что в соблюдении Его заповедей великая награда. Но я не стану долго удерживать вас на этом поле, потому что некоторые наши друзья считают его почву слишком сырой; желаю им больше света и благодати. Однако перейдём на поле Вечери, где растёт самый лучший хлеб нашего Господа. Какими богатствами мы питались на этом избранном месте! Разве не вкушали там самой сладостной и самой укрепляющей из всех духовных пищ? Во всём имении не найдётся поля, способного соперничать с этим средоточием и венцом всех владений: это Царский акр. Евангельский собиратель колосьев, оставайся на этом поле; собирай на нём в первый день каждой недели и ожидай увидеть там своего Господа, ибо написано: «Он был узнан ими в преломлении хлеба».

11 4. У Небесного Земледельца есть поле на холме, которое не уступает лучшим из прочих, если даже не превосходит их. Нельзя по-настоящему войти ни на одно из других полей, не вступив на это, ибо дорога к ним проходит через это хозяйство на холме. Оно называется *Содружество и общение со Христом*. Здесь собирают колосья самые избранные из Господних людей. Некоторые из вас лишь пробегали через него, не

оставаясь достаточно долго; но тот, кто умеет задерживаться здесь, более того — жить здесь, проводит свои часы с величайшей пользой и радостью. Установления, учения и обещания приносят пользу лишь в той мере, в какой мы пребываем в содружестве и общении со Христом. Всё прочее сухо и бесплодно, если мы не наслаждаемся любовью Христа, не носим Его подобия, не обитаем постоянно с Ним и не радуемся Его любви. С сожалением говорю: немногие христиане высоко ценят это поле; им довольно быть здравыми в учении и довольно правильными в поступках. Они гораздо меньше, чем следовало бы, заботятся о близком общении со Христом Иисусом, своим Господом, через Святого Духа. Уверен: собирай мы колосья на этом поле, у нас не было бы и половины нынешних дурных нравов, ни десятой доли гордости, ни сотой доли лености. Это поле ограждено и укрыто; на нём вы найдёте пищу лучше той, которой питаются ангелы; да, найдёте Самого Иисуса как хлеб, сошедший с небес. Благословенное, благословенное поле! Будем посещать его каждый день. Господин оставляет ворота широко открытыми для каждого верующего; войдём же и будем собирать золотые колосья, пока не сможем унести больше. Итак, мы увидели великого Земледельца на Его полях; порадуемся, что рядом с нами такой великий Земледелец и такие поля, где можно собирать колосья.

12 II. Теперь, во-вторых, перед нами смиренная собирательница колосьев. Руфь подбирала колосья и может послужить примером того, каким должен быть каждый верующий на полях Божиих.

13 1. Верующий — собиратель колосьев, которому оказана милость, ибо он *может унести домой целый сноп, если*

пожелает; он вправе забрать всё, что только способен унести, потому что всё даровано ему Господом безвозмездно. Я употребляю образ подбирающего колосья, потому что, как мне кажется, немногие христиане заходят намного дальше этого, хотя они свободны сделать больше, если способны. Кто-нибудь спросит: почему верующий не сожнёт всё поле и не заберёт домой весь хлеб? Отвечаю: ему это охотно позволено, если он может, ибо Господь не лишает благ ходящих непорочно. Если ваша вера подобна большому возу и вы можете увезти весь хлеб с поля, вам дано полное разрешение взять его. Увы, вера наша так мала, что мы скорее подбираем колосья, чем жнём; тесно нам в самих себе, а не в нашем Боге. Дай Бог всем вам перерасти этот образ и возвращаться домой, неся свои снопы.

[14] 2. Заметим также: собирательнице колосьев в её деле *приходится много трудиться и утомляться*. Она встаёт рано утром и пешком отправляется на поле; если оно закрыто, спешит на другое; если и то заперто или колосья на нём уже подобраны, торопится ещё дальше. Весь день, пока солнце светит на неё, она редко садится отдохнуть, но всё продолжает наклоняться, наклоняться, наклоняться, подбирая колосья один за другим. Домой она возвращается лишь с наступлением ночи; ведь если поле хорошее, ей хочется много сделать за день, и она не уйдёт, пока не наберёт тяжёлую ношу. Возлюбленные, так пусть поступает каждый из нас, ища духовной пищи. Не будем бояться немного утомиться на полях Господина; если сбор хорош, не следует быстро уставать от собирания драгоценной добычи, ибо приобретение щедро вознаградит труд. Я знаю друга, который каждое воскресенье проходит пять миль, чтобы услышать

Евангелие, и столько же возвращается обратно. Другой не считает трудным путь в десять миль; и они мудры, ибо ради слушания чистого Слова Божия никакой труд не чрезмерен. Стоять в проходе до изнеможения, всё время напряжённо слушая, — труд, который получает полную награду, если звучит Евангелие и Дух Божий благословляет его для души. Собирательница не ждёт, что колосья сами придут к ней: она знает, что подбирать их — тяжёлый труд. Нам не следует ожидать, что лучшее поле окажется возле нашего дома; возможно, придётся идти на другой конец прихода, — но что из того? Подбирающим колосья не приходится выбирать, и туда, куда Господь посылает Евангелие, Он призывает нас прийти.

15 3. Далее заметим: *за каждым колосом, который получает собирательница, ей приходится наклоняться*. Почему гордые редко получают пользу от Слова? Почему некоторые «интеллектуальные» люди не могут почерпнуть добра у наших самых здравых служителей? Да потому, что им непременно нужно, чтобы хлеб подняли к ним; а если пшеницу держат так высоко над их головами, что они едва могут её разглядеть, они довольны и восклицают: «Вот что-то удивительное!» Они восхищаются необычайной способностью человека поднимать истину так высоко, что до неё никто не достанет; но, по правде говоря, это жалкое достижение. Дело проповедника — сделать истину доступной всем, детям и взрослым; ему следует намеренно ронять горсти для бедных собирателей, а те никогда не станут возражать против того, чтобы нагнуться за колосьями. Если мы проповедуем только образованным, учёные могут понять, а неграмотные — нет; когда же со всей простотой проповедуем бедным, другие сословия тоже могут понять,

если захотят, а если не захотят, им лучше пойти куда-нибудь ещё. Тем, кто не способен наклониться и поднять простую истину, лучше отказаться от собирания колосьев. Что до меня, я готов учиться у ребёнка, если благодаря этому смогу лучше знать и понимать Евангелие: сбор на поле нашего Господа столь богат, что возможность унести домой хоть часть стоит самого тяжёлого труда. Алчущие души знают это, и их нельзя удержать от поисков небесной пищи. Мы опустимся на колени в молитве, склонимся в самоумалении и признании своего неведения и так рукой веры соберём насущный хлеб для своих алчущих душ.

16 4. Далее обратите внимание: собирательница получает своё *колос за колосом*. Иногда она сразу подбирает горсть, но обычно — соломинку за соломинкой. Для Руфи намеренно роняли горсти, однако ей была оказана особая милость. Собирательница нагибается, берёт один колос, затем нагибается за другим. Возлюбленные, если где-нибудь можно сразу брать горстями, туда и стоит идти собирать; но если такого изобилия найти не удаётся, радуйтесь возможности подбирать по колоску. Я слышал о людях, привыкших слушать любимого служителя; переехав в другое место, они говорят: «После нашего служителя я никого слушать не могу; останусь дома и почитаю проповедь». Вспомните, пожалуйста, слова: «Не будем оставлять собрания своего, как есть у некоторых обычай». Позвольте также умолять вас не быть столь неразумно пристрастными, чтобы лишать свою душу пищи. Если, нагнувшись, вы не можете взять целую горсть, не отказывайтесь поднимать по одному колосу. Если вы не согласны учиться понемногу здесь и понемногу там, то скоро наполовину изголодаетесь и будете рады снова вернуться к презираемому служителю

и подобрать то, что даст его поле. Жалко то служение, которое не приносит ничего. Идите и подбирайте там, где Господь открыл вам ворота. Да ведь один только библейский текст стоит этой дороги — не упустите его.

17 5. Заметьте затем: *то, что собирательница подняла, она держит в руке*; она не роняет хлеб с той же быстротой, с какой собирает. В начале проповеди прозвучала хорошая мысль, но слушателям так не терпится услышать следующую, что первая ускользает. Ближе к концу им попадается большая горсть, и в стремлении удержать эту последнюю и самую богатую часть они забывают всё предыдущее. Проповедь окончена — и, увы, почти вся исчезла из памяти: многие не разумнее собирательницы, которая подняла бы один колос и бросила, подняла другой и бросила, и так целый день. Чистый итог такого рабочего дня на жнивье — сильная боль в спине; боюсь, всё, что получат некоторые наши слушатели от слушания, — головная боль. Будьте внимательны, но умейте и удерживать. Собирайте зерно и связывайте в пучки, чтобы унести с собой; смотрите, не потеряйте его по дороге домой. Многие, хорошо усвоив проповедь, теряют её по пути к дому в пустой болтовне с суетными товарищами. Я слышал об одном христианине, которого однажды в воскресенье увидели изо всех сил спешащим домой. Друг спросил, почему он так торопится. «О, — ответил он, — два или три воскресенья назад наш служитель произнёс чрезвычайно благословенную речь, и я ею очень насладился; но когда вышел, там спорили два диакона: один тянул проповедь в одну сторону, другой — в другую, пока они не разорвали её на куски, и весь её вкус для меня исчез». Должно быть, это были очень дурные диаконы; не будем подражать им. Если же мы знаем людей их школы, лучше пойдём домой одни в упорном

молчании, чем потеряем все собранные колосья из-за их споров. После хорошей проповеди идите домой с закрытыми ушами и устами. Поступайте как скупец, который не только приобретает всё возможное, но и сохраняет всё возможное. Не теряйте в пустой болтовне то, что может обогатить вас на всю вечность.

18 6. И ещё: собирательница *несёт пшеницу домой и обмолачивает её*. Мудро обмолачивать проповедь, кто бы ни был проповедником, ибо в ней наверняка есть некоторое количество соломы и мякины. Многие молотят самого проповедника, придираясь без нужды; но это и вполовину не так полезно, как обмолотить проповедь, чтобы извлечь из неё чистую истину. Возлюбленные, когда вам достанется стоящая проповедь, возьмите её, разложите на току размышления и выбейте цепом молитвы — вы получите из неё хлебное зерно. Никогда не следует пренебрегать этим обмолотом молитвой и размышлением. Если собирательница сложит свои колосья в комнате и оставит, до них доберутся мыши; сама же она не получит от них пищи, если не вымолотит зерно. Некоторые получают проповедь, приносят её домой и позволяют сатане, греху и миру съесть её целиком, так что для них она становится бесплодной и бесполезной. Но кто умеет хорошо поработать цепом над проповедью, чтобы выбрать из соломы всю пшеницу, тот становится добрым слушателем и питает душу услышанным.

19 7. Наконец, обмолотив хлеб, добрая женщина, несомненно, *провеяла его*. Руфь сделала всё это в поле, но вы едва ли можете так поступить: часть работы вам нужно выполнять дома. Заметьте: мякину она домой не понесла, а оставила позади, в поле. Благоразумно провеивать все

услышанные речи, отделяя драгоценное от негодного; но прошу вас, не впадайте в глупую привычку нести домой всю мякину, оставляя зерно. Мне словно слышится: «Я запомню это странное выражение; из той необычной реплики сделаю забавный рассказ». Послушайте же, у меня есть для вас слово: если вы слышите, как человек пересказывает о служителе одни лишь его странности, остановите его и скажите: «У всех нас есть недостатки; возможно, те, кто охотнее всего говорит о чужих, и сами не вполне совершенны. Не можете ли вы рассказать, что проповедник сказал достойного внимания?» Во многих случаях настоящий ответ будет: «О, этого я не помню». Они просеяли хлеб, выбросили хорошее зерно и принесли домой мякину. Не следует ли поместить их в дом умалишённых? Следуйте противоположному правилу: бросайте солому, сохраняйте доброе зерно. Отделяйте драгоценное от негодного, а бесполезный материал пусть идёт куда угодно: вам он не нужен, и чем скорее вы избавитесь от него, тем лучше. Судите внимательно; решительно отвергайте ложное учение и усердно храните истинное — так вы будете упражняться в обогащающем искусстве небесного собирания колосьев. Да научит нас Господь мудрости, чтобы мы стали «богатыми для всякого блаженства»; тогда наши уста насытятся благами, а юность обновится, как у орла.

[20] III. И теперь, в заключение, перед нами милостивое разрешение: «Пусть подбирает и между снопами, и не обижайте её». Руфь не имела права ходить между снопами, пока Вооз не разрешил ей, сказав: «Пусть делает это». Позволить ей ходить между снопами, на той части поля, где пшеница только что сжата и ещё ничто не вывезено, было великой милостью; но Вооз шепнул, чтобы для неё намеренно роняли горсти, — и это была ещё

большая милость. Вооз тайно любил девушку; так и нам, возлюбленные, Господь позволяет входить на Свои лучшие поля и собирать между снопами благодаря Своей вечной любви к нам. Его благодать разрешает нам овладевать благословениями учения, обещаний и духовного опыта: Господь благоволит к нам, отсюда эти особые доброты. Сами по себе мы не имеем права ни на одно небесное благословение; наша доля — дар свободной и владычественной благодати.

21 Я назову причины, побудившие сердце Вооза позволить Руфи идти между снопами. Главным побуждением было то, что *он любил её*. Он хотел, чтобы она пошла туда, потому что почувствовал к ней любовь, которую впоследствии явил более великими способами. Так и Господь позволяет Своему народу приходить и собирать между снопами, потому что любит его. Было ли у тебя в прошлое воскресенье время среди снопов, обогатившее душу? Принёс ли ты домой мешок, наполненный подобно мешкам братьев Иосифа, когда они возвращались из Египта? Было ли у тебя изобилие? Насытилась ли душа? Заметь: это была доброта твоего Господина. Всё это потому, что Он любит тебя. Умоляю, смотри на все свои духовные наслаждения как на доказательства Его вечной любви. Считай все небесные благословения знаками небесной благодати. Твой хлеб будет лучше молоться и слаще вкушаться, если ты вспомнишь, что его дала тебе вечная любовь. Твои сладостные времена, высокие наслаждения и неизреченные восторги духа — всё это доказательства Божественной любви; поэтому радуйся им вдвойне.

22 Была и другая причина, почему Вооз позволил Руфи подбирать между снопами: он был её *родственником*. Вот

почему и наш Господь временами оказывает нам избранные милости и так благодатно вводит в дом пира. Он — наш ближайший Родственник, кость от наших костей и плоть от нашей плоти. Наш Искупитель, наш Родственник — Господь Иисус, и Он никогда не станет чужим собственной плоти. Возвышенна и прекрасна тайна: Господь наш Иисус — Муж Своей Церкви; и, несомненно, Ему подобает позволить Своей супруге собирать между снопами, ибо всё Его достояние уже принадлежит ей. Её интересы и Его интересы едины, и потому Он вполне может сказать: «Возлюбленная, бери всё, что тебе угодно; Я не становлюсь беднее оттого, что ты причащаешься Моей полноты, ибо ты Моя. Ты Моя спутница и Моя избранница, и всё, что имею, — твоё». Что же сказать вам, возлюбленные моего Господа? Как мне говорить с нежностью и щедростью, равными Его желаниям, ибо Он хочет, чтобы от Его имени я говорил с истинной любовью? Обогащайтесь из того, что принадлежит вашему Господу. Отправляйтесь на духовный сбор колосьев как можно чаще. Никогда не упускайте возможности поднять золотое благословение. Собирайте у престола милости; собирайте в уединённом размышлении; собирайте, читая благочестивые книги; собирайте в общении с благочестивыми людьми; собирайте повсюду. Если можете набрать лишь маленькую горсть, это лучше, чем ничего. Вы, так занятые делами и так стеснённые заботами: если можете провести хотя бы пять минут на поле Господнем, подбирая понемногу, непременно сделайте это. Если не можете унести сноп, унесите колос; если не находите колоса, подберите хотя бы пшеничное зерно. Позаботьтесь получить немного, если не можете получить много; но собирайте столько, сколько только можете.

[23] Ещё одно замечание. О дитя Божие, никогда не бойся подбирать колосья! Имей веру в Бога и принимай обещания как предназначенные тебе. Иисус с радостью увидит, что ты свободно пользуешься Его благами. Его голос говорит: «Ешьте обильно, пейте, да, пейте обильно, возлюбленные». Поэтому, найдя богатое обещание, живи им. Извлекай мёд из сотов Писания и живи его сладостью. Если встретишь необычайно прекрасный сноп, унеси его с радостью. Ты не можешь верить слишком многому о своём Господе; не позволяй сатане обманом заставить тебя довольствоваться скудной долей благодати, когда все небесные житницы открыты тебе. Продолжай собирать со смиренным усердием и полным надежды доверием; знай: Владелец полей и снопов смотрит на тебя глазами любви и однажды обручит тебя Себе в вечной славе. Счастлив собиратель колосьев, находящий вечную любовь и вечную жизнь на полях, где собирает!

Трапеза на жатве

[1] «И сказал ей Вооз: время обеда; приди сюда и ешь хлеб, и обмакивай кусок твой в уксус. И села она возле жнецов; он подал ей поджаренных зёрен, и она ела, насытилась, и ещё осталось». — Руф. 2:14.

[2] Мы идём на хлебные поля не столько собирать оставшиеся колосья, сколько отдохнуть с жнецами и сборщиками, когда они садятся подкрепиться под каким-нибудь раскидистым дубом. Мы надеемся, что какая-нибудь робкая собирательница колосьев примет наше приглашение прийти и поесть с нами и обретёт достаточно смелости, чтобы обмакнуть *свой* кусок в уксус. Да хватит всем нам мужества самим насытиться на этом пире и доброты — принести часть домой нашим нуждающимся друзьям.

[3] I. Первое наше замечание таково: у Божьих жнецов есть свои часы трапезы.

[4] Трудящиеся для Бога найдут в Нём доброго Господина. Он заботится о волах и заповедал Израилю: «Не заграждай рта волу, когда он молотит». Тем более Он заботится о Своих служителях, служащих Ему. «Пищу даёт боящимся Его; вечно помнит завет Свой». Жнецы на полях Иисуса не только получат блаженную награду в конце, но и будут иметь обильные утешения на пути. Ему угодно платить Своим служителям дважды: сначала в самом труде, а затем — в его сладостных плодах. Он даёт им такую радость и утешение в служении их Господину, что оно становится сладостным занятием, и они восклицают: «Мы желаем исполнять волю Твою, Господи». Небо состоит в служении Богу днём и ночью; и

предвкушение неба мы обретаем, служа Богу на земле с ревностным постоянством.

5 Бог установил для Своих жнецов определённые часы трапезы и назначил один из них на то время, *когда они собираются слушать проповедь Слова*. Если Бог с проповедниками, они поступают как ученики в древности: те получали хлебы и рыбы от Господа Иисуса, а затем раздавали народу. *Мы* сами по себе не можем напитать ни одной души, тем более тысячи; но когда Господь с нами, мы можем содержать стол не хуже самого Соломона со всей его лучшей мукой, откормленными волами, сернами и ланями. Когда Господь благословляет припасы Своего дома, сколько бы тысяч людей ни было, все Его бедные насытятся хлебом. Надеюсь, возлюбленные, вам знакомо, что значит с великой радостью сидеть под сенью Слова и находить его плод сладким для своего вкуса. Там, где учения благодати преподаются вам смело и ясно в связи с другими истинами откровения; где Иисус Христос на кресте всегда вознесён; где дело Духа не забыто; где славное намерение Отца никогда не пренебрегается, — там непременно есть богатая пища для детей Божьих.

6 Часто наш милостивый Господь назначает нам часы трапезы и *в нашем уединённом чтении и размышлении*. Именно здесь «стези Его источают тук». Ничто не может так питать душу верующего, как вкушение Слова и усвоение его через частое размышление. Неудивительно, что люди растут столь медленно, когда размышляют столь мало. Скот должен пережёвывать жвачку: питает его не то, что он срывает зубами, а то, что пережёвано и переварено посредством жевания. Мы должны принять истину и снова и снова обдумывать её во внутренних глубинах нашего духа; тогда извлечём из неё подходящую

пищу. Братья мои, разве размышление не является для вас землёй Гесем? Если некогда говорили: «В Египте есть хлеб», то разве нельзя всегда сказать, что лучшая пшеница находится в тайной молитве? Уединённое благочестие — земля, текущая молоком и мёдом, рай, приносящий всякого рода плоды, дом пира с отборными винами. Артаксеркс мог устроить великий пир, но все его сто двадцать областей не могли доставить таких яств, какие размышление предлагает духовному уму. Где ещё мы можем питаться и возлежать на злачных пажитях в таком сладостном смысле, как в размышлении над Словом? Размышление извлекает из Писания самую сущность радости и услаждает наши уста сладостью, превосходящей чистый мёд. Часы уединения и молитвы должны быть для вас временем освежения, когда, подобно жнецам в полдень, вы сидите с Господином и наслаждаетесь Его щедрыми припасами. Пастух с Солсберийской равнины имел обыкновение говорить, что, когда он был одинок и его сума была пуста, Библия была для него и пищей, и питьём, и обществом; он не единственный, кто находил полноту в Слове, когда всё остальное было пусто. Во время битвы при Ватерлоо благочестивый солдат, смертельно раненный, был вынесен товарищем в тыл; его посадили, прислонив спиной к дереву, и он попросил друга открыть ранец и достать Библию, которую носил в нём. «Прочти мне, — сказал он, — один стих, прежде чем я закрою глаза в смерти». Товарищ прочёл ему: «Мир оставляю вам, мир Мой даю вам; не так, как мир даёт, Я даю вам». И там, только что выйдя из свиста пуль, барабанного грохота и бури человеческой битвы, этот верующий дух наслаждался таким святым покоем, что, прежде чем уснуть в объятиях Иисуса, сказал: «Да, у меня есть мир с

Богом, превосходящий всякое разумение и хранящий моё сердце и мысли через Иисуса Христа». Святые несомненно наслаждаются отрадными часами трапезы, когда остаются наедине в размышлении.

[7] Не забудем, что есть один особо установленный час трапезы, который должен наступать по крайней мере раз в неделю, — я имею в виду *Вечерю Господню*. Там вы имеете трапезу и в буквальном, и в духовном смысле. Стол богато накрыт: на нём есть хлеб и вино; а если посмотреть на то, что они символизируют, перед нами стол богаче того, который могли бы приготовить цари. Там мы имеем плоть и кровь Господа нашего Иисуса Христа: кто вкусит их, никогда не будет ни алкать, ни жаждать, ибо тот хлеб станет для него вечной жизнью. О, какие сладостные времена мы знали за Вечерей Господней! Если бы некоторые из вас знали радость питания Христом в этом установлении, вы укоряли бы себя за то, что не присоединились к общению Церкви. В соблюдении заповедей Господина — «великая награда», а потому в пренебрежении ими — великая потеря награды. Христос не настолько привязан к столу таинства, чтобы Его всегда находили все участвующие в нём, но всё же именно «на пути» мы можем ожидать встречи с Господом. «Если любите Меня, соблюдите Мои заповеди» — слова трогательной силы. Сидя за этим столом, наша душа восходила от знака к действительности; мы ели хлеб в Царстве Божьем и склоняли голову на грудь Иисусу. «Он ввёл меня в дом пира, и знамя его надо мною — любовь».

[8] Помимо этих регулярных часов трапезы, Бог даёт нам и другие — *порою тогда, когда мы мало их ожидаем*. Вы шли по улице и вдруг ощутили святое излияние вашей души к Богу; или посреди дел сердце ваше растаяло от

любви и заплясало от радости, словно ручьи, скованные зимним льдом, которые скачут, почувствовав прикосновение весны. Вы стенали, были унылы и прикованы к земле; но сладкая любовь Иисуса объяла ваше сердце, когда вы едва думали о ней, и ваш дух, весь свободный и весь в огне, возрадовался перед Господом с тимпаном и ликованием, как некогда Мариам. У меня порой во время проповеди бывали минуты, когда хотелось говорить гораздо дольше назначенного часа, ибо переполненная душа моя была словно сосуд, ищущий выхода. Бывали у нас и такие часы на одре болезни, когда мы согласились бы болеть всегда, если бы только нежная любовь так же хорошо устраивала нам постель, а снисходящая благодать так же мягко поддерживала нашу голову.

9 Наш благословенный Искупитель приходит к нам утром и пробуждает, роняя сладостные мысли в наши души; мы не знаем, откуда они пришли, но словно вместе с росой, посещающей цветы, несколько капель сжалились и над нами. И в прохладный вечер, когда мы ложились в постель, размышление о Нём бывало сладостным; а в ночные стражи, когда мы ворочались и не могли уснуть, Ему угодно было стать нашей песнью в ночи.

10 Божьи жнецы находят жатву тяжёлым трудом; но они обретают блаженное утешение, когда тем или иным образом садятся и вкушают богатые припасы своего Господина; затем с обновлёнными силами встают, держа наточенный серп, чтобы снова жать в полуденный зной.

11 Замечу, что, хотя эти часы трапезы приходят в точно неведомое нам время, есть *определённые поры, когда мы можем их ожидать*. Восточные жнецы обычно садятся под сенью дерева или навеса, чтобы подкрепиться во

время дневного зноя. И я уверен: когда беда, скорбь, гонение и утрата близких становятся для нас наиболее мучительными, именно тогда Господь подаёт нам самые сладостные утешения. Мы должны трудиться, пока горячее солнце не выжмет пот с наших лиц, и тогда можем ожидать отдыха; мы должны понести тяжесть дня и зной, прежде чем ожидать приглашения на те избранные трапезы, которые Господь готовит истинным труженикам. Когда день твоей беды всего знойнее, тогда любовь Иисуса будет всего слаще.

12 Кроме того, эти часы трапезы часто наступают *перед* испытанием. Илия должен быть накормлен под можжевеловым кустом, ибо ему предстоит идти сорок дней, подкрепившись той пищей. Когда ваши услады переливаются через край, можно предполагать близость какой-нибудь опасности. Если вы видите, что корабль принимает огромное количество припасов, вероятно, он направляется в далёкую гавань; и когда Бог даёт вам необычайные времена общения с Иисусом, вы можете ожидать долгих лиг бурного моря. Сладостные подкрепляющие напитки готовят к суровым схваткам.

13 Времена освежения наступают также *после* беды или тяжёлого служения. Христос был искушаем дьяволом, и *после этого* ангелы приступили и служили Ему. Иаков боролся с Богом, а затем в Маханаиме встретил воинства ангелов. Авраам сражался с царями и возвратился после их поражения; тогда Мелхиседек подкрепил его хлебом и вином. После борьбы — довольство, после битвы — пир. Когда ты послужишь своему Господу, тогда сядешь, и твой Господин препояшется и будет служить тебе.

14 Пусть мирские люди говорят что угодно о тяжести религии: мы не находим её тяжёлой. Мы признаём, что у

жатвы для Христа есть трудности и тревоги; но всё же хлеб, который мы едим, обладает небесной сладостью, а вино, которое пьём, выжато из небесных гроздьев:

[15] «Я не сменил бы мой блаженный удел
На всё, что мир зовёт добрым или великим;
И пока моя вера способна держаться,
Я не завидую золоту грешника».

[16] II. Следуйте за мной ко второму положению. На эти трапезы с любовью приглашается собирательница колосьев. Иными словами, бедная, трепещущая чужестранка, у которой недостаёт сил жать и нет права находиться на поле, кроме права милосердия, — бедный, трепещущий грешник, сознающий собственное недостоинство и имеющий мало надежды и мало радости, приглашён на пир любви.

[17] В нашем тексте *собирательница колосьев приглашена прийти*. «Во время обеда *приди* сюда». Мы надеемся, что никто из вас не будет удержан от места святой трапезы стыдом за свою одежду, нравственный облик или бедность, и даже телесными немощами. «Во время обеда приди сюда». Я знал глухую женщину, которая совсем ничего не слышала, и всё же она всегда бывала в доме Божьем; когда её спрашивали почему, она отвечала, что друг находил ей текст проповеди, а затем Богу угодно было давать ей много сладостных мыслей об этом тексте, пока она сидела с Его народом. Кроме того, она чувствовала, что как верующая должна чтить Бога своим *присутствием* в Его дворах и исповеданием своего единения с Его народом; а ещё лучше было то, что она всегда любила находиться в самом лучшем обществе, и поскольку там присутствовали Бог, святые ангелы и святые Всевышнего, она шла туда, могла ли слышать или

нет. Если *такие* люди находят удовольствие в посещении собрания, мы, *способные* слышать, никогда не должны оставаться в стороне. Хотя мы чувствуем своё недостоинство, нам следует желать быть положенными в доме Божьем, как больные у купальни Вифезда, в надежде, что вода возмутится и мы сможем войти и исцелиться. Трепещущая душа, никогда не позволяй дьявольским искушениям удерживать тебя от собрания поклоняющихся: «во время обеда приди сюда».

18 Более того, *её пригласили не только прийти, но и есть*. Всё сладостное и утешительное в Слове Божьем предлагается вкусить вам, имеющим сокрушённый и смиренный дух. «Иисус Христос пришёл в мир спасти *грешников*» — таких грешников, как вы. «Христос в определённое время умер за *нечестивых*» — за таких нечестивых, какими вы себя ощущаете. Вы желаете принадлежать Христу. Вы *можете* принадлежать Христу. Вы говорите в сердце: «О, если бы я мог есть хлеб детей!» Вы *можете* его есть. Вы говорите: «У меня нет права». Но Господь приглашает вас. Приходите, не имея иного права, кроме права Его приглашения.

> 19 «Пусть совесть не заставит вас медлить,
> И не предавайтесь мечтам о собственной
> пригодности».

20 Но поскольку Он велит вам «прийти», поверьте Ему на слово; если есть обетование, верьте ему; если есть ободряющее слово, примите его, и пусть его сладость станет вашей.

21 Заметьте далее: её пригласили не только есть хлеб, но и *обмакивать свой кусок в уксус*. Мы не должны представлять себе под этим какую-то кислую жидкость.

Несомненно, в церкви есть угрюмые души, всегда обмакивающие свой кусок в самый кислый уксус, какой только можно вообразить, и с мрачным великодушием приглашающие других разделить их несчастье; но уксус в моём тексте — совсем другое дело. Это была либо смесь разных соков, выжатых из плодов, либо слабое вино, смешанное с водой, которое и поныне обычно употребляют на жатве в Италии и в более тёплых краях мира: напиток не слишком крепкий, но вполне способный придать вкус пище. Если употребить единственное слово, передающее смысл, это была *приправа*, которую на Востоке ели с хлебом. Как мы употребляем сливочное масло или как они при иных обстоятельствах употребляли растительное, так на жатве они употребляли то, что здесь названо «уксусом», считая, что оно освежает. Возлюбленные, у Господних жнецов к хлебу есть приправа: у них есть не просто учения, но и святое помазание, составляющее сущность учений; не просто истины, но и священная радость, сопровождающая истины. Возьмите, например, учение об избрании, подобное хлебу: есть приправа, в которую можно его обмакнуть. Когда я могу сказать: «Он возлюбил *меня* прежде основания мира», личная радость от своей причастности этой истине становится приправой, в которую я обмакиваю свой кусок. И ты, бедная собирательница колосьев, также приглашена обмакнуть в неё свой кусок. Я часто слышал, как люди пели гимн Топледи, начинающийся словами:

> [22] «Должник одной лишь милости,
> Я пою о милости завета;
> И, облечённый в Твою праведность, не боюсь
> Принести себя и своё приношение».

23 Гимн достигает вершины в строках:

> 24 «Да, я устою до конца —
> Так же верно, как дан залог;
> Прославленные духи на небе счастливее,
> Но не надёжнее защищены».

25 Я думал, что никогда не смогу петь этот гимн. Видите ли, это была приправа. Мне, пожалуй, удавалось съесть немного простого хлеба, но обмакнуть его в эту приправу я не мог. Это было слишком возвышенное учение, слишком сладкое, слишком утешительное. Но благодарю Бога: с тех пор я отважился обмакнуть в неё свой кусок, и теперь хлеб без неё мне почти не нравится.

26 Я хотел бы, чтобы каждый трепещущий грешник приобщился к *утешительным* частям Божьего Слова, даже к тем, которые придирчивые критики называют «высоким учением». Пусть он сначала поверит более простой истине, а затем обмакнёт её в сладостное учение и будет счастлив в Господе.

27 Мне кажется, я вижу собирательницу колосьев, уже наполовину готовую прийти, ибо она очень голодна и ничего не имеет при себе; но она начинает говорить: «Я не имею права приходить, потому что я не жница; я ничего не делаю для Христа; я всего лишь *собирательница, заботящаяся о себе*, а не жница». Ах, но тебя приглашают прийти. Не задавай об этом вопросов. Вооз зовёт тебя: прими его приглашение и подойди тотчас. «Но, — говоришь ты, — я такая *бедная* собирательница; хотя весь мой труд — для себя, я всё же мало добываю им: пока звучит проповедь, я улавливаю несколько мыслей, но теряю их прежде, чем дойду домой». Я знаю, что так и бывает, бедная женщина со

слабыми руками. Но всё же Иисус приглашает тебя. Приходи! Прими сладостное обетование, которое Он подаёт тебе, и пусть твоя робость не отправит тебя домой голодной. «Но, — говоришь ты, — я ч*ужестранка*; вы не знаете моих грехов, моей греховности и своеволия моего сердца». А Иисус знает и всё же приглашает тебя. Он знает, что ты всего лишь моавитянка, чуждая обществу Израильскому, но велит тебе прийти. Разве этого недостаточно? «Но, — говоришь ты, — я уже стольким обязана Ему; так добр Он, щадя мою жизнь, которую я заслужила потерять, и так нежен, позволяя мне вообще слышать проповедь Евангелия; я не могу дерзнуть вторгнуться незваной и сесть со жнецами». О, но Он *зовёт* тебя. В твоём сомнении больше дерзости, чем могло бы быть в твоей вере. Он зовёт тебя. Неужели откажешь Воозу? Неужели уста Иисуса произнесут приглашение, а ты скажешь Ему «нет»? Приди же, приди. Помни: то немногое, что могла съесть Руфь, нисколько не обеднило Вооза; и всё, что тебе нужно, нисколько не уменьшит славы Христа или полноты Его благодати. Велики твои нужды? Его запасы ещё больше. Тебе нужна великая милость? Он — великий Спаситель. Говорю тебе: Его милость так же невозможно исчерпать, как осушить море. Приходи тотчас. Для тебя достаточно, и Вооз не обеднеет, если ты насытишься на пиру. Более того, открою тебе тайну: Иисус *любит* тебя; поэтому Он и хочет, чтобы ты ела за Его столом. Если ты сейчас — жаждущий, трепещущий грешник, желающий спастись, но сознающий, что этого не заслуживает, Иисус любит тебя, и видеть, как ты ешь, доставит Ему больше радости, чем тебе — само вкушение. Пусть сладостная любовь, которую Он испытывает в Своей душе к тебе, привлечёт тебя к Нему. И ещё — но это великая тайна, которую

можно лишь прошептать тебе на ухо: *Он намерен взять тебя в жёны*; а когда ты станешь Его женой, поля будут твоими, ибо, конечно, если ты Его супруга, то совладелица вместе с Ним. Разве не так? Разве жена не разделяет всё с мужем? Все обетования, которые «во Христе да и аминь», станут твоими; более того, они уже сейчас *твои*, ибо «этот человек — твой близкий родственник», и вскоре Он возьмёт тебя к Себе навеки, обручив тебя в верности, истине и праведности. Неужели не будешь есть своё? «О, но как это может быть? — говорит кто-то. — Я чужестранец». Да, чужестранец; но Иисус Христос любит чужестранца. «Мытарь, грешник»; но Он — «друг мытарям и грешникам». «Отверженный»; но Он «собирает изгнанников Израиля». «Заблудшая овца»; но пастырь «оставляет девяносто девять», чтобы искать её. «Потерянная монета»; но Он «метёт дом», чтобы найти тебя. «Блудный сын»; но Он велит звонить в колокола, когда знает, что ты вернёшься. Приди, Руфь! Приди, трепещущая собирательница колосьев! Иисус приглашает тебя; прими приглашение. «Во время обеда приди сюда, ешь хлеб и обмакивай кусок твой в уксус».

[28] III. Теперь третье, и здесь в повествовании есть очень сладостная подробность: Вооз подал ей поджаренные зёрна. Она действительно «пришла и ела». Где она села? Хорошенько заметьте: она «села возле жнецов». Она не чувствовала себя одной из них. Совсем как некоторые из вас, которые не подходят к Вечере Господней, а сидят и смотрят. Вы сидите «возле жнецов». Вы боитесь, что не принадлежите к народу Божьему, и всё же любите его и потому садитесь рядом. Если где-то можно получить нечто доброе, а вы не можете, то сядете как можно ближе к тем, кто *получает* это. «Она села возле жнецов».

29 И что произошло, пока она там сидела? Протянула ли она руку и взяла пищу сама? Нет, написано: «Он подал ей поджаренные зёрна». Ах, вот в чём дело! Никто, кроме Господина жатвы, не может подавать избранные подкрепления духовным душам. Я передаю приглашение от имени моего Господина и надеюсь, что делаю это усердно, с любовью и искренне; но прекрасно знаю: на мой немощный зов никто не придёт, пока Дух не привлечёт его. Ни одно трепещущее сердце не примет Божественного подкрепления из моей руки; если Сам Царь не приблизится и не подаст поджаренные зёрна каждому избранному гостю, никто не получит их. Как Он это делает? Своим благодатным Духом Он прежде всего *вселяет в вас веру*. Вы боитесь думать, будто может быть правдой, что такой грешник, как вы, когда-либо будет «принят в Возлюбленном»; Он веет на вас, и слабая надежда становится ожиданием, а это ожидание пускает почки и расцветает верой, усваивающей дар, которая говорит: «Да, возлюбленный мой — *мой*, и ко *мне* обращено желание его».

30 Сделав это, Спаситель делает больше: *Он изливает любовь Божью в ваше сердце*. Любовь Христова подобна сладким благовониям в шкатулке. Тот, Кто положил благовония в шкатулку, один знает, как снять крышку. Своей искусной рукой Он открывает сокровенное благословение и изливает любовь Божью в душу.

31 Но Иисус делает и больше: Он Своей рукой подаёт поджаренные зёрна, когда *даёт нам тесное общение с Собою*. Не думайте, что это мечта; говорю вам, и сегодня можно говорить со Христом. Так же несомненно, как я могу беседовать с ближайшим другом или находить утешение в обществе любимой жены, я могу говорить с

Иисусом и находить глубочайшую радость в обществе Эммануила. Это не вымысел. Мы поклоняемся не далёкому Спасителю: Он — Бог близкий. Его слово в наших устах и в нашем сердце, и сегодня мы ходим с Ним, как избранные в древности, и общаемся с Ним, как Его апостолы на земле, — правда, не по плоти, но действительным духовным образом.

32 Добавлю ещё раз: Господу Иисусу угодно подавать поджаренные зёрна в самом лучшем смысле, когда *Дух даёт нам внутреннее непогрешимое свидетельство, что мы «рождены от Бога»*. Человек может знать вне всякого сомнения, что он христианин. Филипп де Морне, живший во времена принца Генриха Наваррского, имел обыкновение говорить, что Святой Дух сделал его собственное спасение столь же ясным для него, как доказанную задачу Евклида. Вы знаете, с какой математической точностью изучающий геометрию решает задачу или доказывает положение; и с такой же абсолютной точностью, столь же несомненно, как дважды два — четыре, мы можем «знать, что перешли из смерти в жизнь». Солнце на небесах не яснее для глаза, чем нынешнее спасение для уверенного верующего; такой человек скорее усомнится в собственном существовании, чем заподозрит, что не обладает вечной жизнью.

33 Пусть же бедная Руфь, трепещущая вон там, вознесёт молитву: Господи, подай мне поджаренных зёрен! «Покажи мне знамение во благо». «Яви милость рабу Твоему». «Влеки меня, мы побежим за тобою». Господи, пошли Твою любовь в моё сердце!

> 34 «Приди, Святой Дух, небесный Голубь,
> Со всей Твоей животворящей силой;

Приди, излей любовь Спасителя,
И она воспламенит нашу любовь».

35 Нельзя прийти ко Христу иначе, как через то, что Христос открывает нам Себя.

36 IV. И теперь последнее положение. После того как Вооз подал поджаренные зёрна, нам сказано: «Она ела, насытилась, и ещё осталось». Так будет со всякой Руфью. Рано или поздно всякий кающийся станет верующим, всякий скорбящий — певцом. Может быть время глубокого обличения и пора многих колебаний, но придёт час, когда душа решится стать за Господа и воскликнет: «Если погибнуть — погибну. Я пойду к Иисусу таким, каков я есть. Больше не буду вести себя глупо со своими *“но”* и *“если”*; поскольку Он велит мне верить, что умер за меня, я *буду* верить и положусь на Его крест ради моего спасения». Когда вам будет даровано так поступить, вы будете *насыщены*. «Она ела и насытилась». Ваш *ум* насытится драгоценной истиной, которую открывает Христос; ваше *сердце* найдёт довольство в Иисусе как во всецело прекрасном предмете любви; ваша *надежда* исполнится, ибо кто у вас на небе, кроме Христа? Ваше *желание* насытится, ибо чего ещё может жаждать даже ваше желание сверх того, чтобы «познать Христа и найтись в Нём»? Вы обнаружите, что Иисус умиротворяет вашу *совесть*, пока она не обретёт совершенного покоя; Он удовлетворит ваше *суждение*, пока вы не познаете достоверность Его учения; Он наполнит вашу *память* воспоминаниями о том, что сделал, и порадует ваше *воображение* перспективами того, что ещё совершит.

37 «Она насытилась, и ещё осталось». Некоторые из нас пили любовь глубокими глотками; нам казалось, что мы

сможем вместить всего Христа, но, сделав всё возможное, мы должны были оставить огромный остаток. Мы садились с ненасытным аппетитом за стол Господней любви и говорили: «Ничто, кроме бесконечного, никогда меня не насытит», — и это бесконечное было нам даровано. Я чувствовал себя таким великим грешником, что ничто меньше бесконечного искупления не могло бы омыть мои грехи; несомненно, вы чувствовали то же. Но наш грех был удалён, и мы нашли в Иисусе достаточно заслуги и ещё с избытком; наш голод был утолён, и мы нашли остающееся изобилие для других в подобном положении. Есть сладостные вещи в Слове Божьем, которыми мы с вами ещё не наслаждались и пока не можем наслаждаться; их мы вынуждены на время оставить, пока не будем лучше готовы принять. Разве наш Господь не сказал: «Ещё многое имею сказать вам, но вы теперь не можете вместить»? Есть особое знание, которого мы ещё не достигли, место близкого общения со Христом, которого ещё не заняли. Есть высоты общения, на которые наши ноги ещё не восходили, — девственные снега горы Божьей, не тронутые человеческой ногой. Впереди есть ещё большее, и так будет вечно.

[38] Стихом или двумя далее нам сказано, что Руфь сделала с остатками. Мне кажется, на пирах очень неприлично уносить что-либо домой; но *на неё* такое правило не распространялось: оставшееся она принесла домой и отдала Ноемини. Так будет и с вами, бедные трепещущие души, думающие, что не имеете права даже на кусочек для себя: вам будет позволено есть, а когда вполне насытитесь, вы обретёте смелость унести часть другим, голодающим дома. Мне всегда приятно видеть, как молодой верующий начинает откладывать что-нибудь для других. Слушая проповедь, вы думаете: «Моя бедная мать

сегодня не может выйти; как бы мне хотелось, чтобы она была здесь, ведь эти слова утешили бы *её*. Даже если забуду всё остальное, это я ей расскажу». Воспитывайте бескорыстный дух. Стремитесь любить, как возлюбили вас. Помните: «закон и пророки» исполняются в том, чтобы любить Господа Бога всем сердцем и ближнего как самого себя. Как вы можете любить ближнего как себя, если не любите его душу? Свою душу вы *возлюбили*; благодать привела вас к тому, чтобы ухватиться за Иисуса; любите душу ближнего и никогда не успокаивайтесь, пока не увидите, что он наслаждается тем, что составляет очарование вашей жизни и радость нашего духа. Приносите домой собранные колосья для любимых, которые не могут собирать сами.

39 Я не знаю, как приятнее пригласить вас ко Христу, но от всего сердца восклицаю: «Придите, Иисус рад принять вас». Я прошу моего Господа и Учителя подать вам горсть поджаренных зёрен утешения, если вы трепещущий грешник, и также умоляю Его дать вам есть, пока вы вполне не насытитесь.

Нагруженная повозка

[1] «Вот, Я отягощён вами, как отягощена повозка, полная снопов». — Ам. 2:13.

[2] Мы уже побывали на хлебных полях, собирая колосья с Воозом и Руфью; и я надеюсь, что робкие и малодушные ободрились и стали подбирать горсти, которые по повелению нашего щедрого Господа нарочно оставляют для них. Сегодня мы идём к воротам жатвенного поля с другой целью: увидеть, как выезжает скрипящая повозка, высоко нагруженная множеством снопов и оставляющая на поле колеи. Мы приходим с благодарностью Богу: благодарим Его за урожай, благословляем за благоприятную погоду и молимся, чтобы Он продолжил её, пока не будет убран последний суслон хлеба и земледельцы повсюду не возгласят: «Жатва собрана!»

[3] Какой образ нас с вами представляет повозка, нагруженная хлебом, — нас, нагруженных Божьими милостями! От колыбели и доныне каждый день прибавлял новый сноп благословения. Что ещё мог бы сделать для нас Господь сверх сделанного? Он ежедневно нагружал нас благодеяниями. Поклонимся Его благости и воздадим Ему радостную благодарность.

[4] Увы, что этот образ допускает и иное прочтение! Увы, что, пока Бог нагружает нас милостью, мы нагружаем Его грехом. Пока Он непрестанно прибавляет сноп за снопом благоволения, мы также прибавляем беззаконие к беззаконию, пока тяжесть нашего греха не становится невыносимой для Всевышнего и Он не восклицает под этим бременем: «Я отягощён вами, как отягощена повозка, полная снопов».

5 Наш текст начинается словом *«Вот!»*, и вполне справедливо. Слово «вот» поставлено в Библии, как вывески вывешиваются на торговых домах: для привлечения внимания. Всюду, где в Священном Писании мы встречаем «вот», есть нечто новое, важное, глубоко впечатляющее или достойное внимания. Я вижу, как это «Вот!» стоит словно дева на ступенях дома мудрости и восклицает: «Обратитесь сюда, мудрые сердцем, и послушайте голос Божий». Откроем же глаза, чтобы «увидеть», и да проложит Дух через наши глаза и уши путь к сердцам, чтобы покаяние и отвращение к самим себе овладели нами из-за нашего дурного поведения перед нашим милостивым Богом.

6 Прежде чем идти дальше, следует понять, что наш текст — лишь образ, поскольку человек в действительности не может угнетать Бога; весь грех, какой только человек способен совершить, никогда не нарушит безмятежности Божественного совершенства и не вызовет даже волны на Его вечном покое. Бог лишь говорит с нами по-человечески, низводя небесные высоты и тайны к земной немощи и неведению. Он говорит с нами, как великий отец может говорить со своим малым ребёнком. Как у повозки гнутся оси и колёса скрипят под чрезмерной тяжестью, так Господь говорит, что Он придавлен бременем человеческой вины, пока не начинает вопиять, ибо уже не может терпеть беззаконие согрешающих против Него. Теперь обратимся к первому положению; да заострит его Святой Дух для нашей совести!

7 Первая и самая очевидная истина текста состоит в том, что грех весьма огорчителен и тягостен для Бога.

[8] Изумитесь, небеса, и поразись, земля: Бог говорит о том, что Он придавлен и отягощён! Я нигде не читаю даже малейшего намёка на то, будто вся тяжесть *творения* сколько-нибудь весит для Всевышнего. «Он поднимает острова как ничтожную вещь». Ни солнце, ни луна, ни звёзды, ни все тяжеловесные миры, созданные Его всемогуществом, не стоят Ему никакого труда для их поддержания. Язычники изображают Атланта сгибающимся под земным шаром; но вечный Бог, поддерживающий столпы вселенной, «не утомляется и не изнемогает». Не нахожу я и самого отдалённого намёка на то, будто *Промысл* утомляет своего Господа. Он бодрствует днём и ночью; каждое мгновение действует Его сила. Он выводит созвездия в своё время и ведёт Арктур с его детьми. Он поддерживает основания земли и держит её краеугольный камень. Он указывает заре её место и полагает предел тьме и смертной тени. Всё поддерживается силой Его руки, и без Него нет ничего. Как мгновенная пена оседает в несущую её волну и исчезает навсегда, так исчезла бы вселенная, если бы вечный Бог не поддерживал её ежедневно. Эта непрестанная деятельность не уменьшила Его силы; в Нём нет ни изнеможения, ни мысли о нём. Он совершает всё, и, когда всё совершено, оно как ничто пред Его взором. Но странно, поразительно странно, чудо среди чудес: *грех* обременяет Бога, хотя мир не может; беззаконие давит на Всевышнего, хотя вся тяжесть Промысла подобна пылинке на весах. Ах, беспечные сыны Адама, вы считаете грех пустяком; а вы, сыны Велиала, считаете его забавой и говорите: «Он не замечает; Он не видит; откуда Богу знать? А если знает, Ему нет дела до наших грехов». Узнайте из Книги Божьей: это далеко от истины; ваши грехи — Его скорбь, Его бремя и тяжесть,

так что, словно повозка, перегруженная снопами, Он отягощён человеческой виной.

9 Это станет совершенно ясно, если на минуту поразмышлять, что такое грех и что он делает. *Грех — великий разрушитель всех Божьих дел.* Грех превратил архангела в князя злых духов, а ангелов света — в духов зла. Грех взглянул на Эдем и увядил все его цветы. Прежде чем грех пришёл, Творец сказал о новосозданной земле: «Весьма хорошо»; но когда грех вошёл, Бог восскорбел в самом Своём сердце о том, что создал такое существо, как человек. Ничто не тускнит красоту так, как грех, ибо он уродует Божий образ и стирает Его надпись.

10 Более того, *грех делает Божьи создания несчастными*; разве Господь не должен поэтому ненавидеть его? Бог никогда не замышлял, чтобы какое-либо творение Его рук было несчастно. Он создал творения именно для радости; дал птицам песнь, цветам благоухание, воздуху целительную мягкость; дню дал улыбающееся солнце, а ночи — венец звёзд, ибо предназначил улыбки быть Его непрестанным почитанием, а радость — фимиамом Его хвалы. Но грех сделал любимое создание Божье несчастным и низвёл Божье порождение, созданное по Его образу, до наготы, нищеты и бедствия; потому Бог ненавидит грех и отягощён им, ибо грех делает любимых Им существ несчастными в самой глубине сердца.

11 Кроме того, помните, что *грех нападает на Бога во всех Его свойствах*, атакует Его на престоле и посягает на само Его бытие. Что такое грех? Разве не оскорбление Божьей *мудрости*? О грешник, Бог велит тебе творить Его волю; поступая вопреки ей, ты словно говоришь: «Я знаю, что для меня хорошо, а Бог не знает». По существу

ты объявляешь, что бесконечная мудрость ошибается, а ты, создание одного дня, — лучший судья счастью. Грех оспаривает Божью *благость*, ибо, греша, ты заявляешь, будто Бог отказал тебе в том, что сделало бы тебя счастливым, а это не дело доброго, нежного и любящего Отца. Одной рукой грех наносит удар мудрости Господа, другой — Его благости.

12 Грех также злоупотребляет Божьей *милостью*. Когда вы, как поступали многие из вас, грешите тем дерзновеннее, чем более Он долготерпит вам; когда именно потому, что у вас нет ни болезней, ни потерь, ни скорбей, вы проводите время в разгуле и упорном мятеже, — что это, как не обращение во зло милости, предназначенной для вашего блага? Немалая скорбь для любящего отца — видеть, как его достояние расточают с блудницами в распутной жизни; он не может вынести, что его дитя пало настолько низко, что даже милость, призванную привлечь его к покаянию, обращает в повод ещё больше грешить против отца. Кроме того, напомню беспечным и нераскаянным: всякий грех есть вызов Божественной *силе*. По существу вы поднимаете свои слабые кулаки против величия неба и вызываете Бога уничтожить вас. Всякий раз, когда вы грешите, вы бросаете Господу вызов доказать, способен ли Он поддерживать Свой закон. Разве малое дело, что червь, создание одного дня, бросает вызов Господу веков, Богу, Который наполняет и поддерживает всё словом Своей силы? Неудивительно, если Он утомлён, вынужденный терпеть такие вызовы и оскорбления! Назовите любое Его свойство — грех его запятнал; говорите о Боге в любых отношениях — грех набросил на Него тень. Грех есть зло, только зло и притом непрестанно; с любой стороны он должен быть оскорбителен Всевышнему. Грешник,

знаешь ли ты, что всякое неповиновение Божьему закону по существу есть *государственная измена*? Что иное ты делаешь, как не стремишься сам стать Богом, собственным господином, собственным владыкой? Каждый раз, уклоняясь от Его воли, ты ставишь на её место свою; ты делаешь себя богом и лишаешь Всевышнего Божества. И разве мал проступок — сорвать венец с Его чела и вырвать скипетр из Его руки? Говорю тебе: это такое деяние, что само небо не устояло бы, если бы оно не встретило негодования; если бы этому преступлению позволили остаться без наказания, колёса небесного государства были бы сняты с осей и весь строй нравственного правления расстроился бы. Такая измена Богу непременно будет наказана.

[13] В довершение всего *грех — нападение на Самого Бога*, ибо грех есть безбожие сердца. Каково бы ни было религиозное исповедание грешника, в сердце он сказал: «Нет Бога». Он желает, чтобы не было ни закона, ни Верховного Правителя. Разве это пустяк — быть богоубийцей, желать изгнать Бога из Его собственного мира? Разве на такое можно закрыть глаза? Может ли Всевышний слышать это и не быть отягощён его тяжестью? Прошу вас, не думайте, будто я хочу поднимать ненужный шум против греха и непослушания. Человеческое воображение не в силах преувеличить зло греха; и смертные уста, даже если бы, как уст Исаии, их коснулся раскалённый уголь с жертвенника, никогда не смогут громогласно выразить и десятитысячной доли чудовищности малейшего греха против Бога. Подумайте, дорогие друзья! Мы — Его создания, а всё же не хотим исполнять Его волю. Он питает нас, Он даёт дыхание в наших ноздрях, а мы тратим это дыхание на ропот и мятеж.

14 Ещё: мы всегда на виду у нашего всеведущего Бога, но даже Его присутствия недостаточно, чтобы побудить нас к послушанию. Несомненно, если бы человек оскорблял закон в самом присутствии законодателя, это было бы невыносимо; но именно таково ваше и моё положение. Мы должны признать: «Тебе, Тебе единому согрешил я и лукавое пред очами Твоими сделал». Следует также помнить, что мы согрешаем, зная, что согрешаем. Мы грешим не так, как готтентот или людоед. Мы в Англии грешим против необычайного света и семикратного знания; разве это малое дело? Можно ли ожидать, что Бог оставит без внимания своевольные и преднамеренные проступки? О, если бы эти уста обрели речь, если бы это сердце могло хоть раз воспламениться! Ибо, сумей я выразить ужасное бесчестие греха, кровь застыла бы даже в жилах надменного фараона, а гордый Навуходоносор склонил бы голову от страха. Поистине страшно восстать против Всевышнего. Да помилует Господь Своих рабов и да простит их.

15 Таково первое положение, но *я* не могу научить вас ему: Сам Бог должен научить Своим Духом. О, да даст Святой Дух вам ощутить, что грех крайне греховен и потому огорчителен и тягостен для Бога!

16 Во-вторых, некоторые грехи особенно огорчительны для Бога. Связь нашего текста с окружающими словами поможет вам понять силу этого замечания.

17 Малого греха не бывает, однако есть степени вины, и было бы неразумно говорить, будто в греховной мысли столько же зла, сколько в греховном поступке. Нечистое воображение греховно — всецело и весьма греховно, — но нечистый поступок достигает ещё большей степени оскорбления. Есть грехи, особенно гневящие Бога. Из

окружающих наш текст слов мы узнаём, что к ним относится *распутство*. По-видимому, во дни Амоса иудейский народ дошёл до весьма высокой степени блуда и похоти. Этот грех нередок и в наши дни: свидетелями пусть будут наши ночные улицы и суды по бракоразводным делам. Больше не скажу. Пусть каждый хранит своё тело в чистоте, ибо недостаток целомудрия — тяжкое зло перед Господом.

18 *Угнетение*, по словам пророка, также сильно гневит Бога. Пророк говорит о продаже бедного за пару обуви; иные готовы истязать вдову и сироту и заставлять работника трудиться даром. У скольких деловых людей нет «сердечного сострадания»! Люди объединяются в общества и затем взимают возмутительные ростовщические проценты по ссудам с несчастных, попавших им в руки. Хитрые юридические уловки и лукавое уклонение от уплаты справедливых долгов часто становятся тяжким угнетением и непременно навлекут гнев Всевышнего.

19 Кроме того, видно, что *идолопоклонство* и *богохульство* крайне оскорбительны для Бога и отличаются особой тяжестью. Он говорит, что народ пил вино ложных богов. Если человек делает богом своё чрево, золото или богатство и живёт ради них, вместо того чтобы жить Всевышнему, он согрешил идолопоклонством. Горе таким, и такое же горе тем, кто поклоняется крестам, таинствам или изображениям.

20 Особенно гневящий Бога грех — *богохульство*. Для него нет оправдания. Как говорит Джордж Герберт: «Похоть и вино ссылаются на удовольствие»; для скупости можно сослаться на выгоду, «но дешёвый сквернослов, открыв шлюз, даёт своей душе утекать ни за что».

Нечестивой речью ничего не приобретают; в проклятиях не может быть удовольствия: это оскорбление ради самого оскорбления, а потому великий и вопиющий грех, от которого Господь утомляется людьми. Возможно, среди вас есть те, для кого эти слова — личное обвинение. Обращаюсь ли я к похотливому, угнетателю или сквернослову? Ах, душа, какая милость, что Бог так долго терпел тебя! Однако придёт время, когда Он скажет: «О, удовлетворю Я Себя над противниками Моими», — и как легко Он отвергнет тебя и определит тебе ужасную погибель.

21 И ещё: хотя некоторые грехи столь тягостны Богу из-за своей особой чудовищности, многие люди особенно отвратительны Ему из-за *длительности* своего греха. Вон тот седой человек — сколько раз он прогневлял Всевышнего! Уже тем, кто ещё юноши, есть причина считать свои годы и обратить сердце к мудрости, думая о времени, прожитом в мятеже; но что сказать о вас, полвека ведущих открытую войну с Богом, а некоторые — шестьдесят, семьдесят, или, скажу я, почти восемьдесят лет? Ах, вы имели восемьдесят лет милостей и ответили восемьюдесятью годами пренебрежения; за восемьдесят лет терпения воздали восемьюдесятью годами неблагодарности. О Боже, неудивительно, что Ты утомлён длительностью и множеством человеческих грехов!

22 Более того, Бог особо замечает и с особой тяжестью переносит грех, смешанный с *упрямством*. О, как упрямы некоторые люди! Они *непременно хотят* быть осуждёнными; им невозможно помочь; кажется, они готовы перескочить через Альпы, чтобы достигнуть погибели, и переплыть моря огня, чтобы погубить души. Я мог бы рассказать вам о людях, тяжко болевших

лихорадкой, перемежающейся горячкой и холерой, которые выздоровели лишь для того, чтобы возвратиться к своим грехам. Некоторых беды в делах постигали густо и втройне: некогда они жили в почтенных обстоятельствах, но расточили своё достояние в разгуле и обеднели, а всё же упорно продолжают грешить. С каждым днём они беднее, большая часть одежды уже у ростовщика, но они не отвернутся от таверны и публичного дома. Умер ещё один ребёнок! Жена больна, голод смотрит семье в лицо; но они по-прежнему идут вперёд с поднятой рукой и простёртой мышцей. Вот настоящее упрямство. Грешник, однажды Бог позволит тебе идти собственным путём, и этот путь станет твоей вечной погибелью. Бог утомлён теми, кто положил себе делать зло и, вопреки предостережениям, приглашениям и мольбам, решился продолжать грешить.

[23] Судя по контексту, *неблагодарность* чрезвычайно тягостна Богу. Он напоминает народу, как вывел его из Египта, как изгнал аморреев, как воздвигал из его сынов пророков, а из юношей — назореев; и всё же они восстали против Него! Именно это уязвило моё сердце, когда я впервые пришёл к Богу виновным грешником: не столько особая тяжесть моей внешней жизни, сколько особые милости, которыми я пользовался. Как щедр был Бог к некоторым из нас — к тем, кто никогда ни в чём не нуждался! Бог никогда не ввергал нас в нищету, не оставлял нас бесчестию, не отдавал дурному примеру; напротив, Он хранил нас нравственными и побуждал любить Его дом даже тогда, когда мы не любили *Его Самого*; и всё это Он делал год за годом — а как скудно мы отвечали! Нам, Своему народу, какую радость Он давал, какие избавления, какую любовь, утешение, блаженство, — а мы всё же грешили прямо перед Его

лицом! Неудивительно, что Он подобен отягощённой повозке, полной снопов.

24 Прежде чем оставить это положение, замечу: из нашего текста видно, что Господь настолько отягощён, что *даже восклицает*. Как повозка, нагруженная снопами, стонет под тяжестью, так Господь восклицает под бременем греха. Разве вы никогда не слышали этих слов? «Слушайте, небеса, и внимай, земля, потому что Господь говорит: Я воспитал и возвысил сыновей, а они возмутились против Меня!» Послушайте ещё: «Обратитесь, обратитесь от злых путей ваших; для чего умирать вам, дом Израилев?» Ещё лучше — послушайте плач из уст Иисуса, мягкий и нежный, как роса: «Иерусалим, Иерусалим, избивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе! Сколько раз хотел Я собрать детей твоих, как птица собирает птенцов своих под крылья, и вы не захотели!» Грешник, твой грех уязвляет Бога до сердца; твой Творец скорбит о том, над чем ты смеёшься; твой Спаситель восклицает в духе о том, что ты считаешь пустяком: «О, не делайте этого мерзкого дела, которое Я ненавижу!» Ради Бога не делайте! Мы часто говорим «ради Бога», не зная, что имеем в виду; но здесь увидьте смысл: ради Бога, чтобы не огорчать вашего Творца, не заставлять Самого Вечного вопиять от того, что Он утомлён вами. Перестаньте, перестаньте ходить злыми путями; для чего умирать вам, дом Израилев? Теперь оставлю эти два положения и очень кратко перейду к следующему.

25 Хотя грех действительно тягостен Господу, Его милость возвеличивается, когда мы видим, что Он несёт это бремя. О повозке сказано не то, что она ломается, а лишь что она отягощена; так и Он отягощён, но всё же несёт.

Если бы мы с вами были на месте Бога, стали бы терпеть? Нет, не прошло бы недели, как мы сожгли бы вселенную огнём или растоптали её в прах под ногами. Если бы закон неба был так же скор на наказание, как закон человека, где были бы мы? Как легко Он мог бы отомстить за Свою честь! Сколько служителей стоят вокруг, готовые исполнить Его приказ! Как римский консул выходил в сопровождении ликторов, несущих секиру, так Бога всегда сопровождают Его исполнители приговора. Камень, черепица с крыши, удар молнии, порыв ветра, пылинка, струя газа, лопнувший кровеносный сосуд — и всё кончено: вы мертвы и в руках разгневанного Бога. Поистине Господу приходится сдерживать служителей Своего гнева, ибо небеса восклицают: «Почему нам покрывать голову этого негодяя?» Земля спрашивает: «Почему мне давать урожай плугу грешника?» Молнии гремят и говорят: «Позволь поразить мятежника», — а моря ревут на грешника, желая получить его в добычу. Нет большего доказательства Божьего всемогущества, чем Его долготерпение, ибо способность Бога сдерживать Себя являет величайшую возможную силу. Грешник, Иегова всё ещё терпит тебя. Ангелы изумлялись этому; они думали, что Он поразит, но Он всё ещё терпит вас. Видели ли вы когда-нибудь, как оскорбляют терпеливого человека? На улице ему встречается злодей и оскорбляет его перед толпой мальчишек. Он терпит. Негодяй плюёт ему в лицо. Он всё ещё терпит. Обидчик ударяет его. Он спокойно сносит это. «Отдай его под стражу», — говорит кто-то. «Нет, — отвечает он, — я всё ему прощаю». Негодяй сбивает его с ног и валяет в сточной канаве, но он всё ещё терпит; да, и когда поднимается весь покрытый грязью, говорит: «Если я могу чем-нибудь помочь тебе, сделаю это сейчас». В эту самую минуту

служащий шерифа арестовывает негодяя за долг; оскорблённый вынимает кошелёк, платит долг и говорит: «Ты свободен». Смотрите: после этого негодяй снова плюёт ему в лицо! «Теперь, — скажете вы, — пусть закон сделает с ним своё дело». Осталось ли теперь место терпению? Так было бы с человеком; но с Богом было иначе. Хотя Он, как повозка, отягощён снопами, всё же, как у повозки, ось не ломается. Он несёт бремя. Он по-прежнему терпит нераскаянных грешников.

26 Это подводит меня к четвёртому положению, к которому я хотел бы привлечь ваше глубочайшее внимание. Боюсь, некоторые из вас никогда не смотрели на грех как на огорчение Бога, иначе вы не желали бы более огорчать Его. Другие же чувствуют, как горько зло, и хотят от него избавиться. Вот наше четвёртое положение: Бог не только до сих пор терпит грех, но Бог в лице Своего Сына понёс и удалил грех.

27 Эти слова обрели бы глубокий смысл в устах Иисуса: «Я отягощён вами, как отягощена повозка, полная снопов». Здесь стояла великая задача. Бог должен наказать грех, и всё же Он желал явить милость. Как это могло совершиться? Вот, Иисус приходит стать заместителем всех, кто доверяется Ему. Бремя вины возлагается на Его плечи. Смотрите, как на Него громоздят снопы человеческого греха!

> 28 «Моя душа обращается назад, чтобы увидеть
> Бремена, которые Ты понёс,
> Вися на проклятом древе,
> И надеется, что её вина была среди них».

29 «Господь возложил на Него беззаконие всех нас». Вот они лежат, сноп на снопе, пока Он не оказывается

придавлен, словно повозка, стонущая на ходу. «Он был презрен и умалён пред людьми, муж скорбей и изведавший болезни». Взгляните: пот Его был «как капли крови, падающие на землю». Ирод насмехается над Ним. Пилат глумится. Князя Иудеи ударили по щеке. «Я предал хребет Мой биющим и ланиты Мои поражающим; лица Моего не закрывал от поруганий и оплевания». Его привязали к столбу; Его бьют прутьями, на этот раз не сорок ударов *без одного*, ибо для Него нет этого «без одного». «Наказание мира нашего было на Нём, и ранами Его мы исцелились». Посмотрите на Него, идущего по улицам Иерусалима словно повозка, придавленная снопами. Вы вправе плакать, дочери Иерусалима, хотя Он и велит осушить слёзы! Низкие люди улюлюкают Ему, пока Он идёт, согнувшись под тяжестью собственного креста, бывшего образом нашего греха. Его приводят на Голгофу. Его бросают на спину, простирают Ему руки и ноги. Проклятое железо проникает в самые чувствительные части Его тела, где особенно много нервов. Они поднимают крест. О истекающий кровью Спаситель, настал час Твоего горя! С жестокой силой они вбивают крест в углубление; гвозди раздирают Его руки и ноги. Он висит в крайней муке, ибо Бог оставил Его; враги преследуют и захватывают Его, ибо нет избавляющего. Они насмехаются над Его наготой, указывают на Его мучения, смотрят и пристально разглядывают. Непристойными шутками они оскорбляют Его скорби, обращают Его молитвы в каламбуры. Теперь Он поистине червь, а не человек, столь сокрушённый, что едва можно помыслить, будто в Нём обитает Божество. Жар иссушает Его; язык высох, как черепок, и Он восклицает: «Жажду!» Лишь уксус подают Ему. Солнце отказывается светить, и густая полночь того страшного полудня — подобающий

образ десятикратного мрака Его души. Из этого всеобъемлющего ужаса Он восклицает: «Боже Мой, Боже Мой! Для чего Ты Меня оставил?» Вот когда Он действительно был отягощён! Никогда не было скорби, подобной Его скорби. Все человеческие горести нашли вместилище в Его сердце, и наказание за человеческую вину излилось на Его тело и душу. Неужели грех когда-нибудь будет для меня пустяком? Неужели я буду смеяться над тем, что заставило стонать моего Спасителя? Неужели стану играть и забавляться тем, что пронзило Его сердце? Грешник, неужели не оставишь своих грехов ради Того, Кто пострадал за грех? «Да, — говоришь ты, — да, если бы я мог поверить, что Он пострадал ради меня». Вверишь ли ты свою душу Его рукам прямо сейчас? Делаешь ли это? Тогда Он умер *за тебя*, взял *твою* вину и понёс все *твои* скорби, и ты можешь идти свободным, ибо Бог удовлетворён, а ты оправдан. Христос был обременён, чтобы ты обрёл облегчение; Он был придавлен, чтобы ты был свободен. О, если бы я мог говорить о моём драгоценном Господине, как говорил бы Иоанн, видевший Его и свидетельствовавший, — он мог бы поведать скорби Голгофы жалобным голосом. Что имею, то даю вам; о, если бы Бог вместе с этим дал вам силу и благодать тотчас уверовать в Иисуса!

[30] V. Ибо если нет — и это наше последнее положение, — Бог будет нести бремя наших оскорблений лишь недолгое время; и если, когда придёт конец, мы не будем во Христе, то же самое бремя сокрушит нас навеки.

[31] Многие учёные переводят наш текст иначе, чем в имеющемся перед нами переводе. По их мнению, его следует читать: «Я придавлю вас, как повозка, полная

снопов, давит на ваше место». То есть как тяжело нагруженный воз вдавливался в мягкие восточные дороги и оставлял глубокие борозды, так Я, говорит Бог, сокрушу вас под тяжестью вашего греха. Такова будет твоя участь, слушатель мой, если ты вне Христа: собственные дела станут давить на тебя. Нужно ли распространяться об этом ужасе? Думаю, нет. Нужно только, чтобы ты лично применил к себе эту угрозу! Разделите себя сейчас. Разделите себя, говорю! Пусть каждый ответит за себя: веруешь ли ты в Господа Иисуса Христа? Тогда угроза не тебе. Но если не веруешь, заклинаю тебя, слушай меня сейчас так, словно ты единственный здесь. Душа без Христа скоро станет отверженной; неверующий во Христа уже осуждён, потому что не верует. Как избежишь ты, пренебрегая столь великим спасением? Так говорит тебе Господь: «Обратите сердце ваше на пути ваши». Временем и вечностью, жизнью и смертью, небом и адом заклинаю тебя веровать в Того, Кто может совершенно спасать приходящих к Нему; но если ты не веруешь во Христа, умрёшь во грехах твоих.

32 После смерти — суд! О, суд, громогласная труба, множество людей, книги, великий белый престол, слова «Придите, благословенные» и «Отойдите, проклятые!»

33 После суда для души вне Христа — ад! Кто из нас, кто *из нас* устоит при пожирающем пламени? Кто из нас? Кто из нас будет жить при вечном огне? Молюсь, чтобы никто из нас не оказался там. Но мы *неизбежно будем* там, если не убежим ко Христу. Умоляю тебя, дорогой слушатель, беги к Иисусу! Быть может, я никогда больше не увижу твоего лица; твои глаза, быть может, никогда больше не встретятся с моими; но я отрясаю со своих одежд твою кровь, если ты не уверуешь во Христа. Мои слёзы умоляют

тебя: пусть Его долготерпение приведёт тебя к покаянию. Он не желает ничьей смерти, но хочет, чтобы люди обратились к Нему и жили; и это обращение состоит главным образом в том, чтобы вверить Иисусу душу. Уверуешь ли ты во Христа? Нет, я знаю, что ты не сделаешь этого, если Дух Божий не понудит тебя; но если не сделаешь, то не из-за недостатка просьб и мольбы. Приди: настал час милостивого принятия. Прошу тебя, приди. Иисус пронзёнными руками приглашает тебя, хотя ты долго отвергал Его. Он снова стучит. Его непобедимая любовь противостоит твоему нечестию. Он просит тебя спастись. Грешник, примешь ли ты Его или нет? «Желающий пусть приходит и берёт воду жизни даром». Да поможет вам Бог прийти ради славного Искупителя. Аминь.

Молотьба

[1] «Ибо чернуху не молотят молотильным орудием и колеса повозки не катают по тмину; но чернуху выбивают палкой, а тмин — прутом. Хлебное зерно обминают, ибо не вечно же молотить его; и не разбивают его колесом повозки и не раздавливают его всадниками». — Ис. 28:27–28.

[2] Искусству земледелия человека научил Бог. Человек умер бы с голоду, пока открывал бы его сам, поэтому Господь, высылая его из Едемского сада, дал ему некоторые начальные наставления в земледелии, как говорит пророк: «Его Бог учит его рассудительности и наставляет его». Бог научил человека пахать, разбивать комья, сеять разные виды хлеба и вымолачивать различные семена.

[3] Восточный земледелец не мог молотить машинами, как мы, но и в этом деле проявлял изобретательность и рассудительность. Иногда по хлебу протаскивали тяжёлое орудие, чтобы отделить зерно. Именно оно подразумевается в первой части стиха под «молотильным орудием», как и в словах: «Я сделал тебя острым молотильным орудием с зубьями». Когда молотильную волокушу не применяли, по соломе часто катали тяжёлое сплошное колесо деревенской повозки. Об этом говорится в следующем предложении: «И колеса повозки не катают по тмину». Были у них также цепы, не слишком отличавшиеся от наших; а для ещё более мелких семян, таких как укроп и тмин, они употребляли простую палку или тонкий прутик. «Чернуху выбивают палкой, а тмин — прутом».

[4] Сейчас не время и не место читать исследование о молотьбе. Все сведения об этом можно найти в соответствующих книгах; смысл же примера таков: как Бог научил земледельцев различать при молотьбе разные виды зерна, так и Сам Он в Своей бесконечной мудрости рассудительно обращается с разными людьми. Он не всех нас испытывает одинаково, потому что мы устроены различно. Не всех проводит через одну и ту же муку обличения: не всех нас в одинаковой мере молотят ужасами. Не всем Он даёт переносить одинаковые семейные или телесные скорби: один отделывается ударами прута, другой в тяжёлых испытаниях чувствует словно конские копыта.

[5] Вот наш предмет. *Молотьба*: всякого рода семена нуждаются в ней, *всякого рода люди нуждаются в ней*. Во-вторых, *молотьба совершается с рассудительностью*; и, в-третьих, *молотьба не будет длиться вечно*, ибо второй стих нашего текста говорит: «Хлебное зерно обминают, ибо не вечно же молотить его; и не разбивают его колесом повозки и не раздавливают его всадником».

[6] I. Итак, во-первых, все мы нуждаемся в молотьбе. Некоторые по неразумному самомнению считают, что не имеют греха; но они обманывают себя, и истины нет в них. Лучшие из людей в лучшем случае остаются людьми; а будучи людьми, они несовершенны и всё ещё обложены немощью. Какова цель молотьбы зерна? Не в том ли, чтобы отделить его от соломы и мякины?

[7] *Даже у лучших людей остаётся некоторая доля мякины.* Не всё лежащее на гумне — зерно. Не всё зерно даже в тех золотых снопах, которые с такой радостью внесены в нашу житницу. И пшеница соединена с

соломой, которая некогда была ей необходима. Зерно пшеницы облечено шелухой, и она всё ещё держится за него, даже когда оно лежит на гумне. В самых святых людях есть нечто лишнее, нечто, подлежащее удалению. Мы грешим либо упущением, либо проступком. Либо в духе, либо в побуждении, либо недостатком ревности, либо нехваткой рассудительности мы оказываемся неправы. Избегнув одной ошибки, обыкновенно скользим в противоположную. Если до поступка мы правы, то ошибаемся при его совершении, а если нет, становимся горды после него. Если грех не впускают в переднюю дверь, он пробует заднюю калитку, влезает в окно или спускается через дымоход. Те, кто не замечает его в себе, нередко ослеплены его дымом. Они настолько погружены в воду, что не знают о дожде. По собственным наблюдениям я не нашёл ни одного человека, которого старые богословы назвали бы совершенно совершенным; абсолютно всесторонне совершенного человека я надеюсь увидеть на небе, но не в этом бедном падшем мире. Всем нам необходимо такое очищение, какое призвано совершать над нами гумно.

[8] *Молотьба полезна для ослабления связи между добрым зерном и шелухой*. Конечно, если бы зерно легко выскальзывало из оболочки, его достаточно было бы встряхнуть. Чтобы отделить его, не потребовалось бы ни палки, ни прута, тем более конских копыт или колеса повозки. Но вот в чём затруднение: наша душа не просто лежит во прахе, а «прильнула» к нему. Между падшей человеческой природой и злом в мире существует страшная близость, и этот союз разрывается не скоро. В сердце мы ненавидим всякий ложный путь и всё же со скорбью признаём: «Когда хочу делать доброе, прилежит мне злое». Порою, когда наш дух всего пламеннее

взывает к Богу, желание святого есть в нас, но как совершить добро, мы не находим. У плоти и крови есть склонности и слабости, которые, даже если сами по себе не греховны, всё же ведут к греху. Влечениям нужно лишь небольшое возбуждение, чтобы прорасти в похоти. Нелегко нам забыть свой народ и дом своего отца, даже когда царь весьма желает нашей красоты. Наша чуждая Богу природа вспоминает Египет и котлы с мясом, пока манна ещё в наших устах. Все мы родились в доме зла, а некоторые были вскормлены на коленях беззакония, так что первыми нашими товарищами были наследники гнева. То, что вошло в кости, трудно вывести из плоти. Молотьба нужна, чтобы ослабить нашу хватку за земное и оторвать нас от зла. Для этого необходима Божественная рука, и только благодать Божья может сделать молотьбу действенной. Уже нечто достигнуто ею, когда душа перестаёт быть связанной со своим грехом и грех уже не приносит удовольствия или удовлетворения. Но как молотьба не завершена, пока зерно не отделено от шелухи совершенно, так наказание и воспитание не достигли своей цели, пока Божий народ не оставил всякий вид зла и не возненавидел всякое беззаконие. Когда мы совершенно вытряхнемся из соломы и больше не будем иметь дела с грехом, тогда цеп будет лежать спокойно. Немало молотьбы потребовалось, чтобы привести некоторых из нас хоть сколько-нибудь близко к этой цели; и боюсь, прежде чем достигнем полного отделения, будет нанесено ещё немало тяжёлых ударов. От некоторых видов греха благодать Божья весьма легко отделяет нас в начале духовной жизни; но когда они исчезают, обнаруживается другой слой зла, и работу приходится повторять. Полное устранение нашей связи с

грехом — дело, требующее Божественного искусства и силы Святого Духа; лишь Им оно и будет совершено.

9 Молотьба необходима ради нашей полезности, ибо пшеница должна выйти из шелухи, чтобы приносить пользу. Мы можем чтить Бога и благословлять людей лишь будучи святыми, непричастными злу, непорочными и отделёнными от грешников. О зерно Господнего гумна, ты должно быть обито и обмято или погибнуть бесполезной кучей! Выдающаяся полезность обычно требует выдающейся скорби.

10 Если мы так не отделены от греха, нас нельзя собрать в житницу. Чистая Божья пшеница не должна быть осквернена примесью мякины. На небо никоим образом не войдёт ничто оскверняющее; поэтому всякое несовершенство тем или иным способом должно отпасть от нас, прежде чем мы сможем войти в состояние вечного блаженства и совершенства. Да, уже здесь мы не можем иметь истинного общения с Отцом, если ежедневно не освобождаемся от греха.

11 Быть может, некоторые из нас сегодня лежат на гумне, страдая от ударов наказания. Что же? Будем радоваться этому, ибо *это свидетельствует о нашей ценности в Божьих глазах*. Если бы пшеница воскликнула: «По мне прошла тяжёлая волокуша, значит, земледелец не заботится обо мне», — мы тотчас ответили бы: земледелец не водит молотильную волокушу по плевелам или крапиве; лишь по драгоценной пшенице он направляет колесо своей повозки или ноги волов. Именно потому, что дорожит пшеницей, он обращается с нею сурово и не щадит её. Не заключай, верующий, что Бог ненавидит тебя, раз посылает скорбь; истолкуй верно и увидь: каждым наносимым тебе ударом Он оказывает тебе честь.

Так говорит Господь: «Только вас признал Я из всех племён земли, потому и взыщу с вас за все беззакония ваши». Поскольку Господь Иисус совершил полное искупление всех грехов Своего народа, Он не будет наказывать нас как судья; но поскольку мы Его дорогие дети, Он будет вразумлять нас как отец. В любви Он исправляет Своих детей, чтобы усовершенствовать их по Своему образу и сделать причастниками Своей святости. Разве не написано: «Проведу их под жезлом завета»? Разве Он не сказал: «Я расплавил тебя, но не как серебро; избрал тебя в горниле страдания»? Поэтому судите не по видимому глазами и не по ощущению плоти, а по вере; поймите: как молотьба свидетельствует о ценности пшеницы, так скорбь — знак Божьего благоволения к Его народу.

12 Однако помните: как молотьба — знак того, что пшеница ещё не очищена, так *скорбь указывает на нынешнее несовершенство христианина*. Если бы вы уже не были связаны со злом, вас уже не исправляли бы скорбью. На небе никогда не слышен звук цепа, ибо оно не гумно несовершенных, а житница вполне освящённых. Поэтому молотильное орудие — смиряющий знак, и, пока мы его ощущаем, нам следует смиряться под Божьей рукой, ибо ясно, что мы ещё не свободны от соломы и мякины падшей природы.

13 С другой стороны, это орудие — *пророчество о нашем будущем совершенстве*. Мы проходим под Божьей рукой воспитание, которое не останется безуспешным: Его рассудительностью и мудростью мы будем совершенно избавлены от шелухи греха. Мы ощущаем удары палки, но действенно отделяемся от зла, так долго окружавшего нас, и несомненно однажды будем чистыми и

совершенными. Всякая склонность ко греху будет отбита. «Глупость привязалась к сердцу юноши, но исправительная розга удалит её от него». Если мы, будучи злы, всё же достигаем успеха с нашими детьми посредством немощного, несовершенного наказания, тем более Отец духов Своим святым воспитанием побудит нас жить Ему. Если бы зерно знало необходимую пользу цепа, оно пригласило бы молотильщика к труду; и поскольку мы знаем, к чему ведёт скорбь, будем хвалиться ею и с радостью предаваться её действию. Мы нуждаемся в молотьбе; молотьба доказывает нашу ценность в Божьих глазах и, отмечая наше несовершенство, обеспечивает окончательное очищение.

14 II. Во-вторых, замечу: Божья молотьба совершается с великой рассудительностью, «ибо чернуху не молотят молотильным орудием». Бедную малую чернуху — мелкое семя для придания вкуса лепёшкам — не выдавливали тяжёлой волокушей, ибо от такого грубого обращения она была бы раздроблена и испорчена. «И колеса повозки не катают по тмину»: это мелкое семя, возможно обычный тмин, было бы перемолото столь великой тяжестью; обращаться с ним так грубо было бы нелепо. Чернуха легко отделялась от стеблей, когда её «выбивали палкой», а тмину требовалось лишь прикосновение прута. Для нежных семян земледелец употребляет мягкие средства, а для более крепкого зерна оставляет суровые способы. Подумаем об этом: здесь содержится ценный духовный урок.

15 Подумай, брат мой: твоя и моя молотьба *в Божьих руках*. Наше наказание не поручено слугам, тем более врагам: «мы наказываемся от Господа»! Сам Великий Земледелец лично велит работникам делать то или иное,

ибо без указания Божественной мудрости они не знают ни времени, ни способа; они стали бы катать колесо по тмину или пытались бы молотить пшеницу палкой. Я видел, как Божьи служители совершали обе эти глупости: они сокрушали слабых и нежных, а с теми, кого следовало строго обличить, обращались пристрастно и мягко. Как грубо некоторые проповедники, некоторые пресвитеры, некоторые добрые мужчины и женщины берутся за робкие, нежные души! И всё же нам не следует бояться, что они погубят искренних: сколько бы ни огорчали их, Господь не оставит Своих избранных в их руках, но превозможет их ошибочную суровость и сохранит Своих от гибели через неё. Как я этому рад, ибо ныне многие, если бы могли, растёрли бы нежные души в порошок!

16 Как Господь не оставил нас во власти человека, так не оставил и во власти дьявола. Сатана может сеять нас как пшеницу, но не будет молотить нас как чернуху. Он может сдувать с нас мякину даже своим нечистым дыханием, но не получит в распоряжение Господний хлеб: «Господь хранит праведных». Ни один удар в Промысле не оставлен случаю: Господь назначает его, устраивает его время, силу и место. Божественное определение ничего не оставляет неопределённым; власть высшей любви занимается мельчайшими событиями нашей повседневной жизни. Терпим ли мы зубья молотильной волокуши, или люди едут по нашим головам, или мы переносим более нежные прикосновения Божественной руки, — всё назначено, и назначение установлено непогрешимой мудростью. Пусть это станет сокровищницей утешения для скорбящих.

17 Далее заметьте, что *орудия нашей молотьбы также выбирает Великий Земледелец*. Восточный земледелец,

согласно тексту, имеет несколько орудий; так и наш Бог. Никакой вид молотьбы не приятен зерну, которое её терпит; более того, страдающему каждый кажется особенно неприемлемым. Мы говорим: «Думаю, я вынес бы всё, кроме этой печальной беды». Мы восклицаем: «Если бы это был враг, я мог бы перенести», — и так далее. Быть может, нежный тмин неразумно воображает, будто конские копыта были бы менее страшным испытанием, чем прут, а чернуха могла бы даже предпочесть колесо палке; но, к счастью, выбор предоставлен Тому, Кто судит безошибочно. Что ты знаешь об этом, бедный страдалец? Как можешь судить, что полезно тебе? «Ах, — восклицает мать, — я не боялась бы бедности, но потерять моё дорогое дитя — слишком ужасно!» Другой жалуется: «Я мог бы расстаться со всем богатством, но клевета ранит меня до глубины души». В вопросе наказания нам не угодить. Когда я учился в школе, где учителем был мой дядя, он часто посылал меня найти ему трость. Задание было не особенно приятным, и я заметил, что ни разу не сумел выбрать палку, которая понравилась бы мальчику, которому предстояло её ощутить. Она была либо слишком тонкой, либо слишком толстой; вследствие этого пострадавшие грозили мне заслуженной карой, если в следующий раз я не справлюсь лучше. Этот опыт научил меня никогда не ожидать, что детям Божьим понравится именно тот прут, которым их вразумляют. Вы улыбаетесь моему сравнению, но можете улыбнуться и себе, когда поймаете себя на возгласе: «Любая беда, Господи, только не эта! Любая скорбь, только не эта!» Как напрасно ожидать приятного испытания: тогда оно вовсе не было бы испытанием. Почти всякое действительно полезное лекарство неприятно, почти всякая действенная

хирургическая операция болезненна. Никакое испытание в настоящее время не кажется радостью, а печалью; однако это надлежащее испытание, и оно не менее надлежащее оттого, что горько.

[18] Заметьте также: Бог не только выбирает орудия, *но выбирает и место*. У восточных земледельцев есть большие гумна, на которые они бросают снопы пшеницы или ячменя и пускают по ним коней и волокуши; но возле дверей домов в Италии я часто замечал гораздо меньший круг из затвердевшей глины или цемента и видел, как крестьяне выбивали на нём огородные семена гораздо бережнее, чем естественно обращаться с большими грудами на большом гумне. Некоторые святые не терпят скорбей в обычных жизненных делах, но имеют особую скорбь в сокровенной глубине духа; их молотят на меньшем, более уединённом гумне, но от этого процесс не менее действен. Как неразумны мы, когда восстаём против Господнего назначения и говорим, словно вправе выбирать собственные скорби! «По-твоему ли должно быть?» Разве ребёнок должен выбирать розгу? Разве зерно должно назначать себе молотильщика? Не следует ли предоставить это высшей мудрости? Некоторые жалуются на время испытания: тяжело стать калекой в юности, обеднеть в старости или овдоветь, когда дети ещё малы. И всё же во всём этом есть мудрость. Часть искусства врача может состоять не только в выписывании рецепта, но и в назначении часов приёма лекарства. Одна микстура может быть наиболее полезна утром, другая — вечером; так Господь знает, когда нам лучше пить приготовленную Им чашу. Я знаю дорогое дитя Божье, которое переносит тяжёлое испытание в старости, и мне хотелось бы оградить его от этого из-за его немощи; но наш Небесный Отец знает лучше, и Ему мы должны это

оставить. Орудие молотьбы, место, мера, время, цель — всё назначено непогрешимой любовью.

19 Интересно заметить в тексте предел этой молотьбы. Земледелец ревностно старается выбить семя, но заботится, чтобы чрезмерной суровостью не разбить его на части. Его колесо должно не перемалывать, а молотить; конские ноги — не раздроблять, а отделять. Он намерен извлечь тмин из оболочки, но не станет пускать по нему тяжёлую волокушу, чтобы совсем размозжить и уничтожить его. Подобным образом Господь соблюдает меру во всех Своих наказаниях. Мужайся, испытываемый друг: ты будешь страдать столько, сколько тебе нужно, а не столько, сколько заслуживаешь; скорбь придёт сообразно твоим силам её вынести. Какова сила, такова будет и скорбь: пшеница может ощутить колесо, но чернуха не понесёт ничего тяжелее палки. Ни один святой не будет искушаем сверх надлежащей меры; предел положен нежностью, никогда не наносящей ненужного удара.

20 Очень легко говорить так хладнокровно и совсем другое дело — помнить это, когда по тебе бьёт цеп; однако я лично постиг эту истину на одре боли и в горниле душевного страдания. Я благодарю Бога при каждом воспоминании о своих скорбях; тогда я не сомневался в Его мудрости, и с тех пор не имел причины её оспаривать. Наш Великий Земледелец знает, как отделить нас от шелухи, и совершает Своё дело так, что за это достоин поклонения вовеки.

21 Отрадна мысль, что Божий предел — черта, которой испытания никогда не перейдут:

[22] «Если людям назначено шесть испытаний,
Семи они не претерпят;
Если Бог определил десять скорбей,
Одиннадцати их не будет».

[23] Древний закон назначал сорок ударов без одного, и во всех наших бичеваниях всегда есть это «без одного». Когда Господь умножает наши скорби до ста, это потому, что девяносто девять не достигли Его цели; но все силы земли и ада не могут нанести нам ни одного удара сверх установленного числа. Мы никогда не претерпим лишней молотьбы. Господь никогда не играет чувствами Своих святых. «Он не по изволению сердца Своего наказывает», — поэтому мы можем быть уверены: ненужного удара Он никогда не наносит.

[24] Мудрость земледельца, ограничивающего молотьбу, неизмеримо уступает мудрости Бога, полагающего предел нашим скорбям. Некоторые отделываются малыми бедами, и, возможно, потому, что они хрупки и чувствительны. Маленькие огородные семена нельзя бить слишком сильно, чтобы не повредить; со святыми, носящими немощное тело, нельзя обращаться грубо, и так с ними обращаться не будут. Быть может, и душевные силы у них слабы, и то, над чем другие посмеялись бы, стало бы для них смертью; они будут хранимы как зеница ока.

[25] Если вы свободны от скорби, никогда не просите её: это было бы великим безумием. Недавно я встретил брата, сказавшего, что сильно недоумевает, потому что у него нет бед. Я ответил: «Не тревожьтесь об *этом*, а будьте счастливы, пока можете». Лишь странный ребёнок стал бы просить, чтобы его высекли. Некоторые милые, светлые святые обладают столь кротким духом, что

Господь не подвергает их такому же обращению, какое назначает другим; им это не нужно, и они не могли бы вынести; зачем же желать этого?

[26] Другие, напротив, бывают весьма сильно придавлены; но что из того, если они — зерно лучшего сорта, семя большей полезности, предназначенное для более высоких целей? Пусть такие не жалеют, что должны переносить более тяжёлую молотьбу, поскольку их польза больше. Именно хлебное зерно должно пройти под ногами коней всадника и ощутить колесо повозки; так и самым полезным приходится проходить самые суровые процессы. Нет среди нас никого, кто не сказал бы: «Я хотел бы быть Мартином Лютером или сыграть такую же благородную роль, как он». Да, но, помимо внешних опасностей его жизни, внутренние переживания этого замечательного человека были таковы, что ни один из нас не пожелал бы их испытать. Его часто мучили сатанинские искушения и доводили до края отчаяния. В один час он словно мчался на вихре и буре, властвуя над всем миром; а затем, после дней борьбы с папой и дьяволом, возвращался домой, ложился в постель и лежал там разбитый и дрожащий. Вы видите Божьих героев только на кафедре или в иных общественных местах и не знаете, каковы они втайне перед Богом. Вы не знаете их внутренней жизни; иначе могли бы обнаружить, что хлебное зерно обминают и что наиболее полезные в утешении других сами должны переносить частую скорбь. Никому не завидуйте, ибо не знаете, как человека, возможно, приходится молотить, чтобы сделать его правым и сохранить таким.

[27] Братья, мы видим, что наш Бог проявляет рассудительность, наказывая Свой народ; будем и мы

проявлять любящую осмотрительность, когда нам приходится так обращаться с другими. С детьми будьте кротки наряду с твёрдостью; и если нужно обличить брата, делайте это очень нежно. Не гоните коней по нежному семени. Помните: тмин выбивают палкой, а не раздавливают колесом. Возьмите очень лёгкий прут. Возможно, ещё лучше было бы вовсе не брать прута, а предоставить это дело более мудрым рукам. Ступайте сеять, а молотьбу оставьте старшим.

28 Далее будем твёрдо верить в Божью рассудительность и не сомневаться, что Он поступает с нами правильно. Не станем стремиться оградить себя от скорби. Когда просим, чтобы чаша миновала нас, пусть это сопровождается словами: «Впрочем, не как я хочу». А лучше всего — добровольно расстанемся со своей мякиной. Самый верный способ избежать цепа — как можно скорее отделиться от шелухи. «Выйдите из среды их». Отделитесь от греха и грешников, от мира и мирского, и молотьба тем скорее завершится. Да умудрит нас Бог в этом!

29 III. Лишь слово или два мы можем уделить третьему положению: молотьба не будет продолжаться вечно.

30 Молотьба не будет длиться все наши дни даже здесь: «Хлебное зерно обминают, но не всегда молотят его». О нет. «На малое время Я оставил тебя, но с великою милостью восприму тебя». «Не до конца гневается, и не вовек негодует». «Вечером водворяется плач, а на утро радость». Радуйтесь, дочери скорби! Утешайтесь, сыны печали! Надейтесь на Бога, ибо ещё будете славить Его, спасение лица вашего. Дождь не всегда идёт, и облака не всегда будут возвращаться. Печаль и воздыхание удалятся. Молотьба — не работа, нужная зерну круглый

год; большую часть времени цеп бездействует. Благослови, душа моя, Господа! Господь ещё приведёт домой Своих изгнанных.

31 И прежде всего скорбь не будет длиться вечно, ибо вскоре мы уйдём в иной, лучший мир. Скоро нас перенесут в страну, где нет ни гумен, ни молотильных волокуш. Иногда мне кажется, что я слышу зов вестника. Его труба звучит: «Вставай, в путь! Обувайся, седлай! Вставай, в путь! Оставь стан и битву и возвращайся с торжеством». Ваша ночь уже на исходе, а утро приходит. Над теми холмами занимается свет. Приближается день — день, который уже никогда не закатится. Придите, ешьте свой хлеб с радостью и идите вперёд с весёлым сердцем, ибо земля, текущая молоком и мёдом, уже недалеко перед вами. Пока не повеет день и не убегут тени, пребывайте в покорности воле Великого Земледельца; и да прославит Себя в вас Господь. Аминь.

Пшеница в житнице

[1] «Соберите пшеницу в житницу Мою». — Мф. 13:30.

[2] «Соберите пшеницу в житницу Мою». Тогда исполнится намерение Сына Человеческого. Он посеял доброе семя, и в конце Его житница наполнится им. Не унывайте: Христос не будет разочарован. «На подвиг души Своей Он будет смотреть с довольством». Он вышел с плачем, неся драгоценное семя, но возвратится с радостью, неся Свои снопы.

[3] «Соберите пшеницу в житницу Мою» — тогда замысел сатаны потерпит неудачу. Враг пришёл и посеял плевелы среди пшеницы, надеясь, что ложная пшеница уничтожит истинную или серьёзно повредит ей; но в конце он потерпел поражение, ибо пшеница созрела и была готова к уборке. Житница Христа наполнится; плевелы не заглушат пшеницу. Лукавый будет посрамлён.

[4] Для собирания пшеницы будут привлечены добрые ангелы: «жнецы — ангелы». Это особенно посрамляет великого злого ангела. Он сеет плевелы и старается погубить урожай; поэтому добрые ангелы призваны праздновать его поражение и вместе со своим Господом радоваться успеху Божественного земледелия. Сатана мало выиграет от своего вмешательства: все его усилия будут расстроены, и так исполнится угроза: «На чреве твоём будешь ходить и прах будешь есть».

[5] Когда ангелам поручается дело, все разумные создания, о существовании которых мы знаем, вовлекаются в дело благодати; из злобы или ради поклонения искупление волнует их всех. Всем становятся явны чудесные дела Божьи, ибо это совершалось не в углу.

[6] Мы слишком забываем об ангелах. Не будем упускать из виду их нежное сочувствие к нам: они видят, как Господь радуется нашему покаянию, и радуются с Ним; они — наши стражи и Господни вестники милосердия; они несут нас на руках, чтобы мы не преткнулись ногой о камень; а когда наступает смерть, относят нас на лоно нашего Господа. Одна из наших радостей — то, что мы приступили к бесчисленному сонму ангелов; будем думать о них с любовью.

[7] На этот раз я буду держаться моего текста и проповедовать по нему почти слово за словом. Он начинается с «но», а это слово разделения.

[8] Заметьте: плевелы и пшеница будут расти вместе до времени жатвы. Для некоторых колосьев пшеницы великой сердечной скорбью бывает расти рядом с плевелами. Нечестивые — словно тернии и колючки для боящихся Господа. Как часто благочестивое сердце вынуждено вздыхать: «Горе мне, что я пребываю в Мосохе, живу у шатров Кидарских!» Враги человека нередко находятся среди его домашних; те, кому следовало бы быть лучшими помощниками, часто становятся худшими препятствиями; их разговоры раздражают и мучат его. Мало пользы пытаться убежать от них, ибо по Божьему Промыслу плевелам позволено расти вместе с пшеницей, и так будет до конца. Добрые люди переселялись в далёкие страны, чтобы основать общины, где были бы одни святые; и, увы, грешники вырастали в их собственных семьях. Попытка выполоть из поселения нечестивых и еретиков приводила к гонению и другим бедам, и весь замысел оказывался неудачным. Другие затворялись в отшельнических убежищах, чтобы избежать искушений мира, надеясь одержать победу

бегством; это не путь мудрости. Нынешнее слово таково: «Оставьте расти вместе»; *но* придёт время окончательного разделения. Тогда, дорогая христианка, твой муж уже никогда не будет преследовать тебя. Благочестивая сестра, твой брат больше не осыплет тебя насмешками. Благочестивый работник, больше не будет шуток и издевательств нечестивых. Это «но» станет железными воротами между богобоязненными и безбожными; тогда плевелы будут брошены в огонь, *но* Господин жатвы скажет: «Соберите пшеницу в житницу Мою».

9 Это разделение необходимо, ибо совместное произрастание пшеницы и плевелов на земле причинило много боли и вреда, а потому не продолжится в более счастливом мире. Мы вполне можем предположить, что благочестивые мужчины и женщины пожелали бы, чтобы их необращённые дети жили с ними на небе; но этого быть не может, ибо Бог не допустит, чтобы очищенные Им осквернялись, а прославленные Им испытывались присутствием неверующих. Плевелы должны быть убраны ради совершенства и полезности пшеницы. Хотели бы вы, чтобы плевелы и пшеница были свалены в житнице в одну кучу? Это было бы поистине скверное хозяйство. Ни те ни другая не могут быть употреблены по назначению, пока совершенно не разделены. Так же, заметьте, спасённые и неспасённые могут жить вместе здесь, но не должны жить вместе в ином мире. Повеление безусловно: «Соберите плевелы и свяжите их в снопы, чтобы сжечь; *но* пшеницу соберите в житницу Мою». Грешник, можешь ли надеяться войти на небо? Ты никогда не любил Бога своей матери — и Он должен терпеть тебя в Своих небесных дворах? Ты никогда не доверял Спасителю своего отца — и всё же должен будешь вечно созерцать Его славу?

Неужели тебе разгуливать по небесным улицам, роняя бранные слова или распевая распутную песню? Ведь ты знаешь, что устаёшь от поклонения Богу в день Господень; думаешь ли, что Господь станет терпеть в вышнем храме неохотных поклонников? День покоя для тебя утомителен; как же надеешься войти в Божью субботу? У тебя нет вкуса к небесным занятиям, и они были бы осквернены, если бы тебе позволили участвовать; поэтому должно появиться это «но», и ты должен расстаться с Господним народом, чтобы уже никогда не встретиться. Можешь ли вынести мысль о разлуке с благочестивыми друзьями навеки?

10 Это разделение влечёт страшное различие участи. «Соберите плевелы в снопы, чтобы сжечь». Я не смею рисовать эту картину; но, когда сноп связан, для него нет места, кроме огня. Дай Бог, чтобы вы никогда не узнали всей муки, которую должно означать сожжение, но тотчас избежали её. Не пустяк то, что Господь любви сравнивает с уничтожением огнём. Я совершенно уверен: никакие мои слова никогда не выразят его ужаса. Говорят, что мы рассказываем страшное о грядущем гневе; но я уверен, что мы скорее преуменьшаем дело. Что же должен был подразумевать нежный, любящий, милостивый Иисус под словами: «Соберите плевелы и свяжите их в снопы, чтобы сжечь»? Посмотрите, как велико различие между участью Господнего народа и народа сатаны. Сжечь пшеницу? О нет: «Соберите пшеницу в житницу Мою». Пусть там они навеки будут счастливо и безопасно укрыты. О, бесконечное расстояние между небом и адом: арфы и ангелы — и вопль и скрежет зубов! Кто когда-либо измерит ширину пропасти, отделяющей прославленного святого, облечённого в белое и увенчанного бессмертием, от души, навеки отогнанной от лица Бога и славы Его

могущества? Страшное «но» — это «но» разделения. Прошу вас, помните: оно встанет между братом и братом, матерью и ребёнком, мужем и женой. «Один возьмётся, а другой оставится». И когда этот меч опустится для разделения, последующего соединения уже никогда не будет. Разделение вечно. В будущем мире нет ни надежды, ни возможности перемены.

11 Но кто-то говорит: «Это страшное *“но”*! Почему должно быть такое различие?» Ответ: потому что различие было всегда. Пшеницу посеял Сын Человеческий, ложную пшеницу посеял враг. Различие природы было всегда: пшеница была добрая, плевелы — злые. Сначала это различие не обнаруживалось, но становилось всё явственнее по мере созревания и пшеницы, и плевелов. Это были совершенно разные растения; так и возрождённый и невозрождённый человек — совершенно разные существа. Я слышал, как невозрождённый человек говорил, что он ничуть не хуже благочестивого; но этим хвастовством он выдавал свою гордость. Несомненно, в Божьих глазах между неспасённым и верующим такая же великая разница, как между тьмой и светом или между мёртвым и живым. В одном есть жизнь, которой нет в другом, и это различие жизненное и коренное. О, не играйте с этим существенным вопросом, но будьте действительно Господней пшеницей! Напрасно носить имя пшеницы: нужно иметь её природу. Бог поругаем не бывает; Ему не угодно, чтобы мы называли себя христианами, не будучи ими. Не довольствуйтесь членством в церкви, но ищите принадлежности Христу. Не говорите о вере, а веруйте. Не хвалитесь духовным опытом, а имейте его. Не будьте *похожи* на пшеницу — будьте пшеницей. Никакие подделки и подражания не устоят в последний великий день; это страшное «но»

разольётся морем огня между истинным и ложным. О Святой Дух, да окажется каждый из нас преображённым Твоей силой!

[12] II. Второе слово нашего текста — «соберите»: это слово собрания. Какое благословенное дело это собирание! Для меня великая радость — собирать множество людей, чтобы они услышали Евангелие; разве не радостно видеть и в будни, и в дни покоя полный дом людей, готовых оставить свои дома и пройти немалое расстояние ради слушания Евангелия? Собирать людей для этого — великое дело; но собирание пшеницы в житницу гораздо чудеснее. Собирание само по себе лучше рассеяния, и я молюсь, чтобы Господь Иисус всегда проявлял здесь Свою привлекающую силу, ибо Он не разделитель, но «к Нему соберутся народы». Разве Он не сказал: «И когда Я вознесён буду от земли, всех привлеку к Себе»?

[13] Заметьте: упомянутое в нашем тексте собрание отбирают и собирают искусные собиратели: «жнецы — ангелы». Проповедники не смогли бы этого сделать, ибо не знают всей Господней пшеницы и склонны ошибаться: одни по чрезмерной снисходительности, другие по излишней суровости. Наши немощные суждения порой исключают святых и часто включают грешников. Ангелы узнают достояние своего Господина. Они знают каждого святого, ибо присутствовали при его рождении. Ангелы знают, когда грешники каются, и никогда не забывают самих кающихся. Они были свидетелями жизни уверовавших и помогали им в духовных битвах, а потому знают их. Да, ангелы святым чутьём различают детей Отца, и обмануть их нельзя. Они непременно соберут всю пшеницу и оставят за пределами каждый плевел.

14 Но собирание происходит по весьма строгому правилу: сначала, согласно притче, удаляются плевелы, ложная пшеница, а затем ангельские жнецы собирают только пшеницу. Семя змея, порождённое сатаной, так отделяется от семени Царства, принадлежащего Иисусу, обещанному Избавителю. Это единственное различие; никакое другое не принимается во внимание. Даже если бы самые любезные необращённые люди могли встать в ряды святых, ангелы не понесли бы их на небо, ибо поручение гласит: «Соберите пшеницу». Пусть самый честный человек оказался бы в середине церкви, окружённый всеми её членами, и все служители умоляли бы пощадить его; всё же, если бы он не был верующим, его нельзя было бы внести в Божественную житницу. Тут ничего не поделаешь. У ангелов нет выбора: безусловный приказ — «Соберите *пшеницу*», и никого другого они собирать не должны.

15 Это будет собирание с огромных расстояний. Часть пшеницы созревает на островах Южных морей, в Китае и Японии. Часть процветает во Франции, обширные поля растут в Соединённых Штатах; едва ли есть страна, где не было бы доли доброго зерна. Где произрастает вся Божья пшеница, я сказать не могу. По избранию благодати есть остаток среди всякой нации и народа; но ангелы соберут всё доброе зерно в одну житницу.

16 «Соберите пшеницу». Святые найдутся во всех общественных слоях. Ангелы принесут несколько колосьев из дворцов и огромные охапки из хижин! Многие будут собраны из скромных жилищ наших сёл и деревень, а другие будут подняты из захолустных трущоб великих городов в Божью столицу. Из самых тёмных мест ангелы принесут тех детей кротости и света, которые редко

видели солнце, но были чисты сердцем и видели своего Бога. Сокрытые и безвестные будут выведены на свет, ибо Господь знает Своих, и Его жнецы не пропустят их.

17 Для меня отрадна мысль, что они придут из всех веков. Будем надеяться, что там окажутся наш праотец Адам и праматерь Ева, следующие по стопам своего дорогого сына Авеля и доверяющие той же жертве. Мы встретим Авраама, Исаака, Иакова, Моисея, Давида, Даниила и всех святых, достигших совершенства. Какая радость — увидеть апостолов, мучеников и реформаторов! Мне хочется увидеть Лютера, Кальвина, Беньяна и Уайтфилда. Мне нравятся стихи доброго старого отца Райленда:

> 18 «Все будут там, великие и малые,
> И я, бедняк, пожму руку блаженному святому Павлу».

19 Я не знаю, как это будет, но почти не сомневаюсь, что мы будем общаться со всеми святыми всякого века в торжествующем соборе и церкви первенцев, чьи имена написаны на небесах.

20 Неважно, когда и где росла пшеница: её соберут в одну житницу; соберут, чтобы уже никогда не рассеять; соберут из всех подразделений видимой церкви, чтобы уже никогда не разделять. Она росла на разных полях. Одни колосья процветали на склоне холма, где во всей своей славе растут епископалы, другие — в более скромной почве, где множатся баптисты и процветают методисты; но, когда пшеница в житнице, никто уже не скажет, на каком поле росли колосья. Тогда поистине молитва Господина получит славный ответ: «Да будут все едино». Все наши заблуждения будут устранены, ошибки исправлены и прощены; мы все познаем одного Господа,

одну веру и одно крещение, и больше не будет ни взаимных огорчений, ни зависти. Какое благословенное будет собрание! Какая встреча! Избранники Божьи, *лучшие* всех столетий, которых мир не был достоин. Я не хотел бы отсутствовать. Если бы ада не было, для меня было бы достаточным адом оказаться исключённым из такого небесного общества. Если бы не было плача, вопля и скрежета зубов, уже достаточно страшно было бы лишиться присутствия Господа, радости вечной хвалы Ему и блаженства встречи со всеми благороднейшими существами, когда-либо жившими. Среди необходимых споров нашего века я, обречённый казаться человеком раздора, вздыхаю о блаженном покое, где все духовные умы сольются в вечном согласии перед престолом Бога и Агнца. О, если бы все мы были правы, чтобы счастливо соединиться в одном духе!

21 Далее в тексте есть слово определения. Я уже затронул эту область. «Соберите *пшеницу*». В Господнем доме должно быть помещено только зерно пшеницы. Предоставьте мне ваши сердца, пока я на минуту или две призову вас к тщательному исследованию. Пшеница была посеяна Господом. А вы посеяны Господом? Друг, если у тебя есть какая-либо вера, как ты её получил? Выросла ли она самосевом? Если так, она никуда не годится. Истинная пшеница была посеяна Сыном Человеческим. Вы посеяны Господом? Вложил ли Дух Божий вечную жизнь в вашу грудь? Пришла ли она из той дорогой руки, которую пригвоздили ко кресту? Иисус — ваша жизнь? Начинается и заканчивается ли ваша жизнь Им? Если так, всё хорошо.

22 Пшеница, посеянная Господом, является также предметом Его заботы. Пшенице нужно много внимания.

Земледелец ничего не получил бы от неё, если бы тщательно не следил за нею. Находитесь ли вы под Господним попечением? Хранит ли Он вас? Истинны ли для вашей души слова: «Я, Господь, хранитель его; в каждое мгновение напояю его; ночью и днём стерегу его, чтобы кто не ворвался в него»? Испытываете ли вы такое хранение? Ответьте честно, если любите свою душу.

23 Далее, пшеница полезна; это Божий дар для жизни людей. Ложная пшеница никому не приносила пользы; её могли есть только свиньи, да и те от неё шатались, как пьяные люди. Принадлежите ли вы к тем, кто благотворен для общества, кто подобен хлебу для мира, так что, принимая вас, ваш пример и ваше учение, люди получают благословение? Судите сами, добры вы или злы по жизни и влиянию.

24 «Соберите пшеницу». Вы знаете: Бог должен вложить в вас доброту, благодать, основательность и полезность, иначе вы никогда не станете пшеницей, пригодной для ангельского собирания. О пшенице верно одно: это самое зависимое из всех растений. Я никогда не слышал о пшеничном поле, которое взошло бы, выросло и созрело без земледельческого ухода. После жатвы, когда зёрна осыпались, могут появиться отдельные колосья; но я никогда не слышал о равнинах в Америке или где-либо ещё, покрытых непосеянной пшеницей. Нет, нет. Где нет человека, там нет пшеницы; и где нет Христа, там нет благодати. Самым своим существованием мы обязаны Отцу, Который есть Земледелец.

25 И всё же, при всей своей зависимости, пшеница занимает первое место в чести и уважении; так и благочестивые — в суждении всех, чьё сердце разумно. Без Христа мы ничто, но с Ним исполнены чести. О, быть

бы нам среди тех, кем сохраняется мир, среди превосходнейших на земле, в которых находят радость святые! Не дай Бог оказаться среди низких и бесполезных плевелов!

[26] Последнее положение, о котором я также скажу кратко, — слово о месте назначения. «Соберите пшеницу *в житницу Мою*». Собирание пшеницы завершится в день суда, но оно происходит ежедневно. Час за часом собираются святые; и сейчас они уходят к небу. Мне так радостно постоянно слышать, что уходящие из моей дорогой церкви с такой радостью принимают своё собирание в жатву. Слава Богу, наши люди умирают хорошо. Лучше всего — хорошо жить; но мы весьма радуемся, слыша, что братья хорошо умирают, ибо часто это самое убедительное свидетельство живого благочестия. Мирские люди чувствуют силу торжествующей смерти.

[27] Каждый час святые собираются в житницу. Именно там они хотят быть. Мы не испытываем боли от вести об уборке урожая, ибо желаем быть безопасно сохранёнными нашим Господом. Если бы пшеница на поле могла говорить, каждый колос сказал бы: «Конечная цель, ради которой мы живём и растём, — житница, зернохранилище». Ради этого морозная ночь, ради этого солнечный день, ради этого роса и дождь, ради этого всё. Всякая работа с пшеницей направлена к житнице. Так и с нами: всё направлено к небу, к месту собирания, к собору праведных, к созерцанию лица нашего Искупителя. Наша смерть не внесёт сбоя в музыку нашей жизни, не повлечёт ни паузы, ни даже диссонанса; она — часть замысла, венец всей нашей истории.

[28] Для пшеницы житница — место безопасности. Там она не боится плесени; оказавшись в житнице, не страшится ни мороза, ни зноя, ни засухи, ни сырости. Все опасности роста позади. Она достигла совершенства, вознаградила труд земледельца и помещена под кров. О долгожданный день, наступи! О братья, какое благословение будет, когда мы с вами достигнем зрелости и Христос увидит в нас плод подвига Своей души.

[29] Мне отрадно думать о небе как о *Его* житнице. *Его* житница — какой же она должна быть! Лишь бедность языка заставляет вообще употреблять такое выражение о доме нашего Отца, обители Иисуса. Небо — дворец Царя, но для нас в этом отношении оно житница, ибо это место безопасности и вечного покоя. Это дом Христа, куда нас перенесут, и для этого мы созреваем. О нём следует думать с восторженной радостью, ибо собирание в житницу означает праздник завершённой жатвы; а я никогда не слышал, чтобы люди садились плакать над земным праздником урожая или следовали за снопами со слезами. Нет, они хлопают в ладоши, пляшут от радости и громко восклицают. Сделаем и мы нечто подобное в отношении уже собранных под кров. Торжественными, сладостными напевами будем петь вокруг их могил. Будем чувствовать: несомненно, горечь смерти миновала. Вспоминая их славу, мы можем радоваться, как роженица после рождения ребёнка, которая «уже не помнит скорби от радости, потому что родился человек в мир». Ещё одна душа начинает петь на небе; почему же вы плачете, наследники бессмертия? Является ли вечное счастье праведных рождением, наступающим через их предсмертные муки? Тогда счастливы умирающие. Является ли слава концом и итогом того, что наполняет наш дом трауром? Если так, благодарите Бога за утраты,

благодарите за самые печальные разлуки. Он возвысил наших дорогих до небес! Он благословил их превыше всего, чего мы могли бы просить или даже помыслить; Он взял их из этого утомительного мира, чтобы они навеки покоились на Его собственном лоне. Да будет благословенно Его имя, хотя бы только за это. Неужели вы удерживали бы здесь своего старого отца, исполненного боли и сокрушённого немощью? Неужели закрыли бы для него славу? Неужели задерживали бы здесь дорогую жену со всеми её страданиями? Неужели удерживали бы мужа от бессмертного венца? Могли бы вы желать, чтобы ваше дитя вновь спустилось на землю из блаженства, которое теперь окружает её? Нет, нет. Мы желаем и сами идти домой, в дом Небесного Отца с его многими обителями; а об ушедших радуемся перед Господом, как радуются во время жатвы. «Итак утешайте друг друга сими словами».

Примечания

1. Примечание Life for God. В электронной транскрипции слова «not sent save to» переставлены в «not sent to save», что меняет смысл на противоположный. Здесь восстановлено чтение печатного издания Funk & Wagnalls 1882 года, с. 57: Христос как проповедник был послан только к погибшим овцам дома Израилева. ↑

2. Примечание Life for God. В английском тексте сохранено «teaching to the era» — так напечатано и в историческом издании 1882 года, с. 180. По контексту противопоставлены обращённое к слуху внешнее наставление и внутреннее действие истины; в русском это передано как «наставление, обращённое к слуху». ↑

LIFE FOR GOD

ХРИСТИАНСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Книги на русском и английском, аудиозаписи, духовные беседы и мастерская проповедника.

Веб-сайт

lifeforgod.church

Нажмите на адрес или отсканируйте QR-код камерой телефона.

Читать эту книгу онлайн